

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

(1870—1906 года).

Посвящаю моему лучшему другу А. Н. Солиmani.

АКЪ ни трудно вспоминать всѣ событія жизни за сорокъ почти лѣтъ, особенно если въ теченіе этого времени не велъ дневника, тѣмъ не менѣе я рискнулъ взять на себя эту задачу, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что тридцатилѣтняя служба моя въ главномъ управленіи Туркестанскаго края, почти съ первыхъ дней присоединенія его къ имперіи, внесетъ нѣкоторую лепту въ общій сборникъ матеріаловъ для будущаго историка края.

Приступаю къ моимъ воспоминаніямъ съ твердымъ намѣреніемъ нигдѣ не покривить душой, нигдѣ не говорить неправды, очерчивать дѣятелей Туркестана съ полнымъ нелицепріятіемъ. Быть можетъ, мои взгляды или выводы не всегда будутъ вѣрны, нарисованные портреты не всегда будутъ схожи, но по чести долженъ сказать, что виною этому будетъ не моя злая воля, а, быть можетъ, недостатокъ наблюдательности.

Г. П. Федоровъ.

I.

Юные годы.—Поступленіе въ тамбовскій кадетскій корпусъ.—Переходъ въ воронежскій корпусъ.—Воспоминаніе о директорахъ Броневскомъ и Ватацѣ.—Переходъ въ первый московскій корпусъ.—Директоръ Жданъ-Пушкинъ.—Поступленіе на службу юнкеромъ въ третье военное Александровское училище.—Производство въ офицеры.

Отецъ мой былъ, хотя не очень крупный, но въ свое время видный дѣятель по народному образованію въ министерствѣ графа Головкина. Когда я родился, онъ былъ директоромъ курской гимна-

зи. Изъ четырехъ братьевъ—я самый младшій. Старшій мой братъ предназначался для гражданской службы, а остальные трое, благодаря дружбѣ отца съ извѣстнымъ генераломъ Чертковымъ, пожертвовавшимъ большой капиталъ на основаніе воронежскаго кадетскаго корпуса, были зачислены кандидатами въ кадеты этого корпуса, куда въ свое время и были опредѣляемы, пробывъ предварительно одинъ или два года въ малолѣтнемъ тамбовскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Я поступилъ въ этотъ корпусъ въ 1855 году и въ 1858 году былъ переведенъ въ Воронежъ. О пребываніи въ тамбовскомъ корпусѣ у меня сохранились самыя туманныя воспоминанія. Существовавшая въ то время система воспитанія требовала для достиженія педагогическихъ цѣлей трехъ вещей: розогъ, розогъ и розогъ, и примѣнялась къ бѣднымъ дѣтямъ съ безпощадною суровостью, несмотря на то, что во главѣ корпуса стоялъ очень добрый человѣкъ генераль Пташникъ. Но и онъ поролъ насъ потому, что въ то время другихъ педагогическихъ приемовъ не признавали даже самые передовые люди.

Помню, впрочемъ, хорошо, что до насъ доходили слухи, что въ воронежскомъ корпусѣ несравненно больше порютъ, чѣмъ въ Тамбовѣ, что однорукій кавказскій генераль Броневскій (директоръ корпуса) всѣми силами стремится подражать своему предшественнику извѣстному на всю Россію генералу Винтулову, который запарывалъ кадетъ до потери сознанія. Боялись мы переѣзда въ Воронежъ страшно, и когда настало время переѣзда, то всѣ мы рыдали неутѣшно, разставаясь съ Пташникомъ. Сопровождавшій насъ ротный командиръ капитанъ Севастьяновъ старался насъ еще больше напугать, смакуя передъ нами подробности воронежскихъ пороковъ: мокрыя простыни, смоченныя въ соленомъ растворѣ розги etc.

Въ первый же день по пріѣздѣ въ Воронежъ Севастьяновъ собралъ насъ и, видимо, сконфуженный, сказалъ намъ слѣдующую рѣчь:

«Дѣти! Господь сжалился надъ вами! Генераль Броневскій уже больше не директоръ! На его мѣсто назначенъ генераль Ватаци».

Услышавъ первый разъ фамилію Ватаци, мы по тону Севастьянова инстинктивно поняли, что новый генераль означаетъ новый режимъ, и, вѣроятно, болѣе мягкій.

Броневскій никогда по военно-учебному вѣдомству не служилъ и, находясь, въ войскахъ Кавказа, пользовался репутаціей лихого боевого офицера. Въ одномъ дѣлѣ съ горцами онъ былъ тяжело раненъ; ему ампутировали руку до плеча и въ награду... назначили директоромъ кадетскаго корпуса...

Разсказываютъ, что первый годъ своего директорства онъ поразилъ всѣхъ своею гуманностью. Онъ никого не сѣкъ, завелъ библіотеку, физическій кабинетъ. Кадеты вздохнули свободно послѣ мно-

голлѣтнаго жестокаго винтуловскаго режима. Но вдругъ, на общее несчастье, въ корпусѣ произошелъ страшный скандалъ: кадетъ первой роты Стѣжкинъ въ присутствіи всѣхъ кадетъ въ столовой далъ пощечину дежурному офицеру поручику С—ну. Броневскій сразу озвѣрѣлъ. Стѣжкинъ былъ безпощадно выдранъ предъ цѣлымъ батальономъ; затѣмъ на него надѣли сѣрую шинель, и онъ отправленъ былъ куда-то, какъ простой солдатъ. Казалось, правосудіе было удовлетворено, и кадеты ничѣмъ не заслужили возврата къ старому режиму. Между тѣмъ вотъ что произошло на другой день. Послѣ классовъ весь батальонъ былъ собранъ въ залѣ, и къ общему ужасу солдаты внесли нѣсколько скамеекъ и цѣлые пуки розогъ. Всѣ замерли въ ожиданіи. Вошелъ Броневскій и, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, началъ такую рѣчь:

— Когда вчера привели Стѣжкина для наказанія, то изъ первой роты раздался возгласъ: о! о! о! о! Кто это воскликнулъ? Выходи, а не то перепорю десятаго!

Общее томительное молчаніе...

Прошло минуты двѣ-три. Броневскій подошелъ къ первой ротѣ.

— Зыбинъ! Это, навѣрное, ты. Ступай, ложись.

И вотъ началось безпощадное бичеваніе семнадцатилѣтняго юноши, быть можетъ, ни тѣломъ ни душой не виноватаго.

Когда Зыбина въ обморокѣ унесли въ лазаретъ, то Броневскій вызвалъ съ такими же словами Лутовинова. Опять началось истязаніе. Послѣ Лутовинова были выпороты еще трое, и лишь тутъ звѣрь успокоился и распустилъ обезумѣвшихъ отъ ужаса дѣтей. Съ этого дня порка снова получила право гражданства, пока въ Петербургѣ, гдѣ уже начались гуманнѣе вѣянія, не догадались отозвать озвѣрѣвшаго сумасшедшаго Броневскаго.

Изъ нижеписаннаго будетъ понятно, что всѣ кадеты, учившіеся затѣмъ въ корпусѣ во время директорства А. И. Ватаци, съ благоговѣніемъ чтутъ память этого благороднаго, идеально-чистаго и добраго человѣка и начальника.

Ватаци въ первый же день своего прибытія объявилъ, что система истязанія дѣтей «на законномъ основаніи» должна быть забыта навсегда, и когда нѣкоторые старозавѣтные воспитатели винтуловскаго режима начали возражать, что безъ розогъ кадеты окончательно развратятся, то Ватаци отвѣтилъ однимъ словомъ: «посмотримъ», и, дѣйствительно, не прошло и года, какъ всѣ убѣдились, что можно обойтись и безъ розогъ. Сами кадеты невольно подтянулись подъ вліяніемъ гуманнаго обращенія. Существовавшій среди кадетъ такъ называемый спартанизмъ началъ исчезать. Спартанцы, т. е. кадеты, считавшіе униженіемъ учиться и посвятившіе себя всецѣло развитію физической силы, если и не вывелись совсѣмъ въ первый же годъ директорства Ватаци, то старались по крайней мѣрѣ, держаться въ тѣни и не бравировать своими колоссальными мышцами и икрами.

Переходя къ собственной особѣ, я долженъ сознаться, что всегда былъ примѣрнымъ лѣнтяемъ и въ трехъ классахъ просидѣлъ по два года. Въ то время въ корпусахъ было пять общихъ классовъ, и, съ трудомъ дотянувъ до пятаго класса, я неожиданно для себя былъ по просьбѣ матери переведенъ въ первый московскій корпусъ. Въ этомъ заведеніи я оставался нѣсколько мѣсяцевъ, ибо лѣтомъ 1864 года поступилъ въ третье военное Александровское училище.

Непродолжительное пребываніе въ первомъ московскомъ корпусѣ оставило во мнѣ хорошее воспоминаніе, благодаря добрѣйшему директору Жданъ-Пушкину. Онъ хотя и былъ строгъ, но отечески входилъ въ нужды кадетъ, и каждый воспитанникъ могъ смѣло идти къ нему за совѣтомъ или поддержкой. Одно, что онъ каралъ беспощадно,—это ложь и обманъ. Узнавъ, на примѣръ, что почти всѣ кадеты пятаго класса потихоньку курятъ, онъ своею властью разрѣшилъ этому классу курить, чтобы не ставить ихъ въ необходимость обманывать начальство. Помню, что такая либеральная мѣра вызвала сильное порицаніе нашего сосѣда генерала Фрейганга, директора второго корпуса (оба корпуса помѣщаются въ одномъ зданіи).

Переходъ въ Александровское училище рѣзко измѣнилъ весь строй нашей жизни. Въ корпусѣ мы все-таки были, или, по крайней мѣрѣ, считались дѣтьми, а съ переходомъ въ училище мы обратились въ юнкеровъ, поступили на дѣйствительную службу, надѣли солдатскія шинели, однимъ словомъ, перешли въ категорію людей взрослыхъ. Да и самая система воспитанія и внутренній бытъ въ училищѣ рѣзко разнились отъ корпуса. Намъ предоставлено было право нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ училища, мы по очереди дежурили по кухнѣ, по кладовой, по буфету и такимъ образомъ принимали косвенное участіе въ хозяйствѣ училища.

Нужно, впрочемъ, сказать, что первые годы образованія училища (учреждено въ 1863 году) начальство, повидимому, продолжало смотрѣть на насъ, какъ на кадетъ. Въ мое время (1864—66 гг.) въ училищѣ вполнѣ отсутствовала дисциплина въ строгомъ смыслѣ этого слова. Юнкера были страшно разнузданы, благодаря отсутствію энергіи и инициативы начальника училища, добрѣйшаго, образованнѣйшаго, но въ высшей степени слабаго генерала Шванебаха. Большая часть юнкеровъ проводили все свободное отъ классовъ время на бульварахъ и въ извѣстной въ то время гостиницѣ «Гунибъ» на Арбатѣ, гдѣ были особыя, такъ называемыя юнкерскіе два грязнѣйшихъ номера въ подвальномъ этажѣ, постоянно по вечерамъ занятые юными воинами въ обществѣ модистокъ, жившихъ противъ училища на Знаменкѣ. Начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, и оргіи эти продолжались до моего выпуска, но потомъ, горючая, юнкеровъ сильно подтянули.

Зато начальство, видимо, не жалѣло средствъ, чтобы поставить воспитательное дѣло на должную высоту. Для чтенія лекцій были приглашены лучшіе московскіе профессора, и въ мое время читали: исторію—С. М. Соловьевъ, статистику—И. К. Бабстъ, законовѣдѣніе—Капустинъ, химію—Лясковскій, физику—Вейнбергъ, исторію церкви—Иванцовъ-Платоновъ, военную администрацію—генеральнаго штаба капитанъ Зайцевъ, артиллерію—академикъ и выдающійся военный ученый Зиновьевъ.

Лучше такого персонала нельзя было придумать, и, дѣйствительно, такія личности, какъ незабвенный Соловьевъ или Капустинъ, сумѣли заинтересовать даже такихъ юнкеровъ, которые раньше ничѣмъ, кромѣ спорта, не интересовались.

Въ противоположность столь блестяще поставленному научному образованію, военное воспитаніе было поставлено очень слабо. Юнкера были совсѣмъ не дисциплинированы, и начальство, видимо, не придавало этому значенія. Вслѣдствіе этого юнкера первыхъ выпусковъ являлись въ свои части какими-то институтками. Въ Павловскомъ и Константиновскомъ военныхъ училищахъ (учрежденных тоже въ 1863 году) дисциплина была поставлена образцово съ перваго же года. Тамъ изъ юнкеровъ сразу выгнали кадетскую закваску. Это, быть можетъ, было немного рѣзко, но зато дало хорошіе результаты.

Въ нашемъ училищѣ также почти не обращалось вниманія на такія познанія, которыя мы должны были примѣнить по выпускѣ въ офицеры, уже въ качествѣ вполнѣ подготовленныхъ учителей. Такъ, напримѣръ, юнкера чисто формально занимались глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній, и я хорошо помню, какъ я былъ сконфуженъ, когда по прибытіи въ батальонъ уже офицеромъ я долженъ былъ вывести въ поле свое капральство и преподавать стрѣлкамъ въ понятной для нихъ формѣ теорію глазомѣрнаго опредѣленія разстояній. Я рѣшительно ничего не могъ объяснить, и сконфуженно передалъ свои функціи капральному унтеръ-офицеру. Я убѣжденъ, что въ такомъ же положеніи были и всѣ мои бывшіе товарищи по училищу и выпуску.

Въ худшемъ еще положеніи было фехтованіе. Мы много дрались на рапирахъ и на эспадронахъ. Конечно, это очень полезное занятіе, развивающее личную отвагу и ловкость, но... оно совсѣмъ непримѣнимо къ обученію солдатъ. Фехтованіе же на ружьяхъ почему-то было совсѣмъ исключено изъ нашей программы, и, прибывъ въ батальонъ, я впервые увидѣлъ этотъ родъ военного спорта въ то время, когда самъ долженъ былъ учить нижнихъ чиновъ фехтовать на ружьяхъ.

Во время лагерей на Ходынскомъ полѣ мы главнѣйшимъ образомъ занимались батальоннымъ ученіемъ, караульная же и аванпостная служба, восьмирядное ученіе, маневры малыми частями съ

примѣненіемъ къ мѣстности, все это продѣлывалось *entre autres* и спустя рукава. Топографическая съемка исполнялась всѣми юнкерами, но *de facto* все дѣло дѣлали главари каждой партіи, а остальные ровно ничего не дѣлали, откупаясь отъ работы тѣмъ, что обязывались быть выучными животными, т. е. таскать мензулу, вѣхи, колья, цѣпь и пр. Начальство требовало, чтобы планъ былъ вѣренъ и красивъ, а до остального ему не было дѣла.

Въ августѣ 1866 года прибылъ въ Москву императоръ Александръ II и, произведя смотръ училищу, поздравилъ старшій классъ офицерами.

Послѣ присяги на вѣрность службы я взялъ двадцативосьмидневный отпускъ и уѣхалъ къ брату Петру въ смоленское его имѣніе. Тамъ я, конечно, сейчасъ же влюбился и въ чадѣ первой любви вмѣсто двадцати восьми дней пробылъ въ отпуску два съ половиною мѣсяца и, чтобы не подвергаться отвѣтственности, взялъ у врача медицинское свидѣтельство.

Съ тяжелымъ сердцемъ и со слезами я уѣзжалъ изъ деревни брата, гдѣ меня всѣ ласкали и баловали.

II.

Жизнь въ селѣ Иваново-Вознесенскѣ.—Командиръ батальона Фромандьеръ.—Начальникъ третьей пѣхотной дивизіи И. С. Ганецкій.—Столкновеніе его съ благочиннымъ села Иванова.—Новый командиръ батальона графъ Комаровскій.—Походъ въ Оренбургъ.—Жизнь въ этомъ городѣ.—Генералъ-губернаторъ Крыжановскій.—Волненія въ Киргизской степи.—Походъ въ степь.—Сожженіе нами нашего же транспорта.—Возвращеніе въ Оренбургъ и походъ въ Ташкентъ.—Новый командиръ батальона Новомлинскій.

Третій стрѣлковый батальонъ, въ который я былъ выпущенъ прапорщикомъ, расположенъ былъ на просторныхъ квартирахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, и штабъ батальона находился въ знаменитомъ своими ситцевыми фабриками селѣ Иваново-Вознесенскѣ.

Въ батальонѣ служилъ уже мой братъ Михаилъ, который въ годъ моего выпуска былъ штабсъ-капитаномъ и занималъ должность квартирмейстера. Пріѣхавъ въ батальонъ, я на другой же день явился къ командиру батальона полковнику Фромандьеру. Это былъ очень странный человѣкъ. Службы онъ совсѣмъ не зналъ и совсѣмъ ею не занимался; знакомствъ ни съ кѣмъ почти не заводилъ и постоянно былъ влюбленъ въ... кого-нибудь изъ офицеровъ своего батальона. Благодаря этой странности, онъ, конечно, не пользовался ничѣмъ уваженіемъ и всегда былъ предметомъ насмѣшекъ среди общества офицеровъ, что, безспорно, дурно отражалось на дисциплинѣ. Онъ принялъ меня очень сухо, не подаль руки и началъ читать нравоученіе о моихъ будущихъ обязанностяхъ, но вдругъ оборвалъ рѣчь слѣдующею фразой:

— Вы, впрочемъ, прапорщикъ очень счастливо начинаете службу, ибо имѣете счастье жить подъ одной кровлей съ вашимъ очаровательнымъ, обворожительнымъ братомъ...

Крайне удивленный этой фразой, я просилъ офицеровъ объяснить се смыслъ.

— А это очень просто объясняется,—отвѣтилъ мой братъ:—теперь я имѣю несчастье быть предметомъ страсти Петра Павловича, и онъ не даетъ мнѣ покоя, одолевая своими любезностями...

Можете судить, какое впечатлѣніе произвело это на только что произведеннаго офицера!?

Скоро братъ мой былъ исключенъ изъ списка «предметовъ», и Фромандьеръ воспылалъ страстью къ моему товарищу по выпуску Р—ву. Эта несчастная страсть погубила психопата. Батальоннымъ адъютантомъ у насъ былъ поручикъ Келлеръ. Въ одинъ прекрасный день онъ сошелъ съ ума и между всякимъ вздоромъ кричалъ, что онъ убьетъ старшаго врача Петровскаго. Хотя Фромандьеру докладывали и доктора и старшіе офицеры, что Келлеръ психически-больной, и что его нужно отправить въ госпиталь, но Фромандьеръ неожиданно выкинулъ слѣдующую штуку. Пригласивъ къ себѣ Р—ва, онъ спросилъ его:

— Милый Сереженька, хотите прокатиться въ Петербургъ?

Юноша Р—въ, никогда не видѣвшій столицы, конечно, выразилъ полное согласіе.

Но какъ бы вы думали, что придумалъ Фромандьеръ? Онъ написалъ Р—ву предписаніе, въ которомъ предложилъ отвезти Келлера въ Петербургъ къ шефу жандармовъ, которому и сдать этого офицера, какъ покушавшагося на убійство доктора!

Все это было сдѣлано секретно отъ офицеровъ, такъ что они всѣ были убѣждены, что Р—въ увезъ Келлера въ лечебницу.

Можете судить, какой эффектъ должны были произвести эти два офицера въ пріемной графа Шувалова?

Послѣдствія не заставили себя ждать. Черезъ мѣсяцъ къ намъ нагрянулъ начальникъ дивизіи генералъ Ганецкій, который сначала разнесъ все и вся, а затѣмъ предложилъ Фромандьеру убираться изъ батальона по добру по здорову.

Этотъ Ганецкій, впослѣдствіи плевненскій герой, былъ невозможно грубый, невоспитанный и несдержанный человѣкъ, но въ то же время очень умный и находчивый.

Разскажу одинъ характерный случай, свидѣтелемъ котораго былъ и я въ числѣ прочихъ офицеровъ.

Пріѣхавъ лѣтомъ инспектировать батальонъ, Ганецкій сталъ обходить ряды, задавая стрѣлкамъ неожиданные вопросы. Нижніе чины до такой степени его боялись, что нѣкоторые заболѣвали передъ смотромъ.

Почти все населеніе села Иванова вышло въ поле посмотреть

смотря. Въ числѣ публики стоялъ благочинный отецъ Дмитрій, всѣми уважаемый священникъ; онъ въ продолженіе зимы безплатно преподавалъ стрѣлкамъ Законъ Божій.

Ганецкій, проходя вдоль фронта второй роты, внезапно остановился противъ одного стрѣлка и, вперивъ въ него свои круглые глаза, стремительно-грознымъ голосомъ спросилъ:

— А сколько заповѣдей?

Бѣдный стрѣлокъ буквально омертвѣлъ отъ страха, языкъ его прилипъ къ гортани. Онъ не отвѣчалъ.

— Ну?—грозно прорычалъ Ганецкій.

— Двѣнадцать,—прошепталъ несчастный стрѣлокъ.

— А кто это у васъ такой остроумный законоучитель?—спросилъ еще грознѣе Ганецкій.

Ротный командиръ доложилъ, что законоучителемъ состоитъ отецъ Дмитрій, который въ настоящую минуту находится здѣсь.

— Пожалуйста сюда, отецъ Дмитрій!—заоралъ на всю площадь Ганецкій.

Отецъ Дмитрій степенно подошелъ и солидно поклонился генералу.

— Это чему же вы учите моихъ солдатъ? Позвольте васъ спросить, гдѣ мы находимся: въ православной Россіи или въ ордѣ? Стыдно, батюшка, портить православнаго воина, внушая (!?) ему превратныя и противныя религіи свѣдѣнія! Стыдно... и еще разъ стыдно!!!

И батальонъ и публика были возмущены такою грубостью, и притомъ ничѣмъ не заслуженною.

Отецъ Дмитрій поблѣднѣлъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, громкимъ голосомъ, который могли слышать всѣ, отвѣтилъ спокойно слѣдующее:

— Солдатику отвѣтилъ вамъ невѣрно потому, что испугался или растерялся. Другой причины нѣтъ и быть не можетъ, ибо русскій священникъ, даже самый жалкій, знаетъ, сколько заповѣдей Господнихъ, и, кромѣ вашего превосходительства, никто не позволилъ бы себѣ сказать, что это я научилъ солдата, что заповѣдей двѣнадцать, а не десять. До сихъ поръ я не слыхалъ, чтобы священникъ умышленно портилъ солдатъ, этихъ защитниковъ отечества. Для меня это новость, и я склоненъ думать, что вы совершили необдуманнѣйшій поступокъ, сдѣлавъ свой выводъ... Но въ нашемъ ко мнѣ обращеніи есть еще и другая сторона, о которой я не могу умолчать. Вы дозволили себѣ грубо кричать на меня въ присутствіи моихъ прихожанъ и моихъ учениковъ-солдатъ. Гдѣ вы воспитывались—я не знаю, но что вы можете быть невѣжливы, я сейчасъ узналъ. Прощайте!

Среди могильной тишины отецъ Дмитрій медленно направился черезъ толпу, и мы внутренно порадовались, что врагъ нашъ получилъ публичный урокъ.

Но вдругъ снова раздался зычный голосъ генерала:

— Батюшка! Прошу васъ вернуться на пять минутъ.

Отецъ Дмитрій вернулся.

Тогда Ганецкій, обратившись къ солдатамъ, произнесъ громовымъ голосомъ:

— Ребята! Я забылся и обидѣлъ вашего священника! Какъ христіанинъ, каюсь въ этомъ. Батюшка! Простите меня Христа ради!..

Отецъ Дмитрій, тонко улыбнувшись, спокойно отвѣтилъ:

— Христа ради, прощаю васъ.

Но когда Ганецкій не получалъ отпора, то онъ былъ невозможенно дерзокъ и грубъ, особенно съ подчиненными.

Такъ, напримѣръ, принимая одинъ разъ почетный караулъ въ селѣ Ивановѣ, еще при Фромандьерѣ, онъ публично называлъ меня дѣвкой съ шиньономъ только потому, что у меня изъ-подъ козырька кепи торчала небольшая прядка волосъ. Я, конечно, долженъ былъ проглотить эту обиду.

Послѣ вышеописаннаго смотра офицеры давали обѣдъ Ганецкому. Казалось бы, въ благодарность за нашу хлѣбъ-соль онъ долженъ былъ быть если не любезнымъ, то хотя сдержаннымъ. Но нѣтъ, ему не были свойственны самыя элементарныя условія благопристойности.

За обѣдомъ зашелъ, конечно, разговоръ о дисциплинѣ. Впрочемъ, я неправильно сказалъ «разговоръ»: говорилъ одинъ Ганецкій своимъ обычнымъ непріязненно-зычнымъ голосомъ. Онъ ораторствовалъ на ту тему, что офицеръ долженъ выказывать генералу всѣ возможные знаки почтенія и почтительности во всѣхъ случаяхъ жизни.

Нашъ первый острякъ и общій любимецъ капитанъ Ефремовъ, подъ вліяніемъ выпитаго вина, неожиданно, но съ тонкою улыбкой на лицѣ спросилъ:

— А въ банѣ, ваше превосходительство?

Ганецкій моментально взбѣсился и выпалилъ:

— А не хотите ли вы, чтобы я васъ прямо съ обѣда отправилъ на гауптвахту?

На мѣсто Фромандьера назначенъ былъ къ намъ командиромъ полковникъ графъ Комаровскій. Служивъ до того въ гвардіи, онъ, видимо, хорошо зналъ службу, но былъ чрезвычайно лѣнивъ. Зимой, когда роты расположены на просторныхъ квартирахъ въ деревняхъ, онъ ни разу не побывалъ тамъ, вполнѣ сваливъ всю работу на ротныхъ командировъ, а лѣтомъ, во время лагерей, почти не появлялся на стрѣльбѣ. Мы, молодежь, были въ восторгѣ отъ графа, такъ какъ однажды въ батальонной канцеляріи онъ заявилъ намъ, что намъ, прапорщикамъ, незачѣмъ ходить на стрѣльбу, ибо мы только будемъ мѣшать ротнымъ командирамъ (?).

Общественной жизни въ то время въ селѣ Ивановѣ совсѣмъ не было, несмотря на то, что среди обывателей насчитывалось десятокъ милліонеровъ. Всѣ фабриканты вели замкнутый образъ жизни и не выражали желанія принимать у себя офицеровъ. Исключеніе представлялъ милліонеръ А. Ф. Зубковъ, у котораго офицеры бывали часто, но тамъ большею частью шла крупная игра и публика сильно кутила (Зубковъ былъ холостой). Въ концѣ концовъ намъ пришлось ограничиться обществомъ иностранцевъ-негоціантовъ, разныхъ агентовъ, врачей и аптекаря. Особенно весело проводили мы время у управляющаго селомъ Ивановымъ (принадлежитъ графу Шереметеву) Тулова и у крупнаго негоціанта Фолькмана.

Въ апрѣлѣ 1868 года мы неожиданно получили приказъ о выступленіи на постоянныя квартиры въ Оренбургъ. Въ то время мы не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлалось въ Средней Азіи, о движеніи нашихъ войскъ изъ Оренбургскаго края и изъ Западной Сибири для установленія прочной границы нашей на Востокъ, о геройскихъ подвигахъ Сѣрова, о молодецкихъ дѣйствіяхъ отряда Черняева, о взятіи Ташкента и т. д.

Нельзя не сознаться, что въ то время офицеры, особенно молодежь, совсѣмъ не читали газетъ и не интересовались тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Походъ въ Оренбургъ представлялся намъ заманчивымъ, какъ всякая новинка, а главнымъ образомъ потому, что мы выходили изъ-подъ начальства ненавидимаго всѣми Ганецкаго.

Батальону предстояло пройти пѣшкомъ до Коврова, оттуда по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода, далѣе по Волгѣ до Самары на пароходѣ и затѣмъ вновь пѣшкомъ до Оренбурга.

Въ Оренбургъ батальонъ прибылъ въ іюлѣ 1868 года. Намъ всѣхъ поразили новые типы людей и животныхъ. Еще по пути изъ Самары мы изрѣдка встрѣчали верблюдовъ съ сидящими на нихъ киргизами въ мѣховыхъ малахаяхъ (безобразный головной уборъ). Въ Оренбургѣ верблюды попадались на каждомъ шагѣ цѣлыми вереницами. Всюду встрѣчались характерныя монгольскіе типы киргизовъ; въ лавкахъ виднѣлось много татаръ и бухарцевъ, и хотя городъ своей внѣшностью ничѣмъ не отличался отъ прочихъ второстепенныхъ городовъ, но пестрое населеніе придавало ему своеобразную восточную окраску.

Въ Оренбургѣ батальонъ былъ помѣщенъ въ казармахъ, и для насъ сразу началась скучная гарнизонная служба, съ очень частыми утомительными караулами.

Молодежь вскорѣ познакомилась съ мѣстнымъ обществомъ, и такъ какъ до насъ много лѣтъ въ Оренбургѣ не было войскъ, кромѣ казаковъ, то мы были всюду принимаемы очень радушно. Для насъ, молодежи, наступило время постоянного веселья и развлеченій, чему много способствовалъ графъ Комаровскій, объявившій намъ, что освобождаетъ насъ отъ занятій въ казармахъ, но съ тѣмъ, чтобы

мы, прапорщики, поддерживали знакомство съ порядочнымъ обществомъ.

Генераль-губернаторомъ въ то время былъ генераль-адъютантъ Крыжановскій, человѣкъ очень большого ума, съ блестящимъ военнымъ прошлымъ, но, къ сожалѣнію, подъ старость страдавшій маніей величія, чему много способствовало возмутительное раболѣпство тогдашняго оренбургскаго общества.

Въ управленіе краемъ онъ, видимо, мало вмѣшивался, ввѣрившись безусловно своему правителю канцеляріи Холодковскому. Говорили, что послѣднему очень протежировала жена генераль-губернатора, имѣвшая, повидимому, огромное вліяніе на мужа и вмѣшивавшаяся во всѣ дѣла.

Самъ Крыжановскій всегда пользовался репутаціей безупречно-честнаго человѣка и дѣйствительно былъ такимъ, но вслѣдствіе безволія подчинялся своему правителю канцеляріи, результатомъ чего было надѣлавшее столько шума колоссальное хищеніе башкирскихъ земель на законномъ основаніи. Подробностей этого дѣла я не знаю, но, безспорно, оно было возмутительно, судя по громкимъ результатамъ сенаторской ревизіи, посланной въ Оренбургъ по высочайшему повелѣнію. Императоръ Александръ III, только что вступившій на престолъ, однимъ изъ первыхъ актовъ своего царствованія постановилъ беспощадный приговоръ надъ главными виновниками хищенія башкирскихъ земель. Крыжановскій, несмотря на свои огромныя государственныя заслуги (онъ былъ генераль-адъютантъ и имѣлъ Георгія III класса), былъ уволенъ отъ службы безъ пенсіи, а Холодковскій, имѣвшій чинъ тайнаго совѣтника, былъ уволенъ по третьему пункту, т. е. безъ прошенія. Но въ результатъ земли башкиръ все-таки оказались разграбленными; всѣ главные воротилы превратились въ крупныхъ землевладѣльцевъ, и лишь одинъ Крыжановскій оказался опозореннымъ, ушелъ въ отставку нищимъ и вскорѣ умеръ въ крайней бѣдности въ своемъ хуторкѣ гдѣ-то въ глуши Малороссіи.

Всѣмъ знавшимъ Крыжановскаго было искренно жаль этого заслуженнаго государственнаго дѣятеля, этого честнаго, талантливаго и умнаго человѣка и образцоваго семьянина, погибшаго исключительно вслѣдствіе своей доброты, довѣрія, слабости и безхарактерности. Получая лишь ничтожную эмеритуру, онъ вынужденъ былъ добывать на старости лѣтъ средства къ жизни литературнымъ трудомъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ нашего прибытія графъ Комаровскій объявилъ намъ, что мы должны каждое воскресенье являться на «выходъ» въ генераль-губернаторскій домъ, и, кромѣ того, онъ повезъ всѣхъ въ парадной формѣ съ визитомъ къ О. К. Крыжановской.

Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, въ залъ генераль-губернаторскаго дома собирались всѣ служащіе, и дежурный адъютантъ вы-

страивалъ ихъ по рангамъ. Спустя полчаса выходилъ Крыжановскій и, обойдя весь чиновный строй и милостиво улыбувшись нѣкоторымъ счастливымъ, торжественно уходилъ въ кабинетъ. Ну, точно въ былое время въ Зимнемъ дворцѣ!

Визитъ къ О. К. Крыжановской былъ тоже очень характерный. Когда мы вошли въ гостиную (22 офицера съ командиромъ во главѣ), то насъ встрѣтилъ правитель генераль-губернаторской канцеляріи Холодковскій. Вскорѣ вышла пожилая, но все еще красивая дама. Мы всѣ шаркнули ножками, а графъ Комаровскій сѣлъ рядомъ съ нею и началъ разговоръ по-французски. Насъ даже не пригласили сѣсть, и мы, какъ нижніе чины, продолжали стоять и, выпуча глаза, смотрѣли на хозяйку. Минутъ черезъ десять вошелъ самъ Крыжановскій, сдѣлалъ общій поклонъ и объявилъ намъ радостную вѣсть, что мы навсегда выходимъ изъ состава третьей пѣхотной дивизіи и черезъ годъ выступимъ въ Ташкентъ на укомплектованіе войскъ Туркестанскаго военнаго округа. Мы были безконечно счастливы, что навсегда распрощались съ Ганецкимъ, а главное, что въ недалекомъ будущемъ насъ ждутъ военные лавры, бѣлые крестики, чины, усиленные денежныя отпуски... Увы! какъ грустно не оправдались эти надежды!

Зиму 1868—69 гг. мы очень веселились, много танцовали, влюблялись и съ грустью вспоминали о надвигающемся походѣ на дальній Востокъ. Но вдругъ неожиданно почти за мѣсяцъ до выступления все измѣнилось, и батальонъ отложилъ свой походъ еще на годъ.

Дѣло было въ слѣдующемъ.

Къ востоку отъ рѣки Урала тянется огромная степь отъ границъ Сибири до Каспійскаго и Аральскаго морей. Степь эта населена киргизами-кочевниками. До 1868 года всѣ эти мѣстности носили названіе Малой, Средней и Большой Орды. Киргизы испоконъ вѣка управлялись на мѣстѣ своими султанами-правителями, по большей части, кажется, наслѣдственными. Въ степи не было никакихъ русскихъ чиновниковъ, и лишь для надзора и контроля киргизскихъ султановъ въ Оренбургѣ существовало особое учрежденіе, которое, кажется, именовалось управленіемъ киргизовъ оренбургскаго вѣдомства.

По какимъ соображеніямъ правительство признало существовавшій порядокъ вреднымъ, я не знаю, но въ 1868 году было утверждено новое положеніе, по которому вся киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства была раздѣлена на двѣ области: Тургайскую и Уральскую. Каждая область дѣлилась на уѣзды, куда были назначены русскіе офицеры и чиновники. Во главѣ областей стали военные губернаторы и областныя правленія.

Насколько вызывалась необходимостью новая система, я судить не берусь, но знаю, что она пришлась сильно не по вкусу султанамъ-

правителямъ, терявшимъ съ новою реформою всякую власть. Дикое, кочевое населеніе, конечно, едва ли могло оцѣнить пользу или вредъ реформы, и султаны, пользуясь своимъ огромнымъ вліяніемъ на народныя массы, стали мутить народъ, подстрекая къ отказу отъ введенія новаго положенія. И вотъ степь заволновалась. Начали появляться небольшія шайки, начались угоны скота изъ казачьихъ форпостовъ Уральскаго войска; были даже случаи убійствъ.

Крыжановскій, какъ умный человѣкъ, сразу понялъ, что волненіе въ степи можетъ быть прекращено лишь самыми рѣшительными военными мѣрами, и хотѣлъ тотчасъ же двинуть въ степь два-три отряда для наказанія мятежниковъ, но его успѣли убѣдить, что положеніе въ степи вовсе не такъ страшно, какъ доносятъ алармисты изъ Уральской области, которымъ хочется лишь вызвать военную экспедицію для полученія боевыхъ наградъ, что все дѣло сводится къ тому, что киргизы не поняли реформы и что нужно имъ на мѣстѣ разъяснить новое положеніе. Крыжановскій позволилъ себя въ этомъ убѣдить, и вотъ всѣ мы были свидѣтелями такого факта: все киргизское населеніе массами начало откочевывать на югъ къ хивинскимъ границамъ, грабя и убивая по дорогѣ все, что попадется, а генераль-губернаторъ вмѣсто того, чтобы возстановить твердыми мѣрами престижъ русской власти, посылаетъ въ степь вице-губернатора Туркестанской области Юрковского съ докторомъ Неймаркомъ и переводчикомъ султаномъ Джантюринымъ для того, чтобы разъяснить киргизамъ блага новаго положенія!

Комическіе результаты этой командировки не замедлили обнаружиться. Комиссія кочевала по степи совершенно пустой и, не встрѣтивъ ни одного киргиза, возвратилась обратно.

Междутѣмъ волненіе въ степи разрасталось, и небольшому отряду, посланному въ степь (1 рота Оренбургскаго мѣстнаго батальона, 2 орудія и 2 сотни казаковъ) пришлось выдержать форменное сраженіе съ многочисленнымъ скопищемъ киргизовъ.

Послѣ этого Крыжановскій рѣшилъ приступить къ болѣе активной дѣятельности. Прежде всего признано было неотложнымъ возвести въ степи два укрѣпленія въ урочищахъ Акъ-Тюбе (нынѣ станція Ташкентской желѣзной дороги Актюбинскъ) и Уилѣ, но независимо этого отправить въ степь нѣсколько отрядовъ для усмиренія и наказанія бунтовщиковъ. Въ составъ этихъ отрядовъ вошли третій стрѣлковый батальонъ, двѣ или три роты Оренбургскаго мѣстнаго батальона, батарея Оренбургской казачьей артиллеріи и нѣсколько сотенъ казаковъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ. Первая рота нашего батальона, которой командовалъ мой братъ Михаилъ, а офицерами были: штабсъ-капитанъ Кучинскій, подпоручикъ Бартеневъ и я, назначена была въ составъ отряда подъ начальствомъ полковника барона Штемпеля и должна была выступить въ глубь степи изъ Калмыковского форпоста Уральской области.

Въ составъ отряда барона Штемпеля, кромѣ насъ, назначены были рота мѣстнаго батальона (командиръ капитанъ Осоевскій), два орудія и четыре сотни уральскихъ казаковъ. Въ началѣ мая 1869 года наша рота выступила изъ Оренбурга, и дней черезъ пятнадцать мы были уже въ Уральскѣ, гдѣ простояли около мѣсяца, а затѣмъ двинулись къ Калмыковскому форпосту, гдѣ уже былъ сосредоточенъ весь нашъ отрядъ. Прибывъ на мѣсто, мы узнали, что отрядъ назначенъ главнымъ образомъ для постройки Уильскаго укрѣпленія, и что при отрядѣ будетъ слѣдовать громаднѣйшій воловій обозъ со всѣми строительными матеріалами для будущаго укрѣпленія. Къ отряду долженъ былъ присоединиться наказный атаманъ Уральского войска генералъ-лейтенантъ Веревкинъ; строителемъ укрѣпленія назначенъ былъ военный инженеръ капитанъ Маресовъ, а начальникомъ штаба отряда генеральнаго штаба капитанъ Паренсовъ (впослѣдствіи былъ министромъ въ Болгаріи, а нынѣ комендантъ Петергофа). Въ инженерномъ обозѣ было все необходимое для постройки помѣщеній для будущаго уральскаго гарнизона. Тутъ были бревна для казарменныхъ стѣнъ, для балокъ и стропилъ, доски для крышъ, окна, рамы, двери, доски для столовъ и коекъ. Можете судить, какъ великъ долженъ былъ быть транспортъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, то съ нами вышло изъ Калмыкова около семисотъ подводъ, которыя хотя двигались въ четыре ряда (мы шли безъ дороги, цѣлиной), тѣмъ не менѣе глубина транспорта растягивалась на нѣсколько верстъ.

Съ первыхъ же дней степного похода наступили невыносимыя жары, и начался падежъ упряжныхъ воловъ. Сначала вмѣсто павшихъ впрягали запасныхъ воловъ, но такъ какъ падежъ все усиливался, то скоро весь воловій резервъ былъ использованъ, и пришлось перекладывать грузы съ одной телѣги на другую, волю которой были выносливѣй. Но жара все усиливалась, и падежъ прогрессировалъ. Приходилось или бросать транспортъ, или оставаться и выписать съ Урала новыя перевозочныя средства.

Генералъ Веревкинъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ обсудить трудное положеніе отряда и рѣшить, какъ поступить.

Въ совѣтѣ этомъ я, конечно, не присутствовалъ, но со словъ Штемпеля, который выбралъ меня отряднымъ адъютантомъ, узналъ слѣдующее.

Долго судили и рядили, долго спорили члены совѣта, но наконецъ одинъ изъ нихъ (Штемпель постѣнялся назвать мнѣ его фамилію) предложилъ слѣдующее.

Транспортъ, очевидно, везти дальше нельзя. Отрядъ также не можетъ остановиться въ ожиданіи новыхъ перевозочныхъ средствъ, ибо у него можетъ не хватить провіанта и фуража. Между тѣмъ, если оставить строительный матеріалъ здѣсь безъ охраны, то послѣ

ухода отряда могутъ появиться бунтари-киргизы и увезти (!) этотъ матеріаль, а потому (это «потому» великолѣпно) въ предупрежденіе этого слѣдуетъ сжечь транспортъ, который нельзя взять съ собой. Напрасно другіе члены возражали (кажется, главнымъ образомъ Паренсовъ), что вѣдь извѣстно, что киргизы откочевали на югъ, что если бы они даже оставались здѣсь, то не имѣли бы возможности увезти огромное количество строительнаго матеріала, и что единственно, что они могли бы сдѣлать, это сжечь транспортъ, но что и это можно предупредить, оставивъ для охраны транспорта одну-двѣ сотни казаковъ и вытребовавъ немедленно новыя перевозочныя средства, что наконецъ наличный воловій транспортъ, доставивъ часть матеріаловъ на рѣку Уиль, до которой осталось четыре перехода, могъ, откормившись и отдохнувъ, вернуться и забрать часть транспорта.

Всѣ эти вполне основательныя возраженія потерпѣли фіаско, и Веревкинъ приказалъ сжечь весь транспортъ, который нельзя было перевезти!

И вотъ въ тотъ же день вечеромъ устроена была колоссальная иллюминація! Сухое дерево горѣло, какъ солома, и, вѣроятно, зарево отъ этого гигантскаго костра видно было на десятки верстъ въ гладкой степи.

Совершивъ столь доблестный подвигъ, Веревкинъ двинулъ дальше отрядъ, и черезъ 4—5 дней мы подошли наконецъ къ степной рѣчонкѣ Уиль, гдѣ и приступили къ постройкѣ земляногo редута и казармы изъ оставшагося строительнаго матеріала.

Отрадно было смотрѣть на молодцовъ-стрѣлковъ, какъ они лихо работали лопатами подъ знойными лучами тропическаго солнца. Тутъ я только впервые увидѣлъ, что за молодцы русскіе солдаты. Не только безропотно, но даже съ веселыми лицами и съ шутками они работали при 40° жары, и все это безъ всякаго вознагражденія. Даже голаго спасибо ни разу не сказалъ имъ атаманъ, и если гдѣ они видѣли какое-нибудь поощреніе, то это благодаря моему брату, который своею властью увеличилъ мясную порцію людей и давалъ имъ лишнюю чарку водки. Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ уѣхалъ изъ отряда въ Оренбургъ и, выйдя въ отставку, поступилъ въ московскій университетъ. Оставшійся послѣ него старшій офицеръ Кучинскій принялъ роту, и первое, что сдѣлалъ, это прекратилъ добавочныя мясную порцію и чарку водки. И, несмотря на это, стрѣлки безропотно продолжали свою каторжную работу. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я привыкъ благоговѣнно чтить русскаго солдата!

Послѣ полуторамѣсячныхъ каторжныхъ работъ редутъ былъ конченъ, и нашей ротѣ приказано было выступить обратно въ Оренбургъ, но уже другою дорогой прямо на сѣверъ, черезъ новое Актюбинское укрѣпленіе, Буранную станицу и Илецкую Защиту.

Обратный походъ нашъ имѣлъ совершенно мирный характеръ, ибо степь была безлюдна. Мы даже не высылали боковыхъ разѣздовъ. Походъ былъ очень скучный, и интересъ вызвала лишь Илецкая Защита съ ея огромными соляными копиями. Говорятъ, что послѣ Бохни и Велички Илецкая копъ самая большая на земномъ шарѣ. И дѣйствительно, копъ поражаетъ своими размѣрами. Но еще болѣе поражалъ (1869 г.) варварскій способъ добычи соли. Представьте себѣ огромную яму сажень въ 200—250 діаметромъ и сажень 15 глубиной, дно которой—сплошная глыба соли. Соль выламываютъ простыми кирками и вывозятъ на тачкахъ на поверхность. Яма ничѣмъ не прикрыта, дождь и снѣгъ свободно проникаютъ къ соли, вслѣдствіе чего на поверхности соляного пласта образуются огромныя лужи воды, которая, несомнѣнно, уничтожаетъ большой процентъ соли и мѣшаетъ правильнымъ работамъ. Неужели и до сихъ поръ сохраненъ столь варварскій способъ эксплуатаціи?

Въ Оренбургѣ мы застали уже всѣ роты въ сборѣ. Одна изъ ротъ входила въ составъ отряда подъ начальствомъ нашего младшаго штабъ-офицера майора Байкова, оперировавшаго въ районѣ Иргиза и Карабутака. Байковъ, человекъ ограниченный, неразвитой и тщеславный, натворилъ въ степи такихъ дѣлъ, что по возвращеніи былъ отданъ подъ судъ, по рѣшенію котораго былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь.

Зима 1869—70 года прошла для насъ, молодежи, очень весело: мы много танцевали, влюблялись. Съ ранней весны батальонъ сталъ усиленно готовиться къ походу въ Ташкентъ, куда мы и выступили въ первыхъ числахъ мая 1870 года. Въ Иргизѣ, то-есть въ 600 верстахъ отъ Оренбурга, мы узнали, что нашъ командиръ графъ Комаровскій получилъ полкъ и къ намъ назначенъ полковникъ Новомлинскій изъ гвардіи. Мы съ грустью разстались съ милѣйшимъ графомъ, который при всѣхъ своихъ слабостяхъ былъ честный и добрый человекъ, не педантъ, а относился къ своимъ подчиненнымъ гуманно и справедливо.

На половинѣ пути въ городѣ Казалинскѣ насъ нагналъ новый командиръ, пріѣхавшій съ красавицей-женой. Новомлинскій обращалъ на себя вниманіе своею страшною нервностью и раздражительностью, доходившими до болѣзненности. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія, выходилъ изъ себя изъ-за всякаго пустяка, ругалъ стрѣлковъ отборною бранью, не стѣсняясь ѣдущей рядомъ холодой жены, однимъ словомъ, былъ человекъ такого тяжелаго характера, что мы сильно упали духомъ. Про его нервность разсказывали слѣдующій случай.

Онъ служилъ раньше, кажется, въ стрѣлковомъ батальонѣ его величества. Однажды государь императоръ Александръ II смотрѣлъ стрѣльбу офицеровъ этого батальона. Новомлинскій считался однимъ изъ первыхъ стрѣлковъ въ гвардіи. По тогдашнимъ правиламъ,

офицеры, выпустивши установленное число пуль, шли тотчасъ же каждый къ своей мишени въ ожиданіи государя, который лично провѣрялъ результаты стрѣльбы. Когда государь подошелъ къ мишенѣ Новомлинскаго, то послѣдній на глазахъ государя со злобой сорвалъ мишень и изорвалъ ее.

— Что это значитъ?—спросилъ государь, пораженный такимъ неслыханнымъ по дерзости поступкомъ.

— Не стоитъ показывать! Одинъ срамъ! Изъ пяти пуль попало четыре!—отвѣтилъ нервнымъ тономъ Новомлинскій.

И государь, зная Новомлинскаго, только улыбнулся и поѣхалъ дальше.

Трудно представить себѣ болѣе тяжелый походъ, чѣмъ тотъ, который намъ пришлось сдѣлать отъ Оренбурга до Ташкента. Пришлось пройти по безлюднымъ степямъ 2,000 верстъ, на что съ дневками и печеніемъ хлѣба потребовалось болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Офицеры получили на подъемъ около ста рублей каждый, и на эти гроши должны были оборудовать свою походную жизнь. Можно судить по этому, до какой степени мы всѣ нуждались. За четыре мѣсяца мы совсѣмъ истрепались и вошли въ Ташкентъ какими-то оборванцами.

Въ началѣ сентября 1870 года мы наконецъ достигли конца нашего путешествія и въ ясный день вступили подъ звуки музыки въ Ташкентъ. Насъ встрѣтилъ красивый капитанъ генеральнаго штаба Фриде (впослѣдствіи ярославскій губернаторъ) и сообщилъ, что черезъ полчаса пріѣдетъ командующій войсками Сыръ-Дарьинской области генералъ Головачевъ. Батальонъ подтянулся, пообщистился, и вскорѣ раздалась команда: «смирно». Къ батальону подъѣхалъ красивый, бравый и полный генералъ съ Георгіемъ на шеѣ и, поздравивъ насъ съ благополучнымъ прибытіемъ, пропустилъ батальонъ церемоніальнымъ маршемъ.

Съ этого момента я сдѣлался гражданиномъ Ташкента, въ которомъ и прожилъ безъ перерыва тридцать шесть лѣтъ.

Конечно, я расхохотался бы, если бы на смотру Головачева кто-нибудь могъ предсказать мнѣ, что вся моя жизнь протечетъ въ Средней Азіи. Мы всѣ шли въ край въ надеждѣ и даже въ убѣжденіи, что вернемся обратно года черезъ два-три. И вотъ вмѣсто двухъ-трехъ лѣтъ—тридцать шесть лѣтъ жизни вдали отъ родины, близкихъ, знакомыхъ. Я мечталъ черезъ два-три года получить чинъ подпоручика и вернуться въ Оренбургъ, а вмѣсто этого черезъ 36 лѣтъ уѣхалъ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

III.

Туркестанскій край въ 1870 году.—Первый генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ.—Его первые шаги въ Средней Азій.

Нашъ батальонъ прибылъ въ Ташкентъ четыре года спустя послѣ присоединенія Туркестанскаго края къ имперіи. Въ то время Ташкентъ представлялъ собою скорѣе военный поселокъ, чѣмъ центральный городъ края, то-есть столицу русской Центральной Азій. Большинство жителей были военные, либо отдыхавшіе послѣ какого-нибудь похода, либо собиравшіеся въ новую экспедицію. Штатскій человѣкъ и дама представляли собою рѣдкое явленіе. Теперь, по прошествіи 36 лѣтъ, съ гордостью оглядываясь на пройденный путь, я вижу колоссальные результаты, достигнутые русскимъ правительствомъ, всегда гуманнымъ къ побѣжденнымъ, но настойчиво преслѣдующимъ свою цивилизаторскую миссію. Много, конечно, было ошибокъ, были и злоупотребленія, но это не останавливало разумныхъ и цѣлесообразныхъ намѣреній правительства. Мы вступили въ край съ чуждымъ намъ населеніемъ. Жители присоединенныхъ областей, всѣ безъ исключенія мусульмане, ненавидѣли всѣхъ иновѣрцевъ-кяфировъ, въ силу основныхъ принциповъ своей вѣры. Привыкшіе въ теченіе многихъ вѣковъ покорно преклоняться предъ варварски-жестокимъ деспотизмомъ своихъ правителей, они тѣмъ не менѣе мирились съ своимъ положеніемъ уже потому, что правители эти были ихъ единовѣрцы. Но вотъ появляются бѣлые рубашки, прогоняютъ и разбиваютъ ихъ войска и объявляютъ ихъ подданными Бѣлаго Царя. Фанатики муллы начинаютъ нашептывать массамъ населенія, что вмѣсто правовѣрныхъ хановъ ими будутъ владѣть кяфиры, которые обратятъ ихъ всѣхъ въ христіанство, надѣнутъ на шею крестики, станутъ отдавать въ солдаты, введутъ свои законы, отмѣнятъ шаріатъ (мусульманскій основной законъ) и заставятъ ихъ женъ и дочерей открыть свои лица.

Въ первое время все это волновало дикихъ и неразвитыхъ туземцевъ. Возникали частыя вспышки, волненія, беспорядки, повлекшіе за собою репрессіи. Но на ряду съ этимъ туземцы увидѣли, что первые же шаги перваго генераль-губернатора доказывали всю ложность муллъ и улемовъ. Мѣстному населенію всюду торжественно объявлялось, что, становясь подданнымъ русскаго монарха, населеніе сохраняетъ свою вѣру, свои народные обычаи, свой судъ и своихъ судей (кадіевъ), что всѣ налоги, взыскивавшіеся прежними сборщиками, въ высшей степени незаконные и тяжелые, будутъ отмѣнены, вмѣсто нихъ будутъ установлены справедливыя подати, что личность женщины останется неприкосновенною. Все это, конечно, скоро успо-

коило населеніе, и мирная жизнь трудолюбиваго народа вошла въ свои рамки.

Тонъ и направленіе всему этому далъ первый генераль-губернаторъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Приступая къ воспоминаніямъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, я испытываю большое смущеніе, боясь, что мое слабое перо не въ состояніи будетъ нарисовать вѣрный обликъ этого человѣка.

Всѣмъ хорошо памятенъ неудачный дебютъ Кауфмана въ Западномъ краѣ, куда онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ послѣ извѣстнаго укротителя возстанія графа М. Н. Муравьева. Роль Муравьева была—задушить революціонный терроръ путемъ террора правительственнаго, Кауфману же пришлось умиротворять разоренный и ослабленный мятежомъ край. Задачу эту Константинъ Петровичъ началъ выполнять съ обычною своею твердостью и тактомъ, но... на его долю досталось обнаружить одного изъ главныхъ вожakovъ возстанія, и не въ Вильнѣ и даже не въ предѣлахъ генераль-губернаторства, а въ Петербургѣ, гдѣ руководителемъ возстанія оказался важный чиновникъ Иосафатъ Огрызко. Кауфманъ не постѣснился привлечь его къ суду. Въ то время самымъ сильнымъ человѣкомъ въ столицѣ былъ графъ П. А. Шуваловъ, женатый на полькѣ. Поступокъ Кауфмана, который слѣдовало бы достойнымъ образомъ вознаградить, какъ образецъ гражданской доблести, навлекъ на него гнѣвъ графа Шувалова, и въ результатѣ Кауфманъ былъ внезапно отозванъ, впалъ въ немилость и болѣе двухъ лѣтъ проживалъ въ полной безвѣстности гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ на 2—3 тысячи содержанія.

Въ 1865 году Черняевымъ былъ взятъ штурмомъ Ташкентъ, но Черняевъ вслѣдъ за тѣмъ былъ отозванъ изъ Азіи. Вмѣсто него прибылъ генералъ Романовскій, который занялъ новую область, разбилъ на голову кокандскаго хана подъ Ирджаромъ и взялъ Ходжентъ. Лавры нашихъ генераловъ, очевидно, беспокоили въ Оренбургѣ Крыжановскаго, подъ начальствомъ котораго находились всѣ войска, оперировавшія въ Средней Азіи, и вотъ, кажется, въ 1866 году онъ отправляется въ Азію, становится во главѣ отрядовъ и идетъ въ бой. Въ результатѣ занятіе двухъ городовъ Ура-Тюбе и Джизака и присоединеніе къ имперіи новой крупной территоріи.

Получивъ Георгія на шею, Крыжановскій немедленно возвращается въ Оренбургъ.

Присоединеніе огромныхъ территорій вызвало необходимость организовать управленіе новымъ краемъ, и вотъ въ іюлѣ 1867 года утверждено было временное положеніе объ управленіи туркестанскаго генераль-губернаторства и, озабочиваясь отправленіемъ на постъ генераль-губернатора человѣка, вполне соотвѣтствующаго этому важному назначенію, государь Александръ II вспомнилъ оби-

женнаго Константина Петровича Кауфмана и назначилъ его на этотъ постъ.

Я увѣренъ, что всякій служившій въ краѣ въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ его существованія не только никогда не забудетъ свѣтлой фигуры Кафмана, но и до конца жизни сохранить о немъ самую благоговѣйную память.

Это былъ по истинѣ замѣчательный государственный дѣятель. Военный инженеръ по образованію, онъ на высокомъ посту начальника края проявилъ выдающіеся военный и административный таланты. Рядъ блестящихъ побѣдъ, закончившихся занятіемъ твердыни мусульманства города Самарканда и покореніемъ Хивинскаго ханства, внесли нѣсколько славныхъ страницъ въ нашу исторію, гдѣ имя Константина Петровича должно занять почетное мѣсто. Прибывъ въ край, онъ первые годы почти всецѣло долженъ былъ отдавать свое время и свои блестящія способности военнымъ предпріятіямъ. Но, занятый всецѣло военными операціями и ведя боевой образъ жизни, онъ тѣмъ не менѣе свои немногіе походные досуги посвящалъ проектамъ мирнаго развитія вновь покореннаго края. Возвратясь съ войсками изъ похода, украшенный лаврами, онъ тотчасъ же всецѣло отдавался заботамъ объ умиротвореніи вновь завоеванныхъ мѣстностей и введеніемъ въ нихъ русской гражданственности. Нося нѣмецкую фамилію, это былъ настоящій и неподдѣльный русскій человѣкъ, съ русскою душой. Страшный для враговъ Россіи, непреодолимый противникъ всякихъ интригъ, ни передъ чѣмъ не останавливающій полководецъ, онъ соединялъ въ себѣ блестящія военныя и боевыя способности съ выдающимся административнымъ талантомъ. Это былъ дѣйствительно блестящій представитель Россійскаго монарха во вновь завоеванной мусульманской странѣ: съ широкими взглядами, прекрасно образованный, развитой, кристально-чистый и доступный всѣмъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать, и Александръ II, назначивъ Кауфмана въ Туркестанъ, выказалъ глубокое знаніе людей. Это былъ истинно царевъ намѣстникъ на дальнемъ Востокѣ, и туземцы не даромъ называли его: «Ярымъ-Падша» (половина царя). Снабженный огромными полномочіями, окруженный блестящимъ ореоломъ почти безграничной власти (которою онъ ни разу не злоупотреблялъ), Кауфманъ представлялъ собой болѣе, чѣмъ царскаго намѣстника; онъ былъ дѣйствительно половиною царя. У всякаго другого голова закружилась бы отъ такого высокаго положенія, но Кауфманъ, какъ пріѣхалъ въ 1868 году, такъ и скончался въ 1881 году все однимъ и тѣмъ же добрымъ, благороднымъ, мягкимъ, простымъ и отзывчивымъ человѣкомъ.

IV.

Поступленіе мое въ канцелярію генераль-губернатора. — Генераль Колпаковский. — Генераль Головачевъ. — Генераль Абрамовъ. — Генераль Гомзинъ. — Хивинскій походъ и образованіе Аму-Дарьинскаго отдѣла и города Петроалександровска. — Бухарское посольство въ Петербургъ.

Отбывъ первый лагерный сборъ въ Ташкентѣ, я уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ четырехмѣсячный отпускъ въ Европейскую Россію и, возвратясь обратно, неожиданно покинулъ военную службу. Дѣло въ томъ, что въ канцеляріи генераль-губернатора служилъ начальникомъ отдѣленія мой бывшій товарищъ по воронежскому корпусу Соколинскій, который однажды спросилъ меня, не желаю ли я поступить къ нему въ отдѣленіе. Не долго думая, я согласился, соблазняясь главнымъ образомъ 1,200-рублевымъ содержаніемъ, которое юному прапорщику представлялось цѣлымъ состояніемъ. Въ августѣ 1870 года состоялся приказъ о моемъ назначеніи, и съ того дня я непрерывно прослужилъ въ канцеляріи тридцать шесть лѣтъ. Въ то время генераль-губернаторство состояло изъ двухъ областей: Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской и небольшого Зеравшанскаго округа образованнаго послѣ взятія Кауфманомъ Самарканда и присоединенія къ имперіи территоріи пс бассейну рѣки Зеравшана до границы Бухарскаго ханства. Первыми губернаторами въ областяхъ были: въ Семирѣченской — Г. А. Колпаковский, а въ Сыръ-Дарьинской — Н. Н. Головачевъ; Зеравшанскій округъ ввѣренъ былъ молодому боевому генералу А. К. Абрамову, который принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ туркестанскихъ бояхъ и въ 5—6 лѣтъ изъ штабсъ-капитана артиллеріи дошелъ до генерала, имѣя орденъ Георгія III степени.

Колпаковский не получилъ высшаго военнаго образованія, но былъ человѣкъ огромнаго ума и такта. Обладая желѣзнымъ характеромъ и силой воли, онъ оказался превосходнымъ губернаторомъ вновь образованной области. При учрежденіи генераль-губернаторства пришлось въ Россіи набирать сотни чиновниковъ для замѣщенія должностей. Понятно, что въ число ихъ попало немало людей съ сомнительною репутаціей, съ темнымъ прошлымъ и съ волчьими аппетитами. Благодаря своему умѣнію распознавать людей, Колпаковский набралъ контингентъ служащихъ довольно удачный, а главное, онъ умѣлъ зорко слѣдить за всѣми и крѣпко держать весь служебный персоналъ въ рукахъ. Рассказывали, что, узнавъ, что вѣренскій полицейскій чиновникъ получилъ въ подарокъ отъ одного просителя четыре шкурки соболя, Колпаковский позвалъ его къ себѣ и въ кабинетѣ избилъ его нагайкой. Чиновникъ, конечно, никому не жаловался. Другой случай болѣе забавный. Колпаковский объѣзжалъ восточную часть области по границѣ съ Китаемъ.

Въ одномъ пунктѣ его встрѣтила депутація изъ китайцевъ, и одинъ изъ нихъ, присѣдая и гримасничая, началъ что-то говорить: слышались какія-то странныя слова: «тунчай, жунчай и т. п.»

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Колпаковский:—нѣтъ ли здѣсь переводчика.

Изъ толпы выступилъ молодцоватый урядникъ, назначенный Колпаковскимъ же начальникомъ маленькаго пограничнаго поста.

— Такъ что, ваше превосходительство, я понимаю по-ихнему.

— Что же онъ говоритъ?

— Просить фунтъ чаю, ваше превосходительство.

— Дайте ему чаю,—приказалъ Колпаковский.

Китайцу дали фунтъ чаю. Онъ низко поклонился и опять залепеталъ: «жунчай, тунчай».

— Что ему еще нужно?—спросилъ удивленный губернаторъ.

— Такъ что одного фунта мало, просить еще.

— Ну, дайте ему еще.

Но въ это время изъ толпы вышелъ китаецъ и страшно ломаннымъ языкомъ выпалилъ неожиданно:

— Вреть казакъ! Чай не нужно. Китайцы жалуются, что этотъ казакъ больно бьетъ ихъ нагайкой. Дурной человѣкъ казакъ. Возьми казака отсюда.

Колпаковский тутъ же приказалъ сорвать нашивки съ урядника и выпоротъ его въ глазахъ депутаціи.

Впослѣдствіи Колпаковский искренно смѣялся, вспоминая находчиваго плута-казака, чуть не обманувшаго своего атамана.

Въ 1873 году, когда Кауфманъ отправился съ отрядомъ въ Хиву, для временнаго управленія краемъ прибылъ изъ города Вѣрнаго Колпаковский. За отсутствіемъ Соколинскаго и отъѣздомъ въ Петербургъ правителя канцеляріи, мнѣ приходилось часто имѣть у Колпаковскаго доклады, и вотъ тутъ-то я убѣдился, какого большого ума и такта былъ этотъ человѣкъ. Самое сложное и запутанное дѣло онъ усваивалъ сразу, умѣлъ отбросить всѣ ненужныя детали, схватить самую суть и положить резолюцію краткую, но точную и иногда остроумную. Это былъ выдающійся самородокъ, и если его считали хитрымъ дипломатомъ, то, право же, это нельзя поставить ему въ упрекъ. Скажу только, что служить подъ его начальствомъ было очень пріятно.

Совершенно иной типъ представлялъ сыръ-дарьинскій губернаторъ Николай Никитичъ Головачевъ. Это былъ чисто боевой генералъ; составившій блестящую боевую репутацію на Кавказѣ. Тучный, добродушный, гастрономъ, гостепріимный и страшно лѣнивый, онъ былъ окруженъ кучкой фаворитовъ, постоянныхъ партнеровъ его въ преферансъ, который онъ предпочиталъ всему. Не обращая никакого вниманія на дѣла по управленію областью, онъ невольно всегда находился подъ вліяніемъ фаворитовъ, которые за

его спиной продѣлывали темныя и некрасивыя дѣла. Кристально-чистый человѣкъ, Головачевъ, вслѣдствіе своей лѣности и нежеланія входить въ дѣла, былъ втянутъ въ очень сомнительное предприятие нѣсколькими фаворитами, и когда дѣло обнаружилось, то Кауфманъ, очень любившій и уважавшій Головачева, несмотря на свою чрезвычайную доброту и мягкость, не задумался немедленно уволить его съ должности губернатора.

Головачева въ Ташкентѣ очень любили. У него въ то время былъ единственный открытый домъ, гдѣ много веселились, и всѣ искренно жалѣли, когда надъ нимъ страслась бѣда.

Это былъ настоящій русскій бояринъ со всѣми его достоинствами, но и со всѣми недостатками.

Генерала Абрамова я лично зналъ мало, но то, что приходилось слышать и узнавать изъ дѣлъ, привело меня къ заключенію, что это былъ человѣкъ очень умный, трудолюбивый, способный и хорошій администраторъ. Покончивъ съ своею боевою службой и назначенный на должность съ губернаторскими функціями, онъ всѣ свои силы и способности направилъ на гражданское устройство округа, и въ первые же 2—3 года ему удалось сдѣлать очень многое, что и до сихъ поръ признается вполне цѣлесообразнымъ. Онъ былъ также большой сибаритъ, но это не препятствовало ему энергично вводить русское управленіе во вновь завоеванной окраинѣ. Многое, конечно, здѣсь слѣдуетъ приписать его умному и въ высшей степени талантливому правителю канцеляріи сотнику Н. А. Иванову, о которомъ мнѣ, впрочемъ, много придется говорить впослѣдствіи, какъ о человѣкѣ самомъ замѣчательномъ послѣ Кауфмана и сыгравшемъ крупную роль въ исторіи Туркестана.

Правителемъ канцеляріи генераль-губернаторства былъ генералъ А. И. Гомзинъ. Когда я поступилъ въ канцелярію, онъ былъ въ Петербургѣ, и мое назначеніе состоялось безъ его вѣдома, а потому, возвратясь въ Ташкентъ, онъ обдалъ меня такимъ холодомъ, что я пришелъ въ отчаяніе и началъ подумывать о переходѣ въ одну изъ областей, но Соколинскій убѣждалъ меня не торопиться и постараться зарекомендовать себя передъ начальствомъ какою-нибудь удачною работою. Но какъ я могъ это сдѣлать, когда я всего 3—4 мѣсяца ушелъ изъ строя, гдѣ, кромѣ рапорта о болѣзни, ничего не писалъ. Каюсь, что для того, чтобы заслужить расположеніе Гомзина, я прибѣгнулъ къ подлогу. Нужно было написать очень большой обстоятельный докладъ по весьма серьезному пограничному дѣлу. Дѣло шло объ угонѣ барановъ съ территории сосѣдняго Кокандскаго ханства, объ очень некрасивой роли въ этомъ дѣлѣ одного чиновника и двухъ волостныхъ управителей и сдѣлать довольно сложный расчетъ вознагражденія потерпѣвшихъ кокандцевъ. Соколинскій, очень талантливый и хорошо владѣвшій перомъ, написалъ большой докладъ, а я его переписалъ своею рукой какъ чер-

новой, а затѣмъ далъ переписать писцу. Гомзинъ пришелъ въ восторгъ, и съ этого дня моя репутація хорошаго чиновника была упрочена, и Гомзинъ сталъ моимъ самымъ искреннимъ доброжелателемъ. Гомзинъ былъ человекъ безъ образованія, но хорошо знающій законы и всевозможные циркуляры и прекрасный бухгалтеръ. Огромное его достоинство заключалось въ томъ, что онъ былъ идеально-нелицеприятенъ. Онъ цѣнилъ только трудолюбіе и способность и выдвигалъ своихъ подчиненныхъ по ихъ служебнымъ заслугамъ, а не по личнымъ качествамъ, а тѣмъ болѣе не по протекціи. Составъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ, при немъ былъ безукоризненный. О Соколинскомъ я уже упоминалъ, но, кромѣ него, въ то время были выдающимися по способностямъ помощникъ Гомзина камеръ-юнкеръ Савенковъ и начальники отдѣленій князь Урусовъ и Остроумовъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ отношенія наши къ Хивѣ начали сильно обостряться. Хивинскій ханъ, видимо, игнорировалъ русскихъ. Въ ханствѣ уже давно свила себѣ гнѣздо торговля людьми. Въ рабствѣ томилось нѣсколько человекъ русскихъ и тысячи персіянъ. Престижъ русскаго имени въ Средней Азіи требовалъ, чтобы на Хиву была наложена узда, и чтобы ханство вычеркнуто было изъ списка самостоятельныхъ владѣній въ Азіи. Въ началѣ 1872 года Кауфманъ былъ вызванъ въ Петербургъ на совѣщаніе о мѣрахъ къ прекращенію существующихъ порядковъ въ Хивѣ. На этомъ совѣщаніи былъ рѣшенъ походъ нашихъ войскъ въ Хиву совмѣстными силами войскъ туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго военныхъ округовъ, съ подчиненіемъ ихъ всѣхъ Кауфману.

Уѣзжая изъ Ташкента въ августѣ 1872 года, Кауфманъ взялъ меня съ собою въ составъ своей путевой канцеляріи. Тутъ я впервые увидѣлъ Петербургъ, и впечатлѣніе было такъ сильно, что съ тѣхъ поръ я сильно полюбилъ этотъ городъ. Потомъ въ теченіе моей долготѣйшей службы я много разъ бывалъ въ столицѣ, но любовь моя къ этому городу не ослабѣла, и я всегда мечталъ остатокъ моей жизни провести въ Петербургѣ. Теперь мое желаніе исполнилось.

Путевая канцелярія 1872 года хотя и была организована въ большихъ размѣрахъ, но дѣлъ у насъ почти не было, потому что Кауфманъ былъ всецѣло занятъ подготовленіемъ хивинскаго похода и не имѣлъ времени заниматься административными реформами. Такъ мы и уѣхали обратно въ Ташкентъ, не представивъ въ высшія учрежденія ни одного проекта.

Походъ нашъ въ Хиву давно уже описанъ во всѣхъ подробностяхъ, и я, не принимавшій въ немъ участія, ничего не могу о немъ сказать. Упомяну лишь, что въ началѣ туркестанскій отрядъ, во главѣ котораго двигался самъ Кауфманъ, испыталъ очень большую неудачу, попавъ въ совершенно безводную степь. Говорятъ, что положеніе отряда было безвыходное, и Кауфманъ, собравъ джигитовъ

(конные туземцы, исполнявшіе при отрядѣ всевозможныя порученія), объявилъ имъ, что тому, кто привезетъ ему пучокъ свѣжаго камыша, какъ доказательство, что около камыша есть вода, онъ дастъ тысячу червонцевъ. Джигиты поскакали въ разныя стороны, и къ концу слѣдующаго дня одинъ счастливецъ привезъ Кауфману пучокъ свѣжаго камыша и, конечно, немедленно получилъ обѣщанную награду.

Отрядъ былъ спасенъ.

Далѣе хивинская экспедиція сопровождалась цѣлымъ рядомъ успѣховъ. Столица ханства городъ Хива была взята, и гордый и надменный до того времени ханъ почтительно ждалъ предъявленія ему условій мира, заранѣе обязавшись выполнить безпрекословно всѣ требованія.

Прежде всего была объявлена свобода всѣмъ рабамъ, и навсегда провозглашено прекращеніе рабства. Нѣсколько десятковъ тысячъ персовъ-рабовъ радостно устремились на родину, благословляя въ душѣ великодушіе русскаго царя. Съ ханомъ былъ заключенъ очень выгодный для насъ договоръ, и наложена крупная денежная контрибуція. Но самое главное, что вся территорія, принадлежавшая Хивѣ по правому берегу рѣки Аму-Дарьи до моря, была присоединена къ Россіи и изъ нея образованъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ съ резиденціей начальника отдѣла, названной городомъ Петроалександровскомъ. Такимъ образомъ, Хива, раньше отдѣленная отъ насъ огромными безлюдными и безводными степями, сдѣлалась нашею ближайшею сосѣдкой, такъ какъ Петроалександровскъ находится отъ города Хивы въ разстояніи не болѣе 50—60 верстъ. Не будь этого, ханъ со свойственнымъ ему коварствомъ не исполнилъ бы ни одного своего обязательства, и для понужденія его пришлось бы посылать новую экспедицію. Расположеніе же почти у воротъ Хивы сильнаго русскаго отряда подъ начальствомъ энергичнаго человѣка сразу умиротворило хана, который изъ гордаго, заносчиваго деспота-правителя обратился въ скромнаго русскаго исправника, почтительно встрѣчающаго не только начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, но даже его драгомана.

Тутъ, какъ и повсюду въ Средней Азіи, появленіе бѣлой рубашки послѣ перваго выстрѣла стерло съ карты Азіи цѣлое самостоятельное ханство, бывшее когда-то могущественнымъ и считавшее себя непобѣдимымъ послѣ неудачнаго похода графа Перовскаго, и обратило его въ уѣздъ, равный по своему значенію развѣ, напримѣръ, Царевококшайскому!

Возвратясь изъ Хивы, Кауфманъ вновь былъ вызванъ государемъ въ Петербургъ. Украшенный за взятіе Хивы и покореніе Хивинскаго ханства орденомъ св. Георгія II класса со звѣздой, Кауфманъ встрѣченъ былъ въ Ташкентѣ съ величайшимъ энтузіазмомъ, какъ триумфаторъ. Такъ же встрѣчали его въ Петербургѣ, и онъ былъ даже

приглашенъ въ Берлинъ, гдѣ императоръ, говорятъ, очень чествовалъ его.

Во время прохожденія туркестанскаго отряда по безлюднымъ и безводнымъ степямъ по направленію къ Хивѣ, намъ постоянно оказывалъ много услугъ бухарскій эмиръ Сеидъ-Музаффаръ (дѣдъ нынѣшняго владѣтеля Бухары), высылая по пути слѣдованія провіантъ и фуражъ. По окончаніи войны государь Александръ II пожелалъ, чтобы эмиръ прислалъ въ Петербургъ своего посланника, въ лицѣ котораго государь хотѣлъ лично выразить эмиру и его народу свое благоволеніе за оказанныя услуги. Эмиръ назначилъ на почетное мѣсто посланника одного изъ своихъ любимцевъ Абдуль-Кадыръ-Бія, придавъ ему въ помощь одного почтеннаго старика, мусульманскаго ученаго и поэта Мирзу-Ишанъ-Урака. Для сопровожденія посольства въ Петербургъ Кауфманъ назначилъ меня, и въ первыхъ числахъ декабря 1873 года я выѣхалъ съ посольствомъ на почтовыхъ въ Оренбургъ. Въ то время еще не было желѣзной дороги отъ Оренбурга да Самары, и мы должны были ѣхать на почтовыхъ до Саратова, гдѣ наконецъ усѣлись въ вагонъ. Ужасно утомителенъ былъ переѣздъ на лошадахъ отъ Ташкента до Саратова (около 2,800 верстъ).

Посланники одинъ разъ едва не замерзли въ степи около Карабутака, мы нѣсколько разъ блуждали, сбившись съ дороги во время бурана. Въ степи до Оренбурга почтовые станціи въ то время помѣщались большею частью въ землянкахъ, не отапливаемыхъ. Приходилось отогрѣвать бухарцевъ только однимъ чаемъ, ибо они, какъ мусульмане, никакихъ крѣпкихъ напитковъ не употребляютъ. Однимъ словомъ, изстрадались мы всѣ ужасно, и потому можно судить, какъ всѣ мы были счастливы, добравшись до Саратова, гдѣ намъ предоставили превосходный салонъ-вагонъ.

Не могу не вспомнить радушной встрѣчи, устроенной какимъ-то богатымъ нѣмцемъ-колонистомъ недалеко отъ Саратова (еще на почтовомъ трактѣ) въ колоніи Екатериненталь. Насъ приняли въ бельэтажѣ дома, угостили прекраснымъ ужиномъ и въ довершеніе всего вышли два маленькихъ сына хозяина въ курточкахъ, сѣли за рояль и сыграли въ четыре руки русскій національный гимнъ! Всѣ мы были очень тронуты такимъ вниманіемъ.

Въ Петербургѣ посольство было помѣщено въ домѣ Лихачева на Владимирской противъ Стремянной. При посланникѣ назначены были состоять адъютантъ начальника главнаго штаба полковникъ Давыдовъ и драгоманъ министерства иностранныхъ дѣлъ Мирза-Казембекъ-Абединовъ (недавно умеръ). Оба эти лица были пріятные и симпатичные люди, и, благодаря ихъ заботливости и неутомимости, посольство чувствовало себя все время прекрасно. Посланнику было показано все интересное въ Петербургѣ, но больше всего

на него произвела впечатлѣніе отливка огромнаго орудія (кажется, 1.800 пудовъ) на Обуховскомъ литейномъ заводѣ.

Государь очень обласкалъ посланника и, одаривъ его и свиту щедрыми подарками, разрѣшилъ возвратиться на родину послѣ полуторамѣсячнаго пребыванія его въ столицѣ.

Обратный путь нашъ былъ хотя и менѣе мучительный ввиду прекращенія морозовъ, но зато много продолжительнѣй, такъ какъ разлитіе Урала задержало насъ въ Оренбургѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Г. П. Федоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ ¹⁾.

(1870—1906 г.г.).

V.

Дѣятельность К. П. Кауфмана по устройству Туркестанскаго края.—Устройство въ Ташкентѣ ярмарки.—Обманъ полковника Кол—ва, закончившійся крупнымъ скандаломъ.

Въ 1874 году Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ, и съ этого времени началась его творческая работа по гражданскому устройству края. Еще раньше, въ періодъ военныхъ дѣйствій, онъ успѣлъ сдѣлать много, благодаря своей неутомимой энергіи и имѣющимся въ его распоряженіи крупнымъ денежнымъ средствамъ. Озабочивался воспитаніемъ дѣтей служащихъ лицъ, Кауфманъ далъ средства на постройку мужской и женской гимназій, и возведенныя при немъ зданія до сихъ поръ служатъ украшеніемъ города. Ташкентъ, имѣвшій видъ военнаго поселенія, сталъ принимать видъ города, насколько этого можно было достигнуть по отдаленности его отъ Европейской Россіи (двѣ тысячи верстъ) при невозможныхъ путяхъ сообщенія. Не было такой отрасли труда и промышленности, которой бы Константинъ Петровичъ не покровительствовалъ и которой не шелъ бы навстрѣчу. Двери его были широко открыты для каждого; всякаго онъ терпѣливо выслушивалъ, разспрашивалъ и если видѣлъ, что проситель или предприниматель заслуживаетъ довѣрія, то щед-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXIII, стр. 786.
«Истор. вѣстн.», октябрь 1913 г., т. СXXXIV.

рой рукой оказывалъ помощь и поддержку. Конечно, при этомъ не могло не быть неудачъ, особенно благодаря безграничной добротѣ Кауфмана и довѣрію его къ лицамъ, которыя иногда оказывались далеко не столь достойными, какими ихъ считалъ Константинъ Петровичъ. Какъ на крупный примѣръ, укажу на слѣдующее.

Одинъ изъ приближенныхъ Кауфмана, генераль Глуховскій, къ мнѣніямъ котораго Константинъ Петровичъ почему-то, къ общему удивленію, относился съ большимъ довѣріемъ, убѣдилъ его, что для развитія промышленности и торговли слѣдуетъ учредить двѣ ярмарки: осеннюю и весеннюю, и построить въ Ташкентѣ зданіе для торговой биржи. Кауфманъ повѣрилъ и сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Была отведена огромная площадь городской земли, и на ней построены тысячи лавокъ для ярмарочныхъ торговцевъ. Тутъ же было выстроено большее зданіе биржи. Истрачено было на это нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Завѣдываніе всѣмъ этимъ дѣломъ возложено было на того же генерала Глуховскаго. Настало время открытія первой ярмарки, и въ городѣ не скрывая говорили, что полиція сгоняетъ силой торговцевъ на ярмарку.

Было ли это такъ, не могу сказать, но знаю, что на вторую ярмарку не пріѣхалъ никто. Биржа, разумѣется, стояла пустая. Кауфманъ, убѣдясъ, что былъ обманутъ, имѣлъ гражданское мужество сознаться въ этомъ, и, уничтоживъ ярмарку, приказалъ биржевое зданіе перестроить въ театръ.

Я нарочно упоминаю объ этомъ неудачномъ распоряженіи Кауфмана, чтобы меня не заподозрѣли, что я хочу только хвалить и прославлять его. Онъ былъ прежде всего человѣкъ, съ общечеловѣческими слабостями, и ошибался такъ же, какъ ошибались самые гениальные люди.

Вспоминаю здѣсь второй очень прискорбный случай, какъ доказательство излишняго довѣрія Кауфмана къ людямъ недостойнымъ.

Уѣзднымъ начальникомъ Кураминскаго (нынѣ Ташкентскаго) уѣзда былъ полковникъ К—въ, очень энергичный, подвижной и распорядительный человѣкъ, державшій уѣздъ съ разноплеменнымъ населеніемъ въ большомъ порядкѣ. Но К—въ былъ игрокъ и для покрытія своихъ подчасъ крупныхъ проигрышей не стѣнялся въ присканіи источниковъ. До Кауфмана начали доходить объ этомъ неблагопріятные для К—ва слухи; онъ любилъ К—ва, какъ выдающагося по способностямъ и энергіи уѣзднаго начальника и довѣрялъ ему, но тутъ началъ на него коситься.

К—въ, какъ умный и провицательный человѣкъ, сразу понялъ, что фонды его падаютъ, и придумалъ фортель, который долженъ былъ вернуть ему прежнее расположеніе Кауфмана.

К—въ хорошо зналъ, что въ программу Кауфмана прежде всего входитъ возможное по мѣрѣ силъ ассимилированіе туземнаго

населенія и распространеніе среди народной массы хотя бы самыхъ элементарныхъ основъ цивилизаціи. На каждое проявленіе у туземцевъ желанія отрѣшиться отъ косности или нелѣпыхъ обычаевъ Кауфманъ отзывался съ сердечными симпатіями и не жалѣлъ, если было нужно, денегъ для поощренія. Какъ извѣстно, мусульманская женщина стоитъ на самой низкой ступени человѣческой культуры. По понятіямъ мусульманина, она приравняется къ домашнему скоту; она исполняетъ всѣ домашнія работы, до самыхъ грязныхъ включительно; она работаетъ буквально цѣлый день не разгибаясь въ то время, какъ мужъ ея цѣлыми часами сидитъ въ чайной въ кругу пріятелей и знакомыхъ. Какъ женѣ, ей представлено лишь одно право: рожать дѣтей. Мужъ можетъ во всякую минуту выгнать ее изъ дома, объявивъ ей «талакъ» (разводъ) и взять себѣ другую рабу. Само мусульманское законодательство (шаріатъ) старается унижить женщину, предписывая ей никогда не открывать своего лица. Подчинясь этому деспотичному закону, забитая, загнанная женщина-мусульманка обращена въ какой-то безобразный манекенъ, у котораго лицо закрыто грубою, черною, волосаюною, непроницаемою для постороннихъ сѣткой.

Съ занятіемъ Ташкента и съ образованіемъ рядомъ съ туземнымъ городомъ русскаго мусульманству былъ нанесенъ первый ударъ съ той стороны, съ которой меньше всего можно было его ожидать. Ташкентъ первыхъ годовъ, какъ я сказалъ раньше, представлялъ собою нѣчто вродѣ военнаго поселенія или лагеря. Огромное большинство русскихъ были офицеры и солдаты, люди молодые, одинокіе. Потребность въ женщинахъ чувствовалась огромная, а изъ Россіи изрѣдка прибывали лишь жены нѣкоторыхъ офицеровъ или чиновниковъ. А такъ какъ всюду спросъ вызываетъ предложеніе, то въ одинъ прекрасный день въ концѣ русскаго города появился тайный притонъ туземныхъ гетеръ, которыя въ силу своего ремесла должны были снять съ лицъ волосаыныя сѣтки. Успѣхъ притона былъ поразительный, а жизнь первыхъ жрицъ веселья и любви была такъ прекрасна по сравненію съ прочими мусульманками, что число притоновъ начало расти быстро, и черезъ годъ число туземныхъ троститутокъ простиралось до двухсотъ, и дѣла всѣхъ пансіоновъ процвѣтали. Степенные туземцы съ ужасомъ смотрѣли, какъ ихъ жены и дочери выходили изъ вѣковаго рабства и подчиненія и, сбросивъ волосаыныя сѣтки, открыто пили водку или пиво съ разными Анохиными, Сидоровыми или Анчуткиными, но сдѣлать ничего не могли. Туземная же молодежь, часто соприкасавшаяся съ русскими, увлеклась изнанкой цивилизаціи и потихоньку отъ старшихъ стала посѣщать своихъ соотечественницъ въ русской слободкѣ, которыя, несомнѣнно, представляли для нихъ больше интереса своею развязностью, наглостью и развратомъ, нежели скотоподобныя, забитыя жены.

Уничтожить проституцію, особенно при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Ташкентѣ, было невозможно; Кауфманъ хорошо это понималъ, а потому могъ ограничиться лишь установленіемъ за проститутками строгаго полицейско-санитарнаго надзора.

Однажды полковникъ К—въ является къ Кауфману и дѣлаетъ ему слѣдующій докладъ:

— Почетные жители Кураминскаго уѣзда, а также волостные управители и народные судьи, глубоко благодарные вашему высокопревосходительству за тѣ блага, которыя они получили съ подчиненіемъ страны русскому монарху, обратились ко мнѣ съ просьбой просить васъ почтить ихъ праздникъ, который они устраиваютъ на Куйлюкѣ (мѣстечко въ восьми верстахъ отъ Ташкента, на рѣкѣ Чирчикѣ, мѣстопребываніе уѣзднаго управленія). На этомъ праздникѣ будутъ ихъ жены и дочери, которыя, желая почтить васъ, снимутъ свои волосяныя сѣтки и будутъ танцовать свой народный танецъ.

Кауфманъ пришелъ въ восторгъ, считая это первымъ шагомъ женской эмансипаціи.

На праздникъ было приглашено много русскихъ и въ ихъ числѣ я. Въ числѣ гостей находился одинъ недавно прибывшій въ Ташкентъ гусаръ полковникъ Раевскій, очень богатый и чрезвычайно милый и симпатичный человѣкъ, но крайне вспыльчивый и несдержанный. Онъ пріѣзжалъ въ Ташкентъ не на службу, а предполагалъ развить тамъ дѣло виноградарства или шелководства. Мѣсто для праздника было великолѣпно разукрашено въ восточномъ стилѣ. Когда пріѣхалъ Кауфманъ со своей свитой, то его встрѣтило около пятисотъ человѣкъ почетныхъ жителей и представителей туземной администраціи въ богатыхъ разноцвѣтныхъ халатахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. По данному знаку заиграла туземная музыка, и изъ шатра вышло шесть или семь красивыхъ молодыхъ женщинъ съ открытыми лицами, одѣтыхъ въ очень богатые туземные туалеты. Подъ звуки музыки они начали танцовать. Танецъ, признаюсь, совсѣмъ былъ не красивый и не граціозный, но довольно сладострастный. Танцовали онѣ около получаса, и затѣмъ, сразу оборвавъ на одномъ темпѣ, онѣ низко поклонились Кауфману и замерли въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній распорядителя праздника К—ва.

Кауфманъ подошелъ къ нимъ вмѣстѣ съ своей супругой и, узнавъ, что крайняя женщина дочь народнаго судьи (казія), поблагодарилъ въ ея лицѣ всѣхъ танцовщицъ, а дочери казія подарилъ серебряный кубокъ съ выгравированною на немъ надписью: «Отъ туркестанскаго генераль-губернатора».

Послѣ обильной закуски и шампанскаго гости разѣхались, а на другой день утромъ въ домъ генераль-губернатора явился полковникъ Раевскій и потребовалъ экстренной аудіенціи. Кауф-

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

1818 — 1881.

манъ вышелъ въ приемную, и Раевскій, подавая ему серебряный кубокъ, спросилъ:

— Извѣстно ли вашему высокопревосходительству, кому вы подарили этотъ кубокъ?

— Конечно, извѣстно: дочери казія Кураминскаго уѣзда, — отвѣтилъ Кауфманъ.

— Васъ дерзко и нагло обманули. Полковникъ К—въ глубоко надсмѣялся надъ вами. Вы оскорблены и какъ генераль-губернаторъ, и какъ семьянинъ... Этотъ кубокъ я сейчасъ выкупилъ въ публичномъ домѣ у проститутки, которая плясала вчера подъ видомъ дочери казія. Остальныя женщины тоже были взяты изъ публичныхъ домовъ.

Можете судить о силѣ негодованія Кауфмана, поставленнаго въ глазахъ всего населенія въ такое неловкое положеніе и только потому, что, будучи самъ идеально-правдивымъ человѣкомъ, онъ вѣрилъ и другимъ. Но ни у кого изъ русскихъ не появлялось даже улыбки при извѣстіи о неблагородномъ поступкѣ К—ва, а, напротивъ, всюду слышался взрывъ негодованія противъ человѣка, который въ собственныхъ интересахъ не постѣснялся поставить въ крайне неловкое положеніе всѣми уважаемаго Константина Петровича.

VI.

Общественная жизнь въ Ташкентѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.—Публичная бібліотека.—Хлопководство, шелководство, винодѣліе.—Иммиграція.

Общественная жизнь Ташкента въ первые годы была въ самомъ зародышѣ. Отсутствіе дамскаго элемента придавало Ташкенту видъ какого-то лагеря. Денегъ у всѣхъ было много, а расходовать ихъ было не на что, послѣдствіемъ чего появились крупная азартная игра и безобразные кутежи. Въ карты выигрывались и проигрывались дѣлныя состоянія. Я знаю хорошо, что одинъ архитекторъ, страстный игрокъ, нѣсколько разъ проигрывалъ свою дачу и вновь выигрывалъ ее. Но игра велась честно, и за все время я помню только одинъ случай, когда одно лицо было уличено въ нечистой игрѣ. Особенно счастливо игралъ одинъ артиллеристъ капитанъ Пл—ій, который, по слухамъ, увезъ изъ Ташкента до сорока тысячъ. Кауфманъ принималъ строгія мѣры къ прекращенію азарта, но это не привело ни къ чему, и игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока не начался приливъ въ Ташкентъ семействъ служащихъ. Многія дамы пріѣхали изъ Петербурга. Это были очень милыя, образованныя особы и невольно онѣ повліяли на облагороженіе общественной жизни. Азартъ сталъ падать, кутежи начали принимать болѣе приличный характеръ; образовался кружокъ любителей драматическаго искусства, который сталъ давать спектакли. Нѣсколько лѣтъ я состоялъ суфлеромъ въ этомъ кружкѣ, и могу засвидѣтельствовать, что среди любителей были настоящіе крупные таланты, какъ, напримѣръ, Н. Ф. Ульяновъ—чудесный комикъ, жена архитектора Леханова—драматическая артистка, г-жа Пироговская, игравшая неподражаемо старухъ, что оказалось ей не труднымъ потому, что ей и внѣ сцены было больше шестидесяти лѣтъ.

Любители играли исключительно съ благотворительною цѣлью, и имъ удавалось дѣлать много добрыхъ дѣлъ.

По почину Кауфмана, не жалѣвшаго денегъ, въ Ташкентѣ была образована публичная библіотека. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ она насчитывала нѣсколько тысячъ томовъ, но Константинъ Петровичъ не удовольствовался книгохранилищемъ и принялся за осуществленіе болѣе широкой задачи.

Въ Петербургѣ проживалъ въ то время извѣстный библіографъ Межовъ, которому Кауфманъ поручилъ составленіе Туркестанскаго сборника. Въ этотъ сборникъ должны были войти всѣ безъ исключенія сочиненія, касающіяся Средней Азіи, на всѣхъ языкахъ. Межовъ еще болѣе расширилъ это дѣло, включая въ сборникъ даже всѣ газетныя статьи. Уже въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ получилось нѣчто грандіозное: около трехсотъ томовъ, превосходно переплетенныхъ, заняли почетное мѣсто въ публичной библіотекѣ. Всякій интересующійся Среднею Азіей могъ найти въ сборникѣ рѣшительно все, что вышло изъ-подъ печатнаго станка, начиная съ серьезнѣйшихъ ученыхъ статей на всѣхъ европейскихъ языкахъ и кончая мелкою газетною замѣткой. Для облегченія пользованія сборникомъ Кауфманъ поручилъ Межову составить указатель. Трудъ этотъ потребовалъ нѣсколькихъ лѣтъ, и Межовъ, занятый имъ, не успѣвалъ съ прежнею энергіей продолжать изданіе сборника. Указатель, наконецъ, былъ готовъ, но это было почти наканунѣ тяжкой болѣзни Кауфмана, сведшей его въ могилу. О дальнѣйшей курьезной участи библіотеки я расскажу въ свое время.

Внимательно изучая экономическое положеніе вновь покореннаго края, Кауфманъ съ прозорливостью истинно-государственнаго человѣка понялъ, какая огромная будущность предстоить Туркестану при условіи развитія тамъ культуры хлопка.

Туземцы уже давно занимались разведеніемъ хлопчатника, но произраставшіе въ Средней Азіи сорта хлопка были плохого качества, а обработка хлопка стояла на самой низкой степени. Довольно сказать, что хлопокъ вынимался изъ своихъ коробокъ и очищался отъ сѣмянъ руками туземныхъ женщинъ. Волокно у этого хлопка было толстое и короткое, и, конечно, онъ не могъ конкурировать съ американскимъ хлопкомъ, поставляемымъ въ милліонахъ пудовъ на наши отечественныя мануфактуры.

Прежде, чѣмъ приступить къ какимъ бы то ни было мѣропріятіямъ по развитію и улучшенію мѣстнаго хлопководства, Кауфманъ командировалъ въ Америку (въ Техасъ) на два года двухъ образованныхъ чиновниковъ Бродовскаго и Самолевскаго, которые щедро были снабжены денежными средствами. Возвратясь въ Ташкентъ, Бродовскій представилъ обстоятельный отчетъ о своей поѣздкѣ и подробныя соображенія о постановкѣ въ Туркестанѣ хлопкового дѣла. Одобривъ эти предположенія, Кауфманъ немедленно далъ

средства на устройство въ Ташкентѣ хлопковой фермы съ опытнымъ полемъ. На фермѣ этой были установлены самые современные по тому времени джины для очистки хлопка и прессъ для его укупорки. На опытномъ полѣ стали производить посѣвы различныхъ сортовъ американскаго и египетскаго хлопчатника. Туземцы очень заинтересовались этимъ и толпами приходили смотрѣть на быструю и аккуратную очистку хлопка въ джинахъ. По приказанію Кауфмана ферма выдавала всѣмъ желающимъ даромъ сѣмена американскаго хлопка и принимала для очистки и укупорки туземный хлопокъ за самую минимальную цѣну. Результаты получились самые утѣшительные: туземцы стали выписывать джины и presses, а главнымъ образомъ американскія сѣмена. Хлопковое дѣло стало развиваться въ поразительныхъ размѣрахъ, и въ настоящее время Туркестанъ снабжаетъ наши мануфактуры болѣе чѣмъ третью всего необходимаго для нихъ хлопчатника. Только въ самыхъ глухихъ уголкахъ Бухары и Хивы продолжаетъ засѣваться туземный, т. е. мѣстный хлопокъ, но и тамъ онъ, несомнѣнно, скоро будетъ замѣненъ американскимъ. Въ краѣ въ настоящее время работаютъ сотни хлопкоочистительныхъ заводовъ, сотни тысячъ десятинъ земли заняты подъ посѣвами хлопчатника, милліоны русскихъ денегъ вмѣсто Америки направляются ежегодно въ Ташкентъ, и всему этому положилъ начало Кауфманъ.

Объ участіи хлопковой фермы я также сообщу въ своемъ мѣстѣ.

Одновременно съ развитіемъ хлопководства Кауфманъ не жалѣлъ средствъ къ поддержанію и развитію шелководства и винодѣлія. Производствомъ шелковыхъ издѣлій туземцы занимались испоконъ вѣка, но фабрикація шелковыхъ тканей находилась на очень низкой ступени развитія главнымъ образомъ потому, что грена не сортировалась. По распоряженію Кауфмана были устроены гренажныя станціи, гдѣ посредствомъ микроскопическихъ изслѣдованій большая грена отдѣлялась отъ здоровой. Въ Ташкентѣ была устроена образцовая школа шелководства, ввѣренная наблюденію двухъ высокообразованныхъ специалистовъ Ошанина и Вилькина.

Кауфманъ оказывалъ широкое покровительство и поощреніе всѣмъ предпринимателямъ, которые задумывали улучшить сорта мѣстнаго винограда. Въ краѣ начался ввозъ французскихъ и испанскихъ лозъ, и если туркестанскія вина до сихъ поръ не заняли почетнаго мѣста на отечественныхъ рынкахъ, то это слѣдуетъ приписать не ихъ качествамъ, которыя вѣдь сомнѣнія, а лишь отсутствію капиталовъ, не дающему возможности долго выдерживать вина и развить крупный экспортъ.

Единственное дѣло, о которомъ Кауфманъ много думалъ, онъ не могъ осуществить,—это дѣло русской иммиграціи въ край. Устроивъ первый русскій поселокъ недалеко отъ Ташкента, Кауфманъ вынужденъ былъ пріостановиться съ этимъ дѣломъ главнымъ обра-

зомъ въ виду крайне запутаннаго и сложнаго вопроса землепользованія туземнаго населенія и полной неосвѣдомленности администраціи о количествѣ свободныхъ земель, могущихъ быть отведенными подъ устройство русскихъ поселеній. Собственно говоря, въ краѣ имѣлось и тогда свободныхъ земель сотни тысячъ, если не милліоны, десятинъ, но это все были степи, не орошенныя искусственными каналами, а потому совершенно непригодныя для культуры. Орошеніе же новыхъ земель требовало такихъ крупныхъ денежныхъ средствъ, какихъ въ распоряженіи Кауфмана не было. Разсчитывать на ассигнованіе милліоновъ изъ Петербурга было такъ же трудно въ то время, какъ и теперь.

Впрочемъ, Кауфманъ все-таки сдѣлалъ попытку орошенія части громадной Голодной степи къ югу отъ Ташкента, начинающейся отъ самаго лѣваго берега рѣки Сыръ-Дарьи. Работы начаты были въ грандіозныхъ размѣрахъ; я не помню почему, но послѣ двухъ-трехъ лѣтъ работы эти были прекращены, и къ орошенію Голодной степи вновь приступлено лишь въ самое послѣднее время, но и то въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что степь можетъ быть орошена не раньше, какъ черезъ десятки лѣтъ.

VII.

Кошмарное дѣло объ ограбленіи у офицера казенныхъ денегъ.—Поимка и казнь грабителей.—Самоубійство ограбленнаго офицера.—Обнаруженіе истины и невинности казенныхъ.

Не могу не разсказать про одно ужасное дѣло, глубоко взволновавшее въ свое время весь край и причинившее Кауфману много заботъ, тяжелыхъ думъ и огорченій.

Во вновь присоединенной (года не помню) принадлежавшей раньше Китаю Кульджинской провинціи, на востокъ отъ Семирѣченской области расположены были два или три батальона, а такъ какъ никакихъ русскихъ правительственныхъ учрежденій въ этой провинціи не было (Кульджа впослѣдствіи возвращена Китаю за нѣсколько милліоновъ), то ежемѣсячно батальонные казначеи ѣздили въ областной городъ Вѣрный за полученіемъ изъ казначейства всевозможныхъ казенныхъ суммъ.

Однажды казначей одного батальона капитанъ Э., получивши въ Вѣрномъ деньги, что-то около 12.000 рублей, уѣхалъ въ Кульджу, но вскорѣ поспѣшно вернулся обратно, страшно убитый и разстроенный, и заявилъ начальству, что по дорогѣ на него напала шайка грабителей дунганъ и ограбила у него всѣ деньги. Губернаторъ немедленно организовалъ погоню за грабителями. Вскорѣ задержаны были нѣсколько человѣкъ, но при нихъ не было найдено денегъ и они упорно отрицали свою вину. Было дано знать Кауфману, кото-

рый командировалъ въ Семирѣчье одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ Г. для производства слѣдствія и розыска денегъ.

Слѣдствіе затянулось мѣсяца на два, и въ результатѣ два дунганина сознались въ ограбленіи, но денегъ, несмотря на самые тщательные поиски, найти не удалось. Виновные преданы были военно-полевому суду и приговорены къ повѣшенію, причемъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе, по тогдашнимъ правиламъ, публично, при огромномъ стеченіи туземнаго населенія.

Прошло, кажется, полтора или два года, однажды Э., произведенный уже въ майоры, найденъ былъ въ своей квартирѣ съ прострѣленнымъ черепомъ. Въ рукъ покойнаго находился пистолетъ, а на столѣ найдена его собственноручная записка, въ которой было написано приблизительно слѣдующее:

«Въ смерти никого не винить, кромѣ меня. Дальше жить нѣвозможно. Совѣсть измучила меня. Кровь невинно казненныхъ преслѣдуетъ меня день и ночь. Никто меня не ограбилъ, а деньги я присвоилъ себѣ».

Признаніе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣхъ, какъ ударомъ молніи, поразила мысль, что двухъ человѣкъ повѣсили, и повѣсили несправедливо. Что же, спрашивается, смотрѣлъ судъ? Но судъ былъ внѣ всякихъ подозрѣній, онъ руководился заprotoколеннымъ сознаніемъ подсудимыхъ, которые на судѣ упорно молчали. Въ чемъ же тутъ секретъ? По какимъ причинамъ могъ произойти этотъ непоправимый ужасъ? Всѣ были въ страшномъ недоумѣніи и негодованіи. Общество волновалось, и Кауфманъ первымъ пошелъ навстрѣчу этому общественному негодованію и послалъ въ Вѣрный цѣлую слѣдственную комиссію, которой далъ самыя обширныя полномочія для обнаруженія этого загадочнаго дѣла.

Комиссія прежде всего, конечно, остановилась на предсмертной запискѣ Э. и все свое вниманіе обратила на дѣятельность слѣдователя. Были произведены самыя энергичныя розыски и разспросы, и результаты получались поразительные. Оказалось, что Г., желая вести слѣдствіе въ желательномъ для него направленіи, принялся пытатъ захваченныхъ губернаторомъ по горячимъ слѣдамъ дунганъ. Свидѣтели дунгане, которые не осмѣливались ничего показывать на судѣ, вообразивъ, что Г. очень близкое къ Кауфману лицо, теперь, когда они увидѣли, что Г. самъ находится подъ слѣдствіемъ, откровенно рассказали, какимъ пыткамъ подвергалъ Г. двухъ подсудимыхъ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе. Самая пылкая фантазія не можетъ себѣ представить, съ какою адскою изобрѣтательностью придумывалъ Г. все новыя и все болѣе ужасныя пытки, чтобы добиться сознанія. Октавъ Мирбо нашелъ бы здѣсь новыя матеріалы для своего «Сада истязаній»!.. Пытки сдѣлали свое дѣло: дунгане сознались и были повѣшены.

Когда весь матеріалъ по этому кошмарному дѣлу былъ собранъ, то Кауфманъ немедленно предаль Г. суду, который приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ. Рѣшеніе суда должно было быть представлено на рѣшеніе государя, а потому все дѣло было отправлено въ Петербургъ.

Строгій и справедливый приговоръ суда сразу удовлетворилъ общество. Всѣ увидѣли, что ужасная смерть двухъ невинныхъ людей отмщена русскихъ правосудіемъ, покаравшимъ безпощадно злодѣя.

Но вотъ возвращается изъ Петербурга дѣло и сообщается, что государь Александръ II во вниманіе къ заслугамъ отца барона Г. замѣнилъ присужденное сыну судомъ наказаніе непродолжительнымъ заключеніемъ на гауптвахтѣ или въ крѣпости (хорошо не помню).

VIII.

М. Д. Скобелевъ.—Демидовъ.—Графъ Апраксинъ.—Камергеръ П. П. Каблуковъ.

Кажется, въ началѣ 1875 года пріѣхалъ въ Ташкентъ генераль Скобелевъ. Я лично былъ хорошо знакомъ съ нимъ и, могу признаться, прямо-таки былъ въ него влюбленъ. Такихъ обаятельныхъ людей я рѣдко встрѣчалъ. Но эта влюбленность не препятствовала видѣть въ Скобелевѣ и отрицательныя стороны. Для осуществленія своихъ интересовъ и цѣлей онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, и я убѣжденъ, что онъ ни минуты не затруднился бы вышвырнуть самага близкаго себѣ человѣка, если бы видѣлъ въ немъ себѣ въ чемъ-нибудь помѣху. При этомъ онъ никогда не былъ правдивымъ и искреннимъ человѣкомъ. Но зато онъ былъ такъ обаятельно уменъ, такъ превосходно образованъ, такъ изысканно любезенъ и гостепріименъ, что его нельзя было не любить. Роль его въ покореніи Кокандскаго ханства давно всѣмъ извѣстна. Здѣсь, какъ и впослѣдствіи въ Турціи и въ Закаспійскомъ краѣ, онъ былъ тѣмъ орломъ, какимъ его признала военная исторія. Войска его буквально боготворили, населеніе вновь покоренной области страшно боялось, но уважало. Назначенный первымъ губернаторомъ занятой территоріи бывшаго Кокандскаго ханства, названной Ферганскою областью, Скобелевъ, конечно, ничего не понимавшій въ гражданскихъ дѣлахъ, не обращалъ никакого вниманія на управленіе областью и, проводя все свое время въ разъѣздахъ, подписывалъ, не читая, всѣ бумаги, подаваемыя ему чиновниками. Конечно, получались часто курьезы, и правитель канцеляріи генераль-губернатора генераль Гомзинъ, специалистъ и страшный формалистъ по части чернильнаго бумагописанія, сталъ часто жаловаться Кауфману, что Скобелевъ ничего не дѣлаетъ, что онъ не на мѣстѣ и что его нужно замѣнить другимъ.

До Скобелева, который всегда относился къ Гомзину съ нескрываемымъ презрѣніемъ и игнорировалъ его, дошли слухи о напештываніяхъ Гомзина. Хитрый Михайль Дмитріевичъ придумалъ фортель для превращенія Гомзина изъ врага въ друга. Онъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, надѣлъ полную форму и явился къ правителю канцеляріи, чего прежде никогда не дѣлалъ. Гомзинъ принялъ его очень сухо и спросилъ:

— Зачѣмъ пожаловали?

— Ваше превосходительство,—отвѣтилъ Скобелевъ тихимъ голосомъ:—я пріѣхалъ специально, чтобы обратиться къ вамъ съ почтительной просьбой...

— Съ какою просьбой?

— Ваше превосходительство! я чувствую, что я не на мѣстѣ. Я... я хочу просить васъ: научите меня быть губернаторомъ?..

Гомзинъ, всегда завидовавшій Скобелеву, окруженному уже въ то время ореоломъ славы, и самъ никогда ничѣмъ, кромѣ чернилъ и бумагъ, не управлявшій,—окончательно растаялъ и, дружески усадивъ Скобелева, началъ учить его быть губернаторомъ.

Я сидѣлъ у генерала графа Ю. А. Борха, у котораго Скобелевъ останавливался во время пріѣздовъ въ Ташкентъ, когда Михайль Дмитріевичъ вернулся отъ Гомзина. Съ громкимъ хохотомъ ворвался онъ въ кабинетъ Борха и закричалъ:

— Ну, и оболванилъ же я милѣйшаго Андрея Ивановича! Теперь это мой первый другъ, и всѣ мои бумаги, которыя я буду продолжать подписывать, не читая, онъ будетъ признавать идеальными!

И онъ въ самыхъ шутовскихъ чертахъ рассказалъ намъ, какимъ путемъ ему удалось обойти грознаго правителя канцеляріи.

Вскорѣ Скобелевъ уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Европейскую Турцію, и я больше никогда его не видѣлъ.

Вспоминается мнѣ одинъ случай, характеризующій эпоху царствованія государя Александра II.

Въ Россіи гдѣ-то проживалъ (чуть ли не въ Петербургѣ) извѣстный богачъ Демидовъ, молодой человѣкъ, кажется, нигдѣ не кончившій курса образованія. Онъ былъ женатъ и, кажется, позволилъ себѣ какой-то легкомысленный поступокъ по отношенію къ своей женѣ. Послѣдняя бросилась съ жалобой къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, и вотъ вдругъ дня черезъ 2—3 въ «Русскомъ Инвалидѣ» появился приказъ, что Демидовъ назначается прапорщикомъ въ одинъ изъ туркестанскихъ линейныхъ батальоновъ. Мѣсяца черезъ два Демидовъ пріѣхалъ въ Ташкентъ и явился къ Кауфману въ такой фантастической формѣ, что Константинъ Петровичъ съ первой минуты вообразилъ, что это или берсальеръ, или аргентинскій офицеръ! Посылать Демидова въ батальонъ, конечно, нечего было и думать, ибо онъ не имѣлъ никакого представленія о военной службѣ и о дисциплинѣ, и Кауфманъ оставилъ его при себѣ.

Демидовъ поселился у графа Борха, и тамъ я его встрѣчалъ. Это былъ пріятный, симпатичный и благовоспитанный человѣкъ, и его многочисленные рассказы о путешествіяхъ чуть не повсему земному шару доставляли намъ много удовольствія. Мѣсяца черезъ три государь простилъ (?) его; онъ немедленно сбросилъ военную форму, облекся въ статское платье и исчезъ изъ края навсегда.

Позднѣе, тоже какъ метеоръ, появился въ Ташкентѣ нѣкій графъ Апраксинъ, служившій раньше поручикомъ въ австрійскихъ гонведахъ. Почему онъ долженъ былъ сбросить съ себя офицерскій мундиръ и поступить въ третій стрѣлковый батальонъ вольноопредѣляющимся, я не знаю, но мнѣ было искренно жаль этого молодого человѣка. Вырванный изъ аристократическихъ сферъ, жившій всю жизнь за границей, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, онъ вдругъ попалъ въ нашу казарму въ качествѣ рядового въ батальонъ, въ которомъ тогдашній командиръ Комаровъ (нынѣ варшавскій комендантъ) поддерживалъ желѣзную дисциплину.

Какая была дальнѣйшая судьба Апраксина, я не помню.

Въ 1876 году пріѣхалъ на службу въ Ташкентъ въ распоряженіе генераль-губернатора камергеръ Каблуковъ. Кто рекомендовалъ его Кауфману, я не знаю, но съ первыхъ же служебныхъ порученій онъ обратилъ на себя общее вниманіе. Прекрасно образованный, развитой и очень способный чиновникъ, онъ сдалъ блестяще экзаменъ на образцоваго чиновника въ Ташкентѣ. Съ нимъ пріѣхала жена, столь же блестящая во всѣхъ отношеніяхъ дама. У нихъ въ домѣ собиралось самое интеллигентное общество, и гостепріимная хозяйка сумѣла сдѣлать эти собранія дѣйствительно интересными во всѣхъ отношеніяхъ. Въ это время въ отношеніяхъ Кауфмана къ генералу Гомзину стала замѣчаться нѣкоторая холодность, что и было понятно. Для такого энергичнаго организатора, какъ Константинъ Петровичъ, нуженъ былъ правитель канцеляріи развитой, съ широкими взглядами и большимъ умственнымъ кругозоромъ. Гомзинъ не обладалъ ни однимъ изъ этихъ качествъ. Это былъ хорошій, прямой человѣкъ и прекрасный бухгалтеръ, но больше ничего. Кауфманъ обладалъ блестящимъ стилемъ; письма и бумаги, которыя ему приходилось составлять самому, были во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми. Такихъ изящныхъ по стилю и превосходныхъ по изложенію бумагъ Гомзинъ не могъ ему представлять, но главное Гомзинъ никогда не могъ дойти до высоты организаторскихъ плановъ Кауфмана. Это былъ только аккуратный чиновникъ-бухгалтеръ, и ничего больше. Пока край состоялъ изъ двухъ областей: Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской, пока дѣятельность начальника края была всецѣло сосредоточена на военныхъ операціяхъ, и пока онъ не могъ посвящать все свое вниманіе устройству и развитію края,—Гомзинъ былъ на мѣстѣ. Но край быстро сталъ расширяться: присоединены были Зеравшанскій округъ (1868 г.), Аму-Дарьинскій отдѣлъ

(1873 г.) и наконецъ Ферганская область (1875—1876 г.г.), военныя дѣйствія отошли въ область преданій, край сталъ развиваться, потребовались самыя широкія, самыя просвѣщенныя реформы, и пѣсенка Гомзина была спѣта. Онъ понялъ, что съ одною бухгалтеріей далеко не уйдешь, и ушелъ въ отставку.

Мѣсто правителя канцеляріи Кауфманъ предложилъ Каблукову, и первый годъ послѣ этого слѣдуетъ считать Перикловымъ вѣкомъ Кауфмана въ Туркестанѣ. Всѣ важнѣйшія реформы, задуманныя Константиномъ Петровичемъ, были осуществлены Каблуковымъ, благодаря его блестящимъ дарованіямъ. Это былъ, дѣйствительно, образцовый во всѣхъ отношеніяхъ чиновникъ, но... къ сожалѣнію, онъ былъ слишкомъ большой баринъ, веселый, остроумный, но страшно лѣнивый и не въ силахъ былъ всецѣло отдаться страшному, кропотливому труду. Черезъ годъ онъ уже охладѣлъ къ своимъ дѣламъ и, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, всецѣло отдался свѣтскимъ развлеченіямъ. Домъ его былъ по прежнему самымъ милымъ въ Туркестанѣ, тамъ очень веселились, благодаря радушію милой и очень умной хозяйки, но дѣла канцеляріи шли все хуже и хуже. Можетъ быть, дѣятельность Каблукова пошла бы по прежнему плодотворному пути, если бы Кауфманъ, искренно любившій Каблукова, обратилъ вниманіе на замѣтное ослабленіе энергичной дотолѣ работы своего ближайшаго сотрудника, но Константинъ Петровичъ былъ въ это время отвлеченъ отъ своихъ организаторскихъ трудовъ очень серьезнымъ дѣломъ, причинившимъ ему массу непріятностей и даже косвенно повліявшимъ на сокращеніе его жизни.

IX.

Небольшая историческая справка о поступательной политикѣ Россіи и Англіи въ Азіи. —
Буферъ между Россіей и Англіей въ Азіи.

Чтобы было понятно событіе, которое я хочу описать, я долженъ предпослать ему небольшую историческую справку.

Исторія Азіи за послѣднія три столѣтія представляетъ непрерывное наступательное движеніе двухъ крупнѣйшихъ европейскихъ государствъ—Россіи и Англіи—противъ многочисленныхъ мелкихъ владѣній, наполнявшихъ нѣкогда азіатскій материкъ. Въ этой борьбѣ Россія подвигалась съ запада на востокъ, а Англія съ юга на сѣверъ. Въ 1583 году Ермакъ покорилъ Сибирское царство, продвинувъ русскія границы за Уральскій хребетъ. Въ 1613 г. англичане основываютъ первую свою колонію въ Суратѣ, на западномъ берегу Индійскаго моря, къ сѣверу отъ Бомбея. Съ тѣхъ поръ Россія медленными, но вѣрными шагами увеличиваетъ свою территорію отъ отроговъ Урала до береговъ Тихаго океана и отъ Чернаго моря до Алтая и Памира.

Англія не можетъ похвалиться столь крупными территоріальными приобрѣтеніями, но зато она овладѣла баснословно густо населеннымъ и богатѣйшимъ въ мірѣ Индійскимъ полуостровомъ.

Каждая изъ этихъ двухъ державъ твердо и послѣдовательно держалась извѣстной системы при своихъ завоеваніяхъ. Россія вносила съ собою спокойствіе, неприкосновенность религіи, нравовъ, обычаевъ и народнаго суда. Она обезпечивала имущество побѣжденныхъ, трудъ ихъ, регулировала и по возможности уменьшала налоги, часто въ ущербъ собственнымъ интересамъ, давала народу массу заработковъ, и при всемъ этомъ, не ломая вѣковыхъ традицій населенія, не расшатывая основъ его прежняго соціального строя, исподволь распространяла въ народѣ начатки цивилизаціи и прогресса.

Что же дѣлала Англія въ покоренныхъ странахъ? Какой политики держалось англійское правительство?

Съ занятіемъ Сурата учреждается знаменитая въ лѣтописяхъ исторіи Остъ-Индская компанія, которая является полнымъ хозяиномъ новой колоніи. Какъ хозяйничала эта компанія, извѣстно всѣмъ. Извѣстенъ также рядъ возстаній, закончившихся грандіознымъ возстаніемъ сипаевъ въ 1857 году.

Результатомъ тяжелаго урока хотя и былъ переходъ Индійскаго полуострова непосредственно въ завѣдываніе правительства, но послѣднее, опомнившись отъ погрома 1857 года, исподволь вновь вступило на старую почву традиціонной своей политики, обусловливаемой, впрочемъ, цѣлями, которыя англичане вынуждены были преслѣдовать: Индія—страна, вмѣщающая въ себѣ сорокъ пять тысячъ квадратныхъ миль,—должна производить сырье для фабрикъ метрополіи, а двѣсти пятьдесятъ милліоновъ населенія Индіи должны быть потребителями англійскихъ фабрикатовъ. Вотъ главный руководящій базисъ правительственной программы сентъ-джемсакаго кабинета.

Въ то время, какъ Россія, подвигаясь въ силу историческихъ условій въ глубь Азіи, дѣлала огромные непроизводительные расходы для распространенія гражданственности, когда всякое территоріальное приобрѣтеніе приносило государственной казнѣ одни убытки, когда, однимъ словомъ, заботы наши объ экономическомъ и соціальномъ упорядоченіи быта новыхъ русскихъ подданныхъ, крайне вредно отражались на нашихъ собственныхъ денежныхъ интересахъ,—Англія дѣйствовала діаметрально-противоположно.

Англичане, вѣрные поставленной цѣли, убиваютъ цвѣтущую раньше фабричную и заводскую промышленность въ Индіи, дабы обезпечить ввозъ своихъ фабрикатовъ. Они выжимаютъ всѣ соки изъ населенія въ пользу британской казны и англійскихъ капиталистовъ. Въ результатѣ общее обнищаніе населенія, періодическія голодовки, страшныя эпидеміи и постоянныя народныя волненія.

Англичане, конечно, спохватились, хотя и нѣсколько поздно. Предпринятыя ими мѣры (канализація залитыхъ разливами мѣстностей, доступъ богатой молодежи изъ туземцевъ въ высшія учебныя заведенія Калькутты и т. п.), хотя и улучшили въ незначительной степени общее положеніе дѣлъ, но ненависть массы населенія къ своимъ побѣдителямъ отъ этого не уменьшилась.

Такимъ образомъ, двѣ державы, обѣ одинаково могущественныя, изъ года въ годъ подвигались одна навстрѣчу другой.

Какъ же производилось это движеніе?

Россія идетъ впередъ съ горстью солдатъ. Бѣлую рубашку не останавливаютъ ни тропическій зной, ни безводныя степи, ни вооруженныя банды враговъ. Занявъ съ боя какую-либо страну, русскій отрядъ дѣлается тотчасъ другомъ населенія. Строго дисциплинированный солдатъ охраняетъ спокойствіе и порядокъ въ новыхъ владѣніяхъ. Прежній деспотическій режимъ отходитъ въ область преданій: казни прекращаются, торговля людьми исчезаетъ навѣки, незаконныя поборы отменяются, вѣроисповѣданіе и судъ остаются народу прежніе. Населеніе видитъ въ бѣлой рубашкѣ силу, а въ русской власти авторитетъ, въ твердость и неподкупность котораго нельзя не вѣрить. И оно вѣритъ, ибо на каждомъ шагѣ убѣждается въ мягкой, гуманной и безпристрастной политикѣ русскихъ и въ честномъ и легальномъ отношеніи къ побѣжденнымъ.

Какъ же поступаетъ Англія?

Она двигается въ Индіи съ войсками, хотя и прекрасно вооруженными, но плохо дисциплинированными и крайне странно организованными (извѣстно, что на сто солдатъ въ отрядѣ находится болѣе чутъ не вдвое человѣкъ прислуги, вслѣдствіе чего въ хвостѣ каждой колонны тянется всегда огромный обозъ бесполезныхъ ртовъ, тормозящій быстрое передвиженіе отрядовъ и парализующій стратегическія соображенія военныхъ начальниковъ). Имѣя мало шансовъ на успѣхъ въ бою даже съ полудикими войсками, англичане, не жалѣя, бросаютъ направо и налево золото для подкупа полунезависимыхъ князьковъ, раджей, придворныхъ, духовенства и вліятельныхъ туземцевъ. Англійскіе агенты сѣютъ вражду между владѣтелями различныхъ мелкихъ государствъ, обнадеживаютъ однихъ, страшатъ другихъ, закармливаютъ третьихъ, устраиваютъ четвертыхъ, и въ результатѣ «побѣдоносная армія» водружаетъ англійскій флагъ на цитадели той или другой крѣпости!...

Какъ только фактъ покоренія совершился, немедленно начинается политика репрессалій и жестокостей противъ тѣхъ, которые осмѣливались любить свою родину и отстаивать ея свободу и независимость, запугиваніе, закармливаніе и подкупы всего, что колеблется между долгомъ истиннаго гражданина и перспективой щедро оплачиваемаго англійскаго чиновника.

Понятно, что не нужно быть особенно проникательнымъ, чтобы судить, какъ относятся побѣжденные азіаты къ своимъ побѣдителямъ—русскимъ и англичанамъ.

Русскіе азіаты, избавленные отъ прежняго режима своихъ деспотовъ, рѣзавшихъ носы и уши, сбрасывавшихъ съ минарета, отдававшихъ искалѣченныхъ пытками преступниковъ на съѣденіе собакамъ,—не могли не оцѣнить новый режимъ русскихъ властей, обезпечивающій личность и имущество каждаго и не только не выжимающій соки изъ населенія, но щедро дающій, часто въ ущербъ русскимъ интересамъ, крупныя суммы на развитіе и усовершенствованіе мѣстной производительности.

Зная хорошо Среднюю Азію, я увѣренно заявляю, что туземное населеніе предано русскому правительству, уважаетъ и любитъ русскихъ властей и вѣритъ имъ. Были, конечно, и въ Туркестанѣ (главнымъ образомъ въ Ферганской области) волненія и безпорядки, иногда даже съ коварнымъ оттѣнкомъ (Андижанъ въ 1898 году), но всѣ они обязаны своимъ возникновеніемъ подстрекательствамъ фанатическаго мусульманскаго духовенства.

Туземцы Остѣ-Индіи ненавидятъ англичанъ. Это ни для кого не секретъ. Ненависть эта раздувается эксплуатаціей всего мѣстнаго населенія и невыносимою заносчивостью и презрѣніемъ англичанъ ко всему неанглійскому.

Если народы Индіи не рискнуть прибѣгнуть, съ своей стороны, къ жестокимъ репрессіямъ, то причину этого нужно искать не въ безсиліи народныхъ массъ и не въ могуществѣ англичанъ, а въ полномъ отсутствіи единенія разноплеменныхъ туземцевъ и въ неимѣніи пока энергичныхъ и популярныхъ дѣятелей, которые сумѣли бы организовать народный оплотъ противъ тираніи побѣдителей.

Остѣ-индское правительство хорошо это сознаетъ и не жалѣя сыплетъ золото, чтобы задушить всякія проявленія народной ненависти.

Всегда ли золото можетъ помочь англичанамъ?

Вспомнимъ 1857 годъ и Напа-Саиба...

Убѣжденное, что разнохарактерное и по національностямъ, а главное по религіи населеніе не представляетъ серьезной опасности для англичанъ въ Остѣ-Индіи, британское правительство испоконъ вѣка видитъ эту опасность въ появленіи толчка извнѣ. Убѣжденные почему-то, что Россія всегда стремилась отнять у нихъ Индію, англичане не могутъ не страшиться, что появленіе бѣлыхъ рубашекъ на границѣ Индіи вызоветъ взрывъ народныхъ страстей и общее возстаніе, которое смететъ трехвѣковое владычество англійскаго золота.

Насколько основателенъ страхъ англичанъ къ нашествію русскихъ, я не знаю, ибо не посвященъ въ тайны политики министерства у Пѣвческаго моста, но что страхъ этотъ существуетъ—это фактъ общеизвѣстный и неопровержимый.

Этотъ-то страхъ и породилъ ту крайне враждебную политику англичанъ, которая тянется многіе десятки лѣтъ по отношенію къ Россіи. Недавно состоялось между Россіей и Англіей дружественное соглашеніе. Насколько можно довѣрять искренности англичанъ— не берусь судить, но лично я не особенно довѣряю доброжелательству ихъ, такъ неожиданно замѣнившему вѣковую ненависть къ Россіи. Политика эта заключается въ противодѣйствіи всюду и во всемъ Россіи, какъ страшной соперницѣ Англіи въ Азіи. И тори, и виги, и прочія вновь народившіяся политическія партіи, расходясь между собой по всѣмъ политическимъ и экономическимъ вопросамъ, въ одномъ только безусловно сходятся—въ необходимости парализовать дѣйствія Россіи всякими дозволенными и недозволенными средствами. Каждое обезсиленіе Россіи—торжество Англіи, всякій національный позоръ нашъ—радость и счастье всякаго британца безъ различія его политическаго credo.

Но пока государства Центральной Азіи были независимы, пока среднеазиатскія непроходимыя степи не оглашались звуками русскаго военнаго сигнальнаго рожка, т. е. пока мы были очень далеко отъ границъ Индіи, англичане хотя и тогда боялись насъ, но оставались сравнительно спокойны. Ихъ могуществу въ Индіи ничто не угрожало! Вѣдь русскіе пограничныя форпосты отстояли отъ англійскихъ колоній на тысячи миль! Вѣдь чтобы пройти эти огромныя пространства съ арміей и обозомъ по пустыннымъ степямъ, требовалось, съ англійской точки зрѣнія, по меньшей мѣрѣ столѣтіе? А тѣмъ временемъ англійское золото въ конецъ успѣетъ развратить послѣднихъ независимыхъ владѣтелей Средней Азіи, и русская армія, дойдя до Сыръ-Дарьи, вмѣсто туземныхъ полчищъ встрѣтитъ улыбающаго англійскаго пограничнаго резидента, который русскому штыку противопоставитъ хартіи о признаніи владѣтелями Афганистана, Хивы, Бухары и Коканда протектората Англіи!

Дѣйствительность, какъ извѣстно, не оправдала надеждъ англичанъ.

Какъ громъ, грянулъ первый неожиданный выстрѣлъ подъ стѣнами Чимкента. Городъ этотъ палъ, давъ сигналъ паденію всего, что попадалось на пути слѣдованія бѣлыхъ рубашекъ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ Россія раздвинула свои владѣнія далеко вглубь Азіи. Кокандское ханство перестало существовать; Бухара и Хива хотя и не исчезли съ карты Азіи, но сохранили лишь ничтожную часть своихъ прежнихъ владѣній и только тѣнь полунезависимости. Самаркандъ, эта мусульманская святыня, куда еще не такъ давно могъ съ опасностью для жизни и лишь переодѣтый дервишемъ пробраться первый европеецъ Вамбери, Мервъ, недоступное ни для кого разбойничье гнѣздо,—уже много лѣтъ оглашаются свисткомъ русскаго локомотива!

Такой быстроты въ движеніи Англія не ожидала. Парламентъ и газеты всѣхъ оттѣнковъ забили тревогу и потребовали принятія экстренныхъ мѣръ къ парализованію наступательной политики русскихъ.

Но какія же принять мѣры?

Не воевать же съ русскими въ Азіи?

На чьей сторонѣ будетъ успѣхъ при столкновеніи русскаго стрѣлка съ англійскимъ кашеваромъ?

Результатъ предугадать не трудно!

Остается единственное, излюбленное при томъ средство. Это дипломатія...

Что же она придумала?

Очень, повидимому, остроумную штуку.

Она выдумала и добилаcь согласія Россіи на созданіе буфера между нами и англичанами въ Средней Азіи.

Такъ какъ насъ отдѣляло отъ англичанъ лишь одно независимое ханство Афганское, то англичане, рассчитывая изъ-подъ полы прибрать его со временемъ къ рукамъ, предложили Россіи (кажется, авторъ предложенія Форсайтъ) для обезпеченія интересовъ обѣихъ державъ въ Азіи установить изъ Афганистана нейтральный поясъ, независимость котораго должна быть обоюдными обязательствами обезпечена на вѣчныя времена. Россія по обыкновенію добродушно-довѣрчиво согласилась, и вотъ появился буферъ между нами. Ни для кого не тайна, что остъ-индское правительство съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени оказываетъ постоянное давленіе на владѣтеля Афганистана. Цѣли этого давленія понятны. Англія даетъ эмиру афганскому ежегодно крупныя денежныя подачки, посылаетъ туда своихъ инструкторовъ, свои посольства, тогда какъ добродушно-честная, наивная Россія, строго соблюдая обязательства установленія нейтральнаго пояса, не смѣетъ входить даже въ сношенія съ пограничными властями.

Всякому извѣстно, что буферъ смягчаетъ толчки между вагонами, но пусть мнѣ укажутъ случай, когда при столкновеніи поездовъ буфера спасали отъ крушенія?..

Установивъ нейтральную зону, англичане, видимо, успокоились. На первый взглядъ, они оттѣснили русскихъ навсегда отъ какого бы то ни было вліянія на эмира афганскаго и могли не торопясь прибѣгнуть къ британизаціи этого ханства. Владѣтель этой дикой, но воинственной страны, осыпанный англійскимъ золотомъ, представлялся имъ покорнымъ и вѣрнымъ вассаломъ.

X.

Рѣшительная политика Кауфмана въ Афганистанѣ.—Отправленіе къ эмиру Ширъ-Али-Хану русскаго посольства во главѣ съ генераломъ Столѣтовымъ.—Торжественная встрѣча Ширъ-Али-Хана и Столѣтова въ Кабулѣ.—Подписаніе договора.—Движеніе туркестанскихъ войскъ на югъ по направленію къ Афганистану.—Неожиданный возвратъ къ прежней политикѣ уступокъ.—Отозваніе посольства изъ Афганистана и возвращеніе войскъ.—Смерть Ширъ-Али Хана.—Смерть К. П. Кауфмана.

Извиняясь за это длинное отступленіе, я продолжаю мои воспоминанія. Русско-турецкая война кончилась. Наша армія стояла подъ стѣнами Константинополя. Еще одинъ шагъ, и городъ былъ бы въ нашей власти. Предварительныя условія мира, составленныя нашимъ посломъ Игнатьевымъ, были подписаны турецкими уполномоченными. Условія эти, не разрушая Турецкой имперіи, были таковы, что удовлетворяли національное самолюбіе побѣдительницы Россіи. Но тутъ, какъ и всегда, въ наши дѣла вмѣшалась европейская дипломатія; на наше несчастье, мы допустили это вмѣшательство. Опираясь на русскіе штыки, мы, какъ и пруссаки въ 1870 году, могли сами диктовать условія мира, игнорируя чье бы то ни было сованіе въ это дѣло. Мы могли бы, занявъ Константинополь и овладѣвъ проливами, твердою рукою отстаивать свои права. Но вышло наоборотъ: мы побѣдили, мы принесли колоссальныя жертвы и людьми, и деньгами, мы освободили отъ вѣковаго рабства Болгарію... За все это мы предъявили законныя, но крайне умѣренные требованія, но... насъ, въ свою очередь, побѣдилъ еврей Дизраэли, стоявшій во главѣ министерства въ Англіи. По его настоянію рѣшено было созвать въ Берлинѣ конгрессъ для пересмотра прелиминарныхъ условій мира Россіи съ Турціей, и, къ нашему національному стыду, мы на это согласились. Всѣмъ извѣстна теперь роль, которую играли на этомъ конгрессѣ наши представители—князь Горчаковъ и графъ Шуваловъ. Но, очевидно, тамъ дѣла стали принимать самое непріятное для насъ положеніе. Въ это время случился фактъ, котораго англичане никакъ не ожидали. Афганскій эмиръ Ширъ-Али-Ханъ прислалъ Кауфману письмо, въ которомъ сообщилъ, что готовъ вступить съ нами въ союзъ, для чего просилъ прислать къ нему посольство. Это былъ такой прекрасный козырь въ нашихъ рукахъ, особенно въ періодъ Берлинскаго конгресса, что Кауфманъ, получивъ разрѣшеніе изъ Петербурга, немедленно послалъ въ Афганистанъ посольство съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, въ помощь которому назначенъ былъ полковникъ генеральнаго штаба Разгоновъ. Посольство уполномочено было обѣщать эмиру дружбу Россіи и помощь въ случаѣ, если Англія задумаетъ двинуть свои войска въ Афганистанъ. Посольство наше было принято эмиромъ въ Кабулѣ съ царскими почестями и въ первой же аудіенціи передало Ширъ-Али-Хану

согласіе Россіи на дружбу и союзъ. Эмиръ былъ очень счастливъ и всѣми средствами старался обласкать пословъ. Дипломатическая миссія Столѣтова увѣнчалась успѣхомъ, и вскорѣ онъ уѣхалъ изъ Кабула въ Ливадію къ государю Александру II, увезя съ собою подписанный Ширъ-Али-Ханомъ формальный договоръ о союзѣ съ Россіей (копія этого интереснаго документа имѣется въ Ташкентѣ въ дѣлахъ дипломатическаго архива).

Послѣ отъѣзда Столѣтова во главѣ посольства въ Кабулѣ остался Разгоновъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ начали сознавать, что Дизраэли, при посредствѣ честнаго маклера Бисмарка, сведетъ на нѣтъ всѣ наши побѣды въ Турціи, а потому въ видѣ косвеннаго давленія на Англію рѣшено было двинуть изъ Туркестана экспедиціонный отрядъ на югъ. Очевидно, предполагалось направить наши войска къ афганской границѣ, чтобы или поддержать Ширъ-Али въ его борьбѣ съ Англіей, или занять часть афганской территоріи. Истинная цѣль посылки отряда извѣстна была только Кауфману. Но какова бы ни была эта цѣль, нельзя было не признать, что движеніе нашего отряда на югъ было ловкимъ шахматнымъ ходомъ.

Всѣ войска, расположенныя въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, были сформированы въ одинъ сильный экспедиціонный отрядъ и двинуты на югъ, но... храбрость нашей дипломатіи уже стала остывать. Получено было приказаніе не переходить пока (?) бухарскую границу, вслѣдствіе чего отрядъ былъ остановленъ на самой границѣ, близъ селенія Джамъ, а штабъ отряда съ самимъ Кауфманомъ во главѣ поселился временно въ Самаркандѣ. Войска простояли на границѣ около двухъ мѣсяцевъ, а въ это время наши представители въ Берлинѣ безпрекословно дозволили перекроить игнатьевскія условія мира въ постыдный для насъ Берлинскій трактатъ. Англійская дипломатія сослужила огромную службу своему отечеству, уничтоживъ всѣ плоды нашихъ побѣдъ, остановивъ движеніе нашихъ войскъ въ Афганистанѣ и наконецъ настоявъ на отозваніи нашего посольства изъ Афганистана. Да, какъ это ни грустно, слѣдуетъ сознаться, что Россія, въ лицѣ своего представителя въ Средней Азій, Кауфмана, торжественно, черезъ специальное посольство, предложило Ширъ-Али-Хану союзъ и поддержку, а когда, въ виду движенія англійскаго отряда изъ Индіи въ Афганистанъ, эмиръ сталъ просить осуществленія союза, т.-е. фактической поддержки, то Кауфманъ, получившій совершенно противоположныя инструкціи изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, вынужденъ былъ отказать эмиру въ поддержкѣ и явился такимъ образомъ измѣнникомъ своему слову.

Я находился въ составѣ полевого штаба въ качествѣ начальника полевого почтоваго управленія и часто видѣлся съ Кауфманомъ, а потому могу засвидѣтельствовать, какъ невыносимо страдалъ этотъ благороднѣйшій рыцарь чести, когда ему пришлось посы-

латъ Разгонову приказаніе о прекращеніи переговоровъ съ Ширъ-Али-Ханомъ. Стыдъ, притомъ совершенно незаслуженный, при мысли, что онъ оказался въ глазахъ вѣрившаго ему Ширъ-Али измѣнникомъ своему слову, оказалъ губительное вліяніе и на нравственное, и на физическое состояніе Константина Петровича. Эмиру афганскому, конечно, не было извѣстно ни о князѣ Горчаковѣ, ни о графѣ Шуваловѣ, которые не сумѣли или не хотѣли отстоять честь и достоинство Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, ни о г. Гирсѣ, стоявшемъ во главѣ нашего дипломатическаго вѣдомства, ни объ исторической «всегдашней уступчивости» нашей въ сношеніяхъ съ Европой. Эмиръ зналъ лишь одного Кауфмана, съ нимъ однимъ велъ переговоры, отъ него получилъ предложеніе союза и поддержки и имъ же былъ брошенъ на произволъ судьбы при наступленіи опасности. Никого другого обвинять Ширъ-Али не могъ, и Кауфманъ это хорошо понималъ, и это причиняло ему невыносимыя нравственныя страданія.

Въ августѣ 1878 года джамскій отрядъ началъ возвращаться на свои зимнія квартиры, посольству Разгонова приказано было возвратиться назадъ, но еще до ихъ выѣзда изъ Мазаръ-и-Шерифа эмиръ Ширъ-Али-Ханъ неожиданно скончался.

Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ, но уже съ того времени всѣ стали замѣчать въ немъ не только прежнее отсутствіе энергіи, но даже нѣкоторую апатію. Онъ былъ попрежнему привѣтливъ, ласковъ со всѣми, внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, даже создавалъ крупныя и попрежнему талантливыя проекты, но прежняго орла въ немъ уже не замѣчалось. Чувствовалось, что этотъ человѣкъ носилъ уже въ себѣ начало какого-то тяжкаго недуга и что нравственная его мощь уже была надломлена. Прежній мудрый и энергичный организаторъ уступилъ мѣсто апатичному генераль-губернатору, и вся организаторская машина вдругъ остановилась.

Послѣдующіе два года (1879 и 1880 гг.) протекли незамѣтно. Тѣмъ не менѣе въ это время имѣло мѣсто событіе, касающееся лично меня. Кауфмана очень озабочивало правильное устройство мѣстъ заключенія. Въ краѣ было выстроено нѣсколько тюремъ, но порядки въ нихъ были неважныя, главнымъ образомъ по неимѣнію людей, знакомыхъ съ дѣломъ тюремной организаціи. Кауфманъ командировалъ меня въ Европейскую Россію для осмотра лучшихъ тюремъ и для ознакомленія съ тюремнымъ бытомъ, режимомъ и хозяйствомъ. Я осмотрѣлъ всѣ московскія, петербургскія и варшавскія тюрьмы, а также одиночную тюрьму въ Сѣдлецѣ. Самою интересною оказалась Шпалерная тюрьма, извѣстная подъ именемъ «домъ предварительнаго заключенія». Крестовъ тогда еще не было, а вмѣсто нихъ существовали исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, въ которыхъ практикова-

лась система мастерскихъ, при общемъ молчаніи работающихъ арестантовъ, и разъединеніе ихъ на ночь въ особыя кельи. На мой вопросъ, какихъ результатовъ достигаетъ эта система, начальникъ тюрьмы отвѣтилъ, что самыхъ отрицательныхъ, ибо арестанты свободно разговариваютъ и даже поютъ въ мастерскихъ за недостаткомъ надзора, а по ночамъ, благодаря отмычкамъ, устраиваютъ настоящіе клубы съ картежной игрой. Работая въ слесарной мастерской, каждый арестантъ имѣетъ возможность смастерить себѣ отмычку, и начальникъ тюрьмы показалъ цѣлый большой сундукъ, наполненный отобранными отмычками.

Я представилъ Кауфману подробный отчетъ о моей поѣздкѣ, но какъ разъ въ это время онъ тяжело захворалъ, и мой отчетъ неизвѣстно куда исчезъ.

1-го марта 1881 года свершилось злодѣйское дѣло на Екатерининскомъ каналѣ, и Константинъ Петровичъ, боготворившій императора Александра II, не вынесъ этого ужаса. Его разбилъ параличъ, и, пролежавъ безъ языка и безъ движеній почти цѣлый годъ, онъ тихо скончался весной 1882 года. Согласно его желанію, онъ похороненъ былъ въ центральномъ скверѣ Ташкента, а впоследствии, когда отстроенъ былъ, начатый еще при Кауфманѣ по проекту Рѣзанова, соборъ, прахъ покойнаго былъ перенесенъ въ этотъ храмъ.

Еще разъ отъ всего сердца скажу: миръ праху этого благороднѣйшаго, кристально-чистаго человѣка, этого рыцаря чести, этого вѣрнаго и преданнаго слуги родины и Монарха.

Въ заключеніе не могу не повторить одной фразы, сказанной однажды Кауфманомъ:

«Прошу похоронить меня здѣсь (т.-е. въ Ташкентѣ), чтобы каждый зналъ, что здѣсь настоящая русская земля, въ которой не стыдно лежать русскому человѣку».

Вотъ какъ смотрѣлъ Кауфманъ на Туркестанскій край.

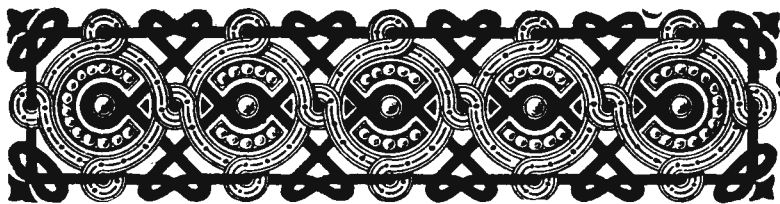
Г. П. Федоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.
Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ¹⁾.

(1870—1910 г.г.).

XI.

Назначеніе М. Г. Черняева генераль-губернаторомъ.—Приѣздъ его въ край.—Первыя впечатлѣнія.—Дѣятельность его.—Ревизія Гирса.—Умаленіе всего кауфмановскаго.—Поѣздка на Аральское море.—Назначеніе правителемъ канцеляріи К. А. Несторовскаго.—Увольненіе Черняева.

РОШЛО нѣсколькихъ мѣсяцевъ до назначенія Кауфману замѣстителя, и вотъ въ одинъ прекрасный день получается телеграмма о назначеніи генераль-губернаторомъ М. Г. Черняева. Ташкентъ ликоваль. Имя Черняева было знакомо не только всему Ташкенту, но и всей Россіи. Знаменитый покоритель Ташкента, положившій къ ступенямъ трона новую страну, которую впослѣдствіи министръ финансовъ Вышнеградскій называлъ лучшимъ брилльянтомъ въ коронѣ русскаго монарха, внезапно отозванный изъ Ташкента и впавшій въ немилость такъ, что для добыванія себѣ средствъ (а другіе говорятъ, для рекламированія себя путемъ публичнаго скандала) сдѣлался московскимъ нотаріусомъ; затѣмъ издатель либеральной газеты въ Москвѣ и, наконецъ, главнокомандующій сербской арміею... Все это создало Черняеву ореолъ славы и популярности среди всѣхъ слоевъ населенія. Для туркестанцевъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIV стр., 33.

это былъ только герой Средней Азіи, и всѣ заранѣе предвкушали благодѣянія будущаго управленія.

Но вотъ, наконецъ, Михаилъ Григорьевичъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, и всѣ мы увидѣли полусгорбленнаго, морщинистаго генерала, который сдѣлалъ всѣмъ общій поклонъ и, не сказавъ ни слова привѣтствія, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Первое впечатлѣніе было крайне удручающее.

Я забылъ упомянуть, что вскорѣ послѣ кончины Кауфмана правитель канцеляріи Каблуковъ вышелъ въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ камергеръ Щербинскій, человекъ прекрасно образованный, дѣловой, джентльменъ и хорошо знакомый съ краемъ, ибо раньше служилъ въ Зеравшанскомъ округѣ и Семирѣченской области.

Вскорѣ по прибытіи Черняева до насъ стали доходить слухи, что онъ непримиримый врагъ Кауфмана и всего кауфмановскаго.

Сначала это были только темные слухи, къ которымъ мы относились скептически, ибо не видѣли никакого основанія для такой непріязни (Черняевъ не только не былъ знакомъ съ Кауфманомъ, но даже не видѣлъ его никогда), но затѣмъ съ первыхъ же служебныхъ шаговъ Черняева мы убѣдились, что слухи имѣли очень большое основаніе. Первое, что поразило всѣхъ насъ, это назначеніе изъ Петербурга ревизіи, и мы узнали, что Черняевъ успѣлъ убѣдить въ Петербургѣ, что въ управленіи краемъ полный хаосъ, что чиновники дозволяютъ себѣ всевозможныя злоупотребленія, а потому онъ затрудняется фактически вступить въ управленіе краемъ, пока специальная ревизія не выяснитъ истиннаго положенія дѣлъ.

Эта была незаслуженная обида памяти Кауфмана, обида, ничѣмъ не вызванная и основанная исключительно на почвѣ личной непріязни Черняева.

Дождались мы и этой ревизіи. Во главѣ ея пріѣхалъ тайный совѣтникъ Ф. К. Гирсъ, привезя съ собою трехъ чиновниковъ разныхъ министерствъ. Гирсъ представлялъ собою типъ петербургскаго нѣмца-чиновника, большого говоруна, но очень недалекаго. Первые шаги ревизіи показали, что Гирсъ желаетъ во что бы то ни стало найти слѣды хаоса и злоупотребленій. Средства для добыванія обвинительныхъ матеріаловъ имѣли характеръ скорѣе сыскной, чѣмъ ревизіонный. Комиссія работала не покладая рукъ, больше года, и въ результатѣ открыто какое-то злоупотребленіе по строительной части, и два архитектора преданы были суду, который торжественно оправдалъ ихъ.

Пока комиссія жила въ Ташкентѣ, Черняевъ пребывалъ въ полномъ бездѣйствіи. Правитель канцеляріи Щербинскій, которому приходилось больше всѣхъ сталкиваться съ ревизіонной комиссіей, очень скоро разгадалъ истинный характеръ ревизіи и отшатнулся отъ Гирса.

Ревизоръ-нѣмецъ не могъ этого простить и увѣрилъ Черняева, что Щербинскій не на мѣстѣ. Узнавъ объ этомъ, Щербинскій немедленно подалъ прошеніе объ отчисленіи отъ должности и уѣхалъ въ Петербургъ.

Черняевъ хотѣлъ назначить вмѣсто Щербинскаго Всеволода Крестовскаго, извѣстнаго писателя, прибывшаго въ Ташкентъ съ Черняевымъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, но Гирсъ рекомендовалъ ему чиновника Несторовскаго, стараго туркестанца, исполнявшаго нѣкоторые порученія ревизіи. Это было единственное путное дѣло Гирса, ибо лучшаго выбора на постъ правителя канцеляріи нельзя было сдѣлать. Несторовскій былъ человѣкъ въ высшей степени серьезный, съ университетскимъ образованіемъ, обладавшій огромною трудоспособностью. Въ то же время онъ былъ человѣкомъ замѣчательной доброты и сердечной отзывчивости, и за время своего четырнадцатилѣтняго управленія канцеляріей онъ не имѣлъ ни одного врага и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія.

Наконецъ ревизія уѣхала въ Петербургъ, и Черняевъ, не стѣсняемый больше своими петербургскими гостями, принялся за управленіе краемъ.

Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ распоряженіи ясно чувствовалась неприязнь его къ Кауфману. Я не знаю, каковы были военные таланты Михаила Григорьевича, но, очевидно, они были выдающіеся, ибо создали ему ореолъ славы и въ Туркестанѣ и въ Сербіи, но не подлежатъ никакому сомнѣнію, что административныхъ талантовъ онъ не имѣлъ. Онъ не показывался нигдѣ и окружилъ себя дома тѣснымъ кружкомъ лицъ, привезенныхъ имъ съ собой.

Во главѣ этихъ лицъ стоялъ Всеволодъ Крестовскій, очень умный человѣкъ, талантливый писатель, но совершенно не знакомый съ краемъ. Онъ ничѣмъ и не интересовался и ни съ кѣмъ не знакомился, кромѣ одного чиновника, послѣ смерти котораго женился на его вдовѣ. Въ числѣ лицъ свиты вспоминаю какого-то черногорца, мрачнаго, молчаливаго, но, повидимому, добродушнаго; было тамъ нѣсколько офицеровъ молодыхъ, веселыхъ, любящихъ кутнуть и поиграть въ карты. Всѣ они и жили у Черняева и проводили у него всѣ дни. Въ Ташкентѣ рассказывали, что въ черняевскомъ кружкѣ идетъ непробудное пьянство, и, что самъ Михаилъ Григорьевичъ даетъ всему тонъ. Обязываюсь засвидѣтельствовать, что обвиненіе Черняева въ пристрастіи къ вину по крайней мѣрѣ въ бытность его въ Ташкентѣ, совершенно неосновательно. Онъ пріѣхалъ къ намъ совершенно больной, съ трудомъ волочащій ноги, и мнѣ хорошо извѣстно, что, кромѣ стакана пива за завтракомъ и обѣдомъ, ничего не пилъ.

Я говорилъ уже выше, что Кауфманъ учредилъ въ Ташкентѣ публичную бібліотеку, которая ко времени пріѣзда Черняева насчи-

тивала болѣе пяти тысячъ томовъ, не считая туркестанскаго сборника Межова, стоившаго огромныхъ денегъ. Черняевъ, относившійся недоброжелательно ко всему, что было сдѣлано Кауфманомъ, не могъ равнодушно смотрѣть на библіотеку, огромное значеніе которой могъ отрицать развѣ какой-нибудь зулусъ или готтентотъ. Библіотека мозолила глаза Черняеву, и вотъ однажды онъ приказываетъ Крестовскому обревизовать библіотеку. Авторъ «Петербургскихъ Трущобъ» исполнилъ порученіе и представилъ Черняеву докладъ, въ томъ смыслѣ, что ташкентская публика, кромѣ «Черной собаки» и «Желтой Пантеры» Майнъ-Рида, ничего не читаетъ.

Этого было довольно Черняеву, и вотъ на глазахъ у всѣхъ совершился безпримѣрный въ лѣтописяхъ цивилизованныхъ народовъ фактъ. Генераль-губернаторъ приказалъ раздать всю библіотеку по казармамъ и госпиталямъ!!!

Приказаніе было, конечно, исполнено, и вскорѣ изъ дверей богатѣйшаго книгохранилища стали вывозить огромные ворохи книгъ. Черезъ недѣлю библіотека опустѣла! Величайшій актъ вандализма былъ совершенъ, и едва ли его могутъ искупить военныя заслуги Черняева.

Къ счастью, распоряженіе Черняева не имѣло дурныхъ послѣдствій. Назначенный вмѣсто него генераль-губернаторомъ Розенбахъ тотчасъ по прибытіи въ Ташкентъ приказалъ вернуть всѣ книги въ зданіе библіотеки. При провѣркѣ возвращенныхъ книгъ не досчитались около ста томовъ, которые легко было прикупить. Съ тѣхъ поръ библіотека съ каждымъ годомъ увеличивается и въ настоящее время составляетъ гордость и славу Ташкента.

Уничтоживъ публичную библіотеку, Черняевъ обратилъ вниманіе на образцовую хлопковую ферму и, осмотрѣвъ ее, выслалъ такого рода резолюцію:

«Эту оффенбаховщину упразднить!»

Ну, конечно, оффенбаховщина была уничтожена, джины и прессъ проданы, а участокъ земли отданъ для постройки психіатрической больницы.

Никакихъ созидательныхъ работъ Черняевъ не предпринималъ. Доклады выслушивалъ апатично; его, видимо, совсѣмъ не интересовало дѣло управленія краемъ; со служащими онъ даже не знакомился, довольствуясь кружкомъ своей свиты. Всѣ мы чувствовали себя очень неловко, ибо видѣли, что со стороны генераль-губернатора мы пользуемся полнымъ недоувѣріемъ. Въ это время я былъ уже начальникомъ отдѣленія канцеляріи генераль-губернатора, но хотя прошло четыре мѣсяца со дня пріѣзда Черняева, ни мы его, ни онъ насъ даже не видѣли. Несторовскій очень возмущался этимъ и неоднократно убѣждалъ Черняева, что

Генераль-адъютантъ Н. О. Розенбахъ.

отказъ его познакомиться съ своими главными сотрудниками въ главномъ управленіи ставить ихъ въ крайне фальшивое и неловкое положеніе:

«Я ихъ достаточно хорошо знаю по ихъ дѣятельности при Кауфманѣ, и мнѣ не требуется личнаго знакомства для ихъ правильной оцѣнки», отвѣчалъ Черняевъ.

Но Несторовскій не унывалъ и продолжалъ настаивать, и вотъ однажды всѣ три начальника отдѣленій получили приглашеніе на обѣдъ къ Михаилу Григорьевичу.

Признаюсь, мы съ тяжелой душой и съ крайнею неохотою собирались на обѣдъ къ человѣку, который выказывалъ намъ столь незаслуженное неуваженіе.

Судите же наше удивленіе, когда, пріѣхавъ на обѣдъ, мы были встрѣчены Черняевымъ, милымъ, добродушнымъ, ласковымъ и гостепріимнымъ. Ледъ растаялъ съ первыхъ шаговъ, и у насъ установились сразу хорошія отношенія, которыя не прерывались до ухода его изъ края.

Весной 1883 года Черняевъ поѣхалъ осматривать Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Осмотрѣвъ городъ Петроалександровскъ и войска, Черняевъ отправился обратно, но не въ Ташкентъ, а неизвѣстно по какому направленію, и въ сопровожденіи только одного адъютанта ротмистра Алабина. Начали наводить справки, куда отправился генераль-губернаторъ, и оказалось, что онъ вдвоемъ съ Алабинымъ верхомъ поѣхали безлюдными и частью безводными пустынями къ Каспійскому морю, которое не входило даже въ черту Туркестанскаго края. Предположеній и догадокъ была масса, но никто ничего опредѣленнаго не зналъ. вмѣсто себя Черняевъ никого не оставилъ въ Ташкентѣ, и, конечно, вся административная машина остановилась. Между тѣмъ, позднѣйшими свѣдѣніями изъ Аму-Дарьинскаго отдѣла выяснилось, что Черняевъ поѣхалъ съ цѣлью открыть новый торговый путь по Каспійскому морю **отъ залива Мертвый Калтукъ**.

Вы представьте себѣ только генераль-губернатора, который вмѣсто того, чтобы управлять краемъ, вдругъ уподобляется Дюмоня Дюрвилю или Магелану и открываетъ новые пути!

Пославъ при началѣ своего путешествія телеграмму въ Астрахань о высылкѣ ему навстрѣчу парохода, Черняевъ съ Алабинымъ усѣлись въ небольшую рыбацью лодку и подъ парусами двинулись по направленію къ Астрахани! Что имъ пришлось испытать, только имъ однимъ извѣстно, но знаю, что ихъ долго носило по морю, пока ихъ не встрѣтилъ высланный изъ Астрахани пароходъ «Водолей» и доставилъ на сушу, взыскавъ за это три тысяча рублей. Черняевъ высадился въ Астрахани въ самый день коронованія императора Александра III, и мы, присутствовавшіе въ этотъ день на церковномъ парадѣ въ Ташкентѣ, неожиданно узнали, что Черняевъ, наконецъ, нашелся. Много было, конечно, смѣха и остротъ по поводу этого опереточнаго путешествія. Изъ Астрахани Черняевъ проѣхалъ прямо въ Петербургъ, но тамъ ему, кажется, дали понять весь комизмъ его плаванія и посоветовали скорѣй возвращаться въ Ташкентъ, что онъ и исполнилъ.

Въ его отсутствіе черезъ Ташкентъ проѣхалъ бухарскій наслѣдній принцъ Саидъ-Абдуль-Ахадъ (недавно умершій эмиръ бухарскій). Молодой, красивый, привѣтливый, онъ сразу пріобрѣлъ общія симпатіи. Я былъ ему представленъ отдѣльно, ибо въ то время временно завѣдывалъ дипломатическою канцеляріей, и съ тѣхъ поръ до конца его жизни не прерывалъ съ нимъ личныхъ сношеній. Я полюбилъ его съ перваго дня, и мое многолѣтнее близкое знаком-

ство съ нимъ не уменьшило моихъ хорошихъ чувствъ. Въ свое время мнѣ не разъ придется говорить о немъ.

Возвратясь изъ Петербурга, Черняевъ попрежнему апатично относился къ гражданскому управленію. Имъ не возбуждено было ни одного серьезнаго вопроса, не разработано было ни одного проекта, въ которыхъ край такъ нуждался. Онъ попрежнему проводилъ время въ кругу своихъ приближенныхъ. Ко всѣмъ требованіямъ изъ Петербурга онъ относился полупрезрительно и даже рѣдко отвѣчалъ на телеграммы министрамъ.

Но, очевидно, и въ Петербургѣ поняли, что въ назначеніи Черняева допущена была грустная ошибка. Его вызвали въ столицу подъ предлогомъ обсужденія новаго положенія объ управленіи краемъ. Не подозрѣвая коварства со стороны военного министра, Черняевъ быстро собрался, взялъ съ собою Алабина, Крестовскаго, меня и моего товарища по канцеляріи и друга С. А. Иванова. Приѣхавъ въ Петербургъ, Черняевъ занялъ рядъ комнатъ въ Европейской гостиницѣ, предложивъ и всѣмъ намъ помѣститься тамъ. Натурально, мы были очень рады пожить въ роскошномъ помѣщеніи на казенный счетъ, но увѣ! все это скоро прекратилось. На другой день Черняевъ, возвратясь отъ государя, собралъ насъ и объявилъ, что онъ больше не генераль-губернаторъ, а потому мы должны приискать себѣ другое помѣщеніе или ѣхать обратно въ Ташкентъ. Съ грустью я и Ивановъ изъ роскошнаго бельэтажа Европейской гостиницы перебрались на пятый этажъ дешевыхъ и плохихъ меблированныхъ комнатъ на Невскомъ.

Заканчивая свои воспоминанія о Черняевѣ, я считаю не лишнимъ привести отзывъ о немъ лично хорошо знавшаго его г. Карцева, помѣщенный въ интересныхъ воспоминаніяхъ въ «Русской Старинѣ» подъ заглавіемъ «За кулисами дипломатіи».

«Непонятно, какъ могли люди, близко его знавшіе, поставить его на высокій административный постъ, гдѣ практическій смыслъ и выдержка необходимы, и удивляться, что онъ понадѣлалъ промаховъ, а потомъ преслѣдовать его и колоть этими промахами почти до самой гробовой доски!»

Вскорѣ состоялся приказъ о назначеніи генераль-губернаторомъ генераль-адъютанта Николая Оттоновича Розенбаха.

ХІІ.

Назначеніе генераль-губернаторомъ генераль-адъютанта Н. О. Розенбаха.—Комиссія графа Игнатьева по составленію новаго положенія объ управленіи краемъ.—Замѣчательная аккуратность Розенбаха.—Приѣздъ его семьи.

Генераль Розенбахъ представлялъ собою совершенно иной типъ, чѣмъ его предшественникъ. Получившій самое обыкновенное военное образованіе, онъ служилъ въ одномъ изъ армейскихъ

полковъ въ Москвѣ, и въ одинъ изъ пріѣздовъ туда государя Александра II, который былъ шефомъ этого полка, сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ. Съ этого момента военная карьера его была обезпечена. Вскорѣ онъ получилъ гвардейскій полкъ, былъ произведенъ въ генералы и зачисленъ въ свиту. Онъ сдѣлалъ двѣ компаніи: польскую (1863 г.) и турецкую (1876 г.). Оба раза былъ сильно раненъ, получилъ георгіевскій крестъ. Вскорѣ Розенбахъ былъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ и назначенъ начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго округа. На этомъ мѣстѣ онъ находился до 1884 года, когда неожиданно для всѣхъ государь предложилъ ему постъ туркестанскаго генераль-губернатора, принятый Розенбахомъ безъ раздумья, хотя онъ, вѣроятно, о Туркестанѣ зналъ меньше, чѣмъ о Зулудендѣ.

По наружности это былъ типъ николаевскаго генерала: высокій, прямой, сухой, съ щетинистыми сѣдыми бакенбардами, съ отрывистымъ, рѣзкимъ голосомъ. Первое впечатлѣніе, особенно послѣ очаровывавшаго всѣхъ Кауфмана и мягкаго и ласковаго Черняева, онъ производилъ удручающее. Но при ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, что это человѣкъ очень добрый. Видимо, онъ сознавалъ свою доброту, но считалъ нужнымъ маскировать ее напускной суровостью и жестокостью, что ему рѣдко удавалось. Я и С. А. Ивановъ представились ему на другой же день по его назначеніи, и онъ объявилъ намъ, что мы должны остаться въ Петербургѣ и войти въ составъ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта графа Н. П. Игнатьева для выработки новаго положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Комиссія эта собиралась въ главномъ штабѣ, и въ составъ ея вошли представители отъ всѣхъ министерствъ и всѣ члены ревизіонной комиссіи Гирса. Кромѣ того, были приглашены въ комиссію служившіе въ Туркестанѣ генераль Абрамовъ, камергеръ Щербинскій и генераль Куропаткинъ. Графъ Игнатьевъ велъ пренія съ большимъ апломбомъ, въ качествѣ знатока Азіи, каковое знаніе основывалъ на какой-то своей поѣздкѣ въ Хиву нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Поскольку его познанія могли быть полезны при обсужденіи вопроса о современномъ управленіи Туркестанскаго края, не имѣющаго ничего общаго съ Хивой, я не берусь судить. Первую скрипку въ комиссіи игралъ Гирсъ. Много онъ говорилъ дѣльнаго, но гораздо больше пустяковъ. Его полное незнакомство съ современными условіями края бросалось въ глаза. Представители отъ Туркестана часто осаживали его, но большинство комиссіи, совершенно незнакомое съ новымъ краемъ, и въ томъ числѣ Розенбахъ поневолѣ прислушивались къ чиновничьему краснорѣчію Гирса, и въ результатѣ было выработано положеніе, которое при первомъ же примѣненіи на практикѣ оказалось никуда негоднымъ. Началось неизбежное издаваніе разъяснительныхъ циркуляровъ, посыпались

представленія въ Петербургъ о законодательной отмѣнѣ, дополненіи или измѣненіи непримѣнимыхъ на практикѣ статей новаго положенія; совѣтъ генераль-губернатора былъ буквально заваленъ работой по разсмотрѣнію недоразумѣній губернаторовъ. Въ концѣ концовъ коренной законъ для Туркестана, обратившійся въ какое-то одѣяло изъ лоскутковъ, дѣйствуетъ и понынѣ.

Въ началѣ мая 1884 года я вмѣстѣ съ Розенбахомъ выѣхали въ Ташкентъ. Тогда еще не было ни Среднеазиатской ни Ташкентской желѣзныхъ дорогъ, и отъ Оренбурга мы поѣхали степью на лошадяхъ. Въ Оренбургѣ Розенбахъ поразилъ меня однимъ свойствомъ своего характера. Разсчитывая скорость почтовой ѣзды десять верстъ въ часъ, принявъ во вниманіе остановки на станціяхъ для обѣдовъ, ужиновъ и ночлеговъ, Розенбахъ составилъ самъ маршрутъ и приказалъ мнѣ телеграфировать во всѣ попутные города (Казалинскъ, Перовскъ, Джулекъ, Туркестанъ, Чимкентъ и Ташкентъ) о времени прибытія его въ каждый городъ, причемъ обозначены были не только числа, но часы и минуты. Предполагая, что Розенбахъ, никогда не дѣлавшій большихъ поѣздокъ на лошадяхъ и привыкшій къ аккуратности хода поѣздовъ, увлекся, составляя расписаніе поѣздки, я доложилъ ему, что на разстояніи двухъ тысячъ верстъ невозможно иногда опредѣлить даже день прибытія на извѣстный пунктъ, а не только часъ, что при ѣздѣ на почтовыхъ, при крайне плохомъ содержаніи тракта, возможны на каждомъ шагу случайности, совершенно непредвидѣнныя, остановки, не зависящія отъ воли пассажира, etc. Розенбахъ молча слушалъ меня и слегка улыбался.

— Ну, вы все сказали? А теперь отправляйтесь на телеграфъ и исполните мое приказаніе.

Приказаніе я исполнилъ, но, какъ много ѣздившій раньше по почтовому тракту, подтрунивалъ надъ Розенбахомъ въ обществѣ его молодого и симпатичнаго адъютанта М. М. Рындина, пророча его принципалу крупное разочарованіе на первыхъ же шагахъ его управленія.

Можете судить, какъ жестоко я былъ сконфуженъ, когда въ концѣ концовъ оказалось, что Розенбахъ прибывалъ въ города въ тѣ дни, часы и даже минуты, какъ это значилось въ маршрутѣ. Достигалъ онъ этого благодаря тому, что нигдѣ ни одной минуты онъ не оставался больше, чѣмъ было опредѣлено маршрутомъ, а такъ какъ его, какъ генераль-губернатора, везли, конечно, безъ задержекъ и скорѣе, чѣмъ прочихъ пассажировъ, то бывали случаи, что на послѣднюю станцію передъ какимъ-нибудь городомъ мы пріѣзжали раньше расписанія; въ такомъ случаѣ Розенбахъ приказывалъ ждать запряжкой лошадей, и въ результатѣ, къ удивленію всѣхъ попутныхъ властей, поѣздъ, состоящій изъ трехъ экипажей, подѣзжалъ къ мѣсту въ назначенный маршрутомъ срокъ.

Такая безпримѣрная аккуратность, хотя немного и нѣмецкая, тѣмъ не менѣе всѣмъ показалась очень симпатичною. Такой же аккуратности Розенбахъ держался все время своего пребыванія въ Ташкентѣ. Онъ никогда ни на минуту не опаздывалъ выѣздомъ къ войскамъ или на парады; никому никогда не приходилось терять время на выжиданія въ пріемной. Въ назначенный часъ и минуту дверь отворялась, и въ нее входила суровая, сухая фигура начальника края, который внимательно выслушивалъ всѣхъ просителей, и, несмотря на эту суровость, никто не уходилъ не удовлетворенный или не успокоенный, что дѣло его получить должное направление.

Вскорѣ въ Ташкентъ пріѣхала семья Николая Оттоновича, состоявшая изъ жены и трехъ дочерей. Ташкентъ до того времени былъ набалованъ въ томъ отношеніи, что и Кауфманъ и Черняевъ жили тамъ безъ женъ. Супруга Константина Петровича, Юлія Маврикіевна, прожившая въ Ташкентѣ лишь первые четыре года (1868—1872 гг.), затѣмъ болѣе въ Ташкентъ не пріѣзжала. Отсутствие женскаго элемента въ «Бѣломъ домѣ» (такъ въ шутку назывался домъ генераль-губернатора) много упрощало отношеніе служащихъ къ начальнику края и избавляло ихъ женъ отъ необходимости ѣздить съ визитами и, слѣдовательно, тратиться на костюмы. Пріѣздъ семьи Розенбаха сразу измѣнилъ положеніе дѣла. Ольга Ивановна Розенбахъ, не сдѣлавъ никому въ городѣ визитовъ, въ одинъ прекрасный день разослала всѣмъ приглашенія къ себѣ на раутъ. Большинство, конечно, было возмущено, ибо если, быть можетъ, такой порядокъ существовалъ въ столицѣ, то онъ былъ совершенно новъ и непримѣнимъ въ провинціи, гдѣ также существуетъ установленный свѣтскій кодексъ, обязывающій всякаго пріѣзжающаго безъ различія сдѣлать первымъ визитъ къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ желаетъ быть знакомымъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ, конечно, поѣхали. Нѣкоторые бывшіе петербуржцы увѣряли, что хозяева старались подражать обычаямъ если не Зимняго дворца, то салоновъ Фурштатской и Морской. Насколько это имъ удалось, не знаю, но помню, что я и моя жена чувствовали себя очень нехорошо, когда мы вошли въ залъ и дежурный адъютантъ прежде, чѣмъ представить Ольгѣ Ивановнѣ, спросилъ, какъ наша фамилія! Долженъ, впрочемъ, сказать, что Ольга Ивановна была со всѣми очень любезна и внимательна. Раутъ прошелъ очень скучно, и черезъ часъ мы всѣ гурьбой двинулись къ выходу.

На другой день жена генераль-губернатора вмѣсто отвѣтныхъ визитовъ разослала всѣмъ свои визитныя карточки. Можетъ быть, и это принято въ Петербургѣ, но въ Ташкентѣ это обидѣло всѣхъ, и возстановило все общество противъ женскаго элемента «Бѣлаго дома».

XIII.

Смерть бухарскаго эмира Сеидъ-Муззафара и вступленіе въ управленіе ханствомъ наслѣднаго принца Сеидъ-Абдуль-Ахада.—Характеристика послѣдняго.—Убійство перваго министра Бухары Мухамедъ-Шерифа-Диванбеги.—Казнь убійцы.

Розенбахъ, объѣхавъ въ первый же годъ весь край, на слѣдующій годъ (1885) отправился въ Петербургъ по служебнымъ дѣламъ. Во время его отсутствія получено было неожиданное извѣстіе о кончинѣ бухарскаго эмира Сеидъ-Муззафаръ-хана. Наслѣднымъ принцемъ былъ Сеидъ-Абдуль-Ахадъ, про котораго я уже говорилъ выше. Онъ проживалъ въ это время въ маленькомъ городкѣ ханства Кермине, отстоящемъ отъ Бухары верстахъ въ ста.

Въ мусульманскихъ государствахъ, гдѣ не существуетъ законовъ престолонаслѣдія, кончина владѣтеля обычно сопровождается крупными беспорядками, народными смутами и даже рѣзней. Претендентами на власть выступаютъ нѣсколько человѣкъ родственниковъ умершаго; каждый имѣетъ свою партію приверженцевъ, готовыхъ всякими дозволенными и недозволенными средствами отстаивать права своего патрона. Въ Бухарѣ положеніе было нѣсколько иное. Сеидъ-Абдуль-Ахадъ, любимый сынъ покойнаго эмира, еще при жизни отца былъ выбранъ имъ въ свои наслѣдники, и Сеидъ-Муззафаръ, какъ вассальный владѣтель, просилъ государя Александра III утвердить Сеидъ-Абдуль-Ахада въ званіи наслѣднаго принца, разсчитывая (и совершенно вѣрно), что разъ сынъ его утвержденъ русскимъ царемъ, какъ его замѣститель, то въ случаѣ какихъ-либо притязаній прочихъ сыновей русскія войска поддержать права избранника и водворять спокойствіе въ ханствѣ.

Разсказываютъ, что когда Сеидъ-Муззафаръ скончался, то первый министръ Мухамедъ-Шерифъ-Диванбеги арестовалъ всѣхъ слугъ покойнаго, знавшихъ о его кончинѣ, и, заперевъ комнату, въ которой скончался эмиръ, послалъ двухъ вѣрныхъ людей къ наслѣднику въ Кермине, прося его немедленно пріѣхать въ Бухару и объявить себя ханомъ. Получивъ извѣщеніе о смерти отца, Сеидъ-Абдуль-Ахадъ, не медля ни минуты, верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ поскакалъ въ Бухару. На половинѣ дороги онъ неожиданно встрѣтилъ коляску, въ которой изъ Бухары ѣхалъ генералъ М. Н. Анненковъ, строившій тогда желѣзную дорогу изъ Асхабада до Самарканда. Сеидъ-Абдуль-Ахадъ упросилъ Анненкова вернуться съ нимъ въ Бухару и, получивъ согласіе добрѣйшаго Михаила Николаевича, въѣхалъ въ свою столицу какъ бы подъ покровительствомъ русскаго генерала. Собравъ всѣхъ почетныхъ жителей и духовенство, Сеидъ-Абдуль-Ахадъ объявилъ имъ о смерти своего отца и о своемъ вступленіи въ управленіе страной. Народъ преклонился передъ своимъ новымъ повелителемъ, и съ этой минуты спокойствіе нигдѣ не было нарушено.

Позволю себѣ нѣсколько остановиться на характеристикѣ новаго эмира, котораго я очень хорошо знаю, благодаря многолѣтнему близкому личному съ нимъ знакомству.

Сеидъ-Абдуль-Ахадъ сдѣлался владѣтелемъ Бухары, будучи совсѣмъ юнымъ, но, несмотря на это, онъ сразу выказалъ себя чело-вѣкомъ выдающимся. Отецъ его обладалъ большимъ умомъ, но былъ очень жестокой правитель. При немъ самыя жестокия смертныя казни были явленіемъ зауряднымъ. Подземныя тюрьмы (зинданы), которыя подчасъ представляли болѣе ужаса, чѣмъ смертная казнь, были всегда переполнены несчастными заключенными. Новый эмиръ, не уступая умомъ своему отцу, выказалъ съ первыхъ же дней своего воцаренія удивительное мягкосердіе и доброту. Только въ одномъ случаѣ онъ разрѣшилъ смертную казнь, о чѣмъ я расскажу ниже, но преступленіе лица, приговореннаго къ смерти, было неслыханное въ лѣтописяхъ ханства, и, помиловавъ преступника, эмиръ сразу лишился бы популярности въ народѣ.

Получивъ блестящее мусульманское образованіе, будучи преданнымъ послѣдователемъ Магомета, проведеній всю предшествующую жизнь среди мусульманъ и ихъ вѣковыхъ традицій, видѣвшій русскихъ и Россію только мелькомъ одинъ разъ во время поѣздки въ 1883 году въ Петербургъ и не имѣвшій конечно, самыхъ элементарныхъ понятій о благахъ цивилизаціи и прогресса, эмиръ тѣмъ не менѣе съ вступленіемъ въ управленіе ханствомъ выказалъ такую способность держать себя на высотѣ своего положенія, что онъ могъ быть смѣло поставленъ въ образецъ не только многимъ европейскимъ дипломатамъ, но и нѣкоторымъ коронованнымъ особамъ Западной Европы.

Своимъ большимъ умомъ онъ сразу понималъ истинное положеніе дѣлъ. Рискую заслужить ненависть мусульманскаго духовенства, очень сильнаго своимъ вліяніемъ на народъ и ненавидящаго всѣхъ кяфировъ, эмиръ сразу установилъ самыя тѣсныя, самыя дружескія отношенія съ своей сосѣдкой Россіей. Съ тѣхъ поръ и до конца его жизни ни одинъ изъ нашихъ министровъ, ни одинъ изъ генераль-губернаторовъ не имѣлъ ни разу основанія упрекнуть эмира въ коварствѣ, вѣроломствѣ или измѣнѣ тому, что онъ общалъ. Это всегда былъ самый вѣрный, самый преданный другъ русскаго монарха. Онъ беззавѣтно любилъ государя Александра III, въ память котораго учредилъ даже высшій бухарскій орденъ Искандеръ-Салисъ (въ переводѣ Александръ III), и покойный императоръ, со своей стороны, платилъ ему любовью, довѣріемъ и уваженіемъ. По вступленіи на престолъ императора Николая II эмиръ перенесъ свою любовь и преданность на новаго монарха. И это не была любовь, основанная на политическихъ расчетахъ; это было чувство, основанное на симпатіяхъ и абсолютномъ довѣріи и уваженіи.

Смертная казнь въ Бухарѣ.

При первыхъ же своихъ сношеніяхъ съ русскими эмиръ созналъ огромную пользу цивилизаціи. Онъ сталъ учиться говорить и читать по-русски, и уже скоро могъ смѣло обходиться безъ драгомана и постоянно читалъ русскія газеты. Назначивъ своимъ наслѣдникомъ молодого Сеидъ-Миръ-Алима, онъ отправилъ его въ Петербургъ въ Николаевскій кадетскій корпусъ, гдѣ талантливый мальчикъ прошелъ курсъ наукъ и вернулся домой съ чиномъ поручика Терскаго казачьяго войска.

Зная хорошо свои права по отношенію къ своимъ подданнымъ, эмиръ всегда твердо держалъ въ рукахъ бразды правленія и, будучи уступчивымъ во всѣхъ внѣшнихъ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ, онъ никогда не поступался своими прерогативами во внутренней политикѣ ханства. Всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло поражала его удивительная доброта и сердечность. Мнѣ приходилось подолгу бесѣдовать съ нимъ по разнымъ вопросамъ, меня удивляли всегда его находчивость, остроуміе и, если можно такъ выразиться, энциклопедичность. Онъ всѣмъ интересовался, о многомъ разспрашивалъ и обладалъ способностью дѣлать вѣрныя оцѣнки людей, съ которыми соприкасался.

Вступленіе его въ управленіе ханствомъ совпало съ историческимъ фактомъ огромной важности, сразу измѣнившимъ весь внѣшній и внутренній видъ страны, дотолѣ глухой, неизвѣданной, дикой. Я говорю про проведеніе желѣзной дороги, которая прорѣзала ханство съ юга на сѣверъ отъ Чарджуя до Катта-Кургана. Съ первымъ свисткомъ локомотива въ предѣлы ханства хлынула волна русскихъ и армянъ всевозможныхъ званій и профессій. Близъ Чарджуя (на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи) и Бухары образовались крупныя русскія поселенія, торговля оживилась, а вмѣстѣ съ нею усилилась постоянная и непрерывная сношенія, а часто, конечно, неизбѣжныя столкновенія русскихъ съ бухарцами. Необходимо было имѣть въ самомъ ханствѣ представителя русской власти, который являлся бы, съ одной стороны, нашимъ агентомъ по сношеніямъ съ эмиромъ и его правительствомъ, а съ другой—посредникомъ въ сношеніяхъ русскихъ съ туземцами. Въ 1886 году было учреждено въ Бухарѣ наше политическое агентство. Первымъ агентомъ былъ назначенъ камеръ-юнкеръ Чарыковъ, очень неглупый, прекрасно образованный и богатый человекъ. Обладая солиднымъ дипломатическимъ тактомъ, онъ сразу установилъ съ эмиромъ и его министрами наилучшія отношенія, и, благодаря положенной имъ закладка, прекрасныя отношенія нашего политическаго агентства къ правительству эмира никогда впослѣдствіи не нарушались.

Вскорѣ по вступленіи эмира въ управленіе страной, когда онъ поѣхалъ для обозрѣнія своего государства въ восточныя горныя провинціи, въ Бухарѣ произошло событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ мусульманства. Первымъ министромъ и большимъ любим-

цемъ эмира былъ Мухамедъ-Шерифъ-Диванбегъ. Вліяніе и значеніе его въ странѣ были безграничны. Эмиръ цѣнилъ его большія способности, честность и преданность и всецѣло довѣрялъ ему. Въ бухарскихъ войскахъ служилъ одинъ офицеръ (туземецъ), который надѣлалъ много долговъ. По упрощенному и крайне наивному мусульманскому гражданскому праву, первый министръ Мухамедъ-Шерифъ явился самъ въ квартиру этого офицера, чтобы произвести опись имущества для удовлетворенія кредиторовъ. Описывая имущество первой комнаты, онъ спросилъ у офицера, есть ли у него еще имущество на женской половинѣ, куда не имѣтъ права входить ни одинъ посторонній мужчина. Офицеръ отвѣтилъ, что есть и что онъ сейчасъ вынесетъ. Уйдя въ сосѣднюю комнату, онъ скорѣе вернулся и со словами:

— Вотъ что у меня есть,—вынулъ револьверъ и убилъ наповаля Мухамедъ-Шерифа.

Убіиство это произвело потрясающее впечатлѣніе на весь городъ. Къ эмиру поскакали гонцы съ донесеніемъ объ убійствѣ и просили указанія, какъ поступить съ убійцей, котораго тѣмъ временемъ заковали въ кандалы и засадили въ тюрьму.

Эмиръ могъ, конечно, однимъ почеркомъ пера снести голову дерзкому убійцѣ или сбросить его съ верхушки минарета, какъ это дѣлалъ его покойный отецъ, но онъ, видимо, не хотѣлъ омрачать своего царствованія кровавымъ приговоромъ и воспользовался указаніями мусульманскаго уголовнаго кодекса, приказавъ выдать преступника родственникамъ убитаго Мухамедъ-Шерифа. Результатъ получился болѣе ужасный! По распоряженію родственниковъ несчастнаго убійцу приволокли на центральную площадь Бухары, гдѣ при огромномъ стеченіи народа палачъ перебилъ ему руки и ноги. Затѣмъ его привязали къ хвосту ишака (осла) и поволокли за городъ, окруженный высокою стѣной. За одними изъ городскихъ воротъ устроены свалки нечистотъ и всякихъ отбросовъ, гдѣ всегда рыскаютъ цѣлыя стаи голодныхъ бездомныхъ собакъ. Привезя несчастнаго на это свалочное мѣсто, его отвязали отъ ишака, и всѣ спокойно удалились, заперевъ городскія ворота и поставивъ военный караулъ, чтобы никто не могъ выйти изъ города.

Несчастный убійца былъ буквально заживо съѣденъ собаками.

Это, впрочемъ, единственное кровавое дѣло за время царствования эмира; но и въ немъ не запачканы непосредственно его руки.

Послѣ смерти Мухамедъ-Шерифа власть перешла въ руки его сына Астанакула, который почти до самой смерти эмира игралъ первенствующую роль въ управленіи ханствомъ. Этотъ человѣкъ, еще большаго ума, чѣмъ его отецъ, вполне раздѣлявшій просвѣщенные и гуманные взгляды эмира и его политическое *credo*, шелъ въ полной гармоніи со своимъ повелителемъ.

Но незадолго до смерти эмира, вследствие безпорядковъ въ Бухарѣ, онъ попалъ въ немилость и отрѣшенъ былъ отъ должности главнаго зячетчія (нѣчто въ родѣ министра финансовъ). Говорятъ, что онъ составилъ себѣ миллионное состояніе. Дальнѣйшая его судьба при нынѣшнемъ эмирѣ Сеидъ-Миръ-Алимѣ мнѣ неизвѣстна.

Генераль Розенбахъ управлялъ краемъ немного болѣе четырехъ лѣтъ. Ему пришлось вводить въ Туркестанѣ новое положеніе, составленное на основаніи директивъ Гирса и К^о.

Я уже говорилъ о крайне неудачномъ выполненіи работы по составленію этого положенія. Съ первыхъ же шаговъ администрація натолкнулась на такія неудобства и даже кодификаціонныя промахи, что сейчасъ же генераль-губернаторъ долженъ былъ начать изданіе многочисленныхъ циркуляровъ, объясняющихъ ту или иную неточность. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ, конечно, не можетъ быть приписана Розенбаху, который очень аккуратно подписывалъ лишь бумаги. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ былъ, безспорно, управляющій канцеляріей Несторовскій, прекрасно знавшій край, основательно знакомый съ законами и обладавшій огромною трудоспособностью. Не могу не указать здѣсь на постоянного сотрудника Несторовскаго начальника отдѣленія С. А. Иванова. Это былъ замѣчательный самородокъ. Не получившій никакого спеціальнаго образованія, онъ собственнымъ трудомъ образовалъ себя такъ, что могъ служить украшеніемъ любого министерства въ Петербургѣ. Онъ зналъ судебную часть такъ, что ему могли позавидовать очень и очень многіе имѣющіе университетскіе значки. При этомъ онъ выработалъ себѣ прекрасный стиль, такъ что всѣ его письменныя работы всегда считались образцовыми. Въ заключеніе долженъ сказать, что, когда онъ ушелъ въ отставку, я и вся канцелярія потеряли въ немъ превосходнаго товарища и безупречно честнаго человѣка. Если онъ еще живъ теперь, когда эти записки выйдутъ въ свѣтъ, то мнѣ пріятно, что онъ прочитаетъ эти строки, написанныя рукой его истиннаго друга и почитателя.

Тщательно роясь въ своихъ воспоминаніяхъ, я рѣшительно не могу найти ничего, что могло бы характеризовать управленіе Розенбаха. Административная машина шла полнымъ ходомъ, т. е. чиновники писали безконечныя бумаги, генераль-губернаторъ ихъ своевременно и аккуратно подписывалъ. Вновь образованный совѣтъ при генераль-губернаторѣ аккуратно собирался разъ въ недѣлю, разсматривалъ и рѣшалъ разные вопросы. Все кругомъ было какъ-то сѣро и монотонно.

Весь періодъ управленія Розенбаха прошелъ такъ безцвѣтно, что уходъ его изъ края остался почти никѣмъ не замѣченнымъ. Это былъ простой, добрый человѣкъ, но для края онъ не сдѣлалъ ничего и не оставилъ по себѣ рѣшительно никакихъ слѣдовъ и никакихъ ни друзей, ни враговъ. Это былъ лишь очень исполнитель-

пый и аккуратный чиновникъ, грозный по внѣшности и мягкій по натурѣ. Никакихъ данныхъ для занятія высокаго административнаго поста онъ не имѣлъ, и если управленіе его прошло безъ сучка, безъ задоринки,—то это потому, что время то было тихое, никакихъ внутреннихъ броженій не проявлялось, все шло по разъ заведенному шаблону, войска отбывали караульную службу, смотры, лагерные сборы, чиновники писали бумаги, никому ненужныя, а остальное время играли въ карты; рабочій элементъ почти отсутствовалъ, однимъ словомъ, край представлялъ собою подобіе какого-нибудь Царевококшайскаго уѣзда въ добрыя, старыя времена!

XIV

Назначеніе генерала Розенбаха членомъ военнаго совѣта.—Назначеніе на постъ генерала-губернатора начальника штаба одесскаго военнаго округа генерала барона А. Б. Вревскаго.—Развитіе хлопководства и русской иммиграціи.—Главный инициаторъ иммиграціи генераль Гродековъ.

Въ 1889 году Розенбахъ поѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, и вскорѣ оттуда получено было извѣстіе, что онъ назначается членомъ военнаго совѣта и въ край болѣе не вернется. Всѣ пожалѣли спокойнаго и никому не сдѣлавшаго зла правителя, но... сейчасъ же и забыли его. Въ управленіе краемъ временно вступилъ генераль А. М. Яфимовичъ, но вскорѣ уже мы прочитали приказъ о назначеніи къ намъ генераль-губернаторомъ начальника окружнаго штаба одесскаго военнаго округа генераль-лейтенанта барона Александра Борисовича Вревскаго.

Баронъ тоже всю свою жизнь прослужилъ въ строю и, будучи назначенъ въ Ташкентъ, попалъ неожиданно въ совершенно новую и незнакомую ему сферу.

По своему происхожденію, связямъ, воспитанію и состоянію онъ принадлежалъ къ высшему обществу Петербурга. И дѣйствительно, это былъ человѣкъ вполне благовоспитанный, всегда одинаково элегантенъ, въ высшей степени корректный, вѣжливый и внимательный со всѣми, уважавшій чужое мнѣніе, хотя бы оно шло вразрѣзъ съ его взглядами. Но въ немъ было одно качество, очень симпатичное, но совершенно не подходящее для роли генераль-губернатора: онъ былъ безконечно добръ, мягокъ и довѣрчивъ, и этими качествами пользовались и злоупотребляли. По своей безконечной добротѣ, онъ положительно не умѣлъ въ чемъ-либо отказывать. Его всѣ очень любили, но... дѣло иногда страдало. Еще одно его свойство—это его постоянное спокойствіе и сибаритизмъ. Въ его управленіи краемъ имѣли мѣсто факты довольно угрожающаго свойства; мы всѣ начинали волноваться, но баронъ никогда, даже въ этихъ случаяхъ, не нарушалъ своихъ привычекъ и своимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ лучше всякихъ грозныхъ рѣшеній

успокаивалъ всѣхъ и направлялъ событія къ ихъ нормальному теченію. Это былъ образованный, разумный администраторъ, немного лѣнивый, любящій пожить съ комфортомъ, много работавшій по утрамъ, но считавшій своимъ правомъ вечеромъ дать себѣ отдыхъ за ломбернымъ столикомъ. Ежедневно онъ приглашалъ къ себѣ обѣдать трехъ партнеровъ.. Поваръ у него былъ превосходный, обѣды были тонкіе, вина прекрасныя. Самъ хозяинъ всегда былъ одинаково любезенъ со своими гостями. Послѣ обѣда усаживались играть въ винтъ по очень маленькой. Баронъ игралъ хорошо, но всегда очень снисходительно относился къ промахамъ своихъ партнеровъ, а иногда безропотно выслушивалъ замѣчанія какого-нибудь несдержаннаго винтера, какъ, напримѣръ, генерала Повало-Швейковскаго (ферганскаго губернатора), который такъ волновался за картами, что готовъ былъ вызвать къ барьеру за всякую ошибку въ винтъ.

Баронъ пріѣхалъ въ Ташкентъ также безъ жены, и въ теченіе девяти лѣтъ его управленія она ни разу не была у насъ. Но съ нимъ пріѣхала его воспитанница, очень молодая и симпатичная дѣвушка мадемуазель Лазаревская, которая потомъ вышла замужъ за адъютанта барона поручика князя Гагарина. Впослѣдствіи къ нему пріѣзжала гостить замужняя дочь и два сына, но большую часть времени онъ былъ въ одиночествѣ, и вечерній винтъ составлялъ для него единственное развлеченіе.

Почти девятилѣтнее управленіе его краемъ не ознаменовалось никакими серьезными законодательными работами. Край продолжалъ управляться нигуда негоднымъ положеніемъ 1887 года, и начальнику края оставалось только дѣлать въ немъ заплатки, чтобы вывести мѣстную администрацію изъ подчасъ очень затруднительнаго положенія. Въ періодъ управленія барона Вревскаго особенно сильно развилась въ краѣ хлопковая промышленность. Справедливость требуетъ сказать, что баронъ мало принималъ участія въ этомъ развитіи, въ чемъ его, впрочемъ, и нельзя обвинять. Онъ хорошо понималъ, что производство и культура хлопчатника представляетъ собой столь выгодный промыселъ, что усиленіе этой культуры такъ необходимо для отечественной мануфактуры и что значительные расходы на посѣвъ, обработку, очистку и прессовку хлопка съ избыткомъ окупаются на русскихъ рынкахъ, что всякое вмѣшательство въ это дѣло администраціи можетъ только принести дѣлу вредъ. Поэтому онъ старался лишь покровительствовать развитію этого дѣла, которое къ концу девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія достигло грандіозныхъ размѣровъ.

До идеала въ дѣлѣ хлопководства, конечно, еще далеко. Туркестанскій край, при огромномъ производствѣ хлопка, все-таки покрываетъ лишь третью потребности отечественной мануфактуры; остальные двѣ трети мы продолжаемъ получать изъ Америки. Изба-

виться отъ американской зависимости мы можемъ лишь тогда, когда будутъ орошены въ Туркестанѣ огромныя земельныя площади. Въ настоящее время нѣтъ тамъ почти ни одного свободнаго клочка орошенной земли, не занятаго хлопчатникомъ, особенно въ Ферганской области, этой житницѣ хлопка. Въ этой области множество земледѣльцевъ бросаетъ сѣять хлѣбъ, переходя на своихъ земляхъ къ культурѣ хлопка, какъ несравненно болѣе выгодной. Въ результатѣ въ область приливаютъ ежегодно десятки милліоновъ рублей, но на ряду съ этимъ чувствуется недостатокъ хлѣба. Соединеніе края желѣзною дорогой съ Сибирью дастъ возможность какъ доставки въ Туркестанъ дешеваго хлѣба, такъ и перехода большого количества земель, занятыхъ нынѣ по необходимости хлѣбными злаками, подъ культуру хлопка. Но этимъ, конечно, не удовлетворится потребность отечественныхъ рынковъ. Пока правительство само или при посредствѣ частныхъ компаній не ороситъ лежащихъ нынѣ впустѣ земель, до тѣхъ поръ наша мануфактура должна опасаться испытать хлопковый голодъ, если Америка прекратитъ намъ продажу своего хлопка, чего слѣдуетъ опасаться въ виду перехода Америки къ собственной переработкѣ хлопка въ пряжу и миткаль. Кажется, теперь уже приступлено къ орошенію земель къ крупномъ масштабѣ.

Не могу не указать на очень видный фактъ, имѣвшій мѣсто въ періодъ управленія краемъ барона Вревскаго. Я говорю про быстрое развитіе русской иммиграціи въ Сыръ-Дарьинской области. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ должна быть приписана бывшему военному губернатору этой области генералу Н. И. Гродекову. Это былъ человѣкъ неутомимой энергіи и большой инициативы. Служившій всю свою жизнь въ войскахъ, кончившій академію генеральнаго штаба, георгіевскій кавалеръ, Гродековъ выказалъ блестящія административныя способности на поприщѣ гражданскаго управленія. Это былъ человѣкъ пелюдимаго характера, совершенно равнодушный къ женскому обществу, большой оригиналь, спартанецъ по привычкамъ и довольно тяжелый и требовательный начальникъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Про него ходило много анекдотовъ, надъ нимъ въ обществѣ иронизировали, подчиненные чиновники его не любили за тяжелый характеръ, дѣятельность его критиковали, въ ней находили только одни курьезы и промахи. Но по справедливости долженъ сказать, что заслуги его русскому дѣлу на мусульманской окраинѣ огромны. Онъ лично руководилъ дѣломъ переселенія русскихъ крестьянъ въ область. Съ обычнымъ своимъ недовѣріемъ онъ прочитывалъ донесенія уѣздныхъ начальниковъ объ отсутствіи удобныхъ для колонизаціи земель, садился въ тарантасъ, ѣхалъ безъ всякой помпы въ глушь Чимкентскаго или Ауліатаинскаго уѣзда... и находилъ земли. Немедленно вызывался землемѣръ. Свободныя земли наносилсъ на планъ, нарѣзывались участки, вызывались изъ Россіи переселенцы.

Щедрую рукой Гродековъ давалъ имъ средства на проѣздъ и на первое обустройство, и вотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ среди сплошного мусульманскаго населенія возникло нѣсколько десятковъ русскихъ селеній. Среди необозримыхъ равнинъ заблестали кресты деревенскихъ храмовъ; появились сельскія школы, больницы, амбулаторіи; изъ Ташкента стали разсылать саженцы фруктовыхъ деревьевъ. И всѣмъ этимъ обязаны только одному Гродекову и его несокрушимой въ то время энергіи. Баронъ Вревскій очень цѣнилъ заслуги Гродекова въ дѣлѣ русской иммиграціи, ни въ чемъ не тормозилъ его благихъ начинаній, но, напротивъ, по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ просвѣщенной дѣятельности Николая Ивановича. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но переселенческое дѣло остановилось почти на точкѣ замерзанія. Въ Ферганской области были примѣры подражанія Гродекову, но результаты были или ничтожные, или даже плачевно-драматичные. Такъ, на примѣръ, бывшій при баронѣ ферганскимъ губернаторомъ генералъ Повало-Швейковскій открылъ Аркадію гдѣ-то въ горахъ за малодоступнымъ горнымъ переваломъ. Вызвана была большая партія переселенцевъ—хохловъ изъ благословенной Полтавской губерніи. Хохлы двинулись съ женами и дѣтьми. Дошли до перевала и стали подниматься въ Аркадію, расположенную на нѣсколько десятковъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Результаты не замедлили обнаружиться: появились болѣзни, у дѣтей кровавый поносъ, открылась страшная смертность. Переселенцы въ паникѣ повернули назадъ и двинулись къ Новому Маргелану. Пришлось ихъ лечить, кормить, поить. Въ Аркадію, они ни за что не захотѣли итти, а такъ какъ другихъ земель не имѣлось въ виду, то несчастные хохлы, оторванные отъ своихъ полтавскихъ хатъ и надѣловъ, разбрелись по Ферганской области, но уже не какъ переселенцы, а какъ рабочіе, сторожа, ремесленники и пр.

Въ Самаркандской области дѣло переселенія также не получило движенія, но тамъ это не слѣдуетъ приписывать недостатку энергіи губернатора. Въ этой области, чрезвычайно густо населенной, дѣйствительно нѣтъ свободныхъ земель, годныхъ для колонизаціи. Согласно положенія 1887 года, всѣ орошенныя земли зачислены за туземнымъ населеніемъ. Насколько это справедливо, и соответствуетъ ли это мудрой политикѣ,—это вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго много ломается перьевъ до сихъ поръ, но *fait accompli*, что свободныхъ земель нѣтъ, а на орошеніе земель пустыющихъ правительство до послѣдняго времени не давало денегъ, или, если и отпускало средства, то въ такихъ комическихъ размѣрахъ, что вызывало только насмѣшки. Дѣло расширенія иммиграціи будетъ находиться въ преступномъ застоѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не отрѣшится отъ мысли, что орошеніе земель въ Туркестанѣ есть монополія казны, и не передастъ это дѣло

Баронъ Александръ Борисовичъ Вревскій.

(1889—1898 г.).

всецѣло въ руки частныхъ предпринимателей въ видѣ крупныхъ акціонерныхъ компаній, хотя бы съ иностранными капиталами. Дѣло это столь выгодно, что правительство можетъ предъявить частнымъ предпринимателямъ очень выгодныя для себя условія, и все-таки капиталы найдутся. И какъ только частная предпримчивость откроетъ свои дѣйствія, край обратится дѣйствительно въ Эльдorado, Россія эмансипируется отъ вѣкового хлопкового гнета Америки, и сотни милліоновъ русскихъ денегъ останутся въ Россіи.

Кажется, надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься.

XV.

Холерный бунтъ въ Ташкентѣ.

1892 годъ омрачился для Ташкента очень грустнымъ событіемъ. Въ самый разгаръ лѣтняго зноя появилась холерная эпидемія. Лучшую почву для развитія холеры, какъ Ташкентъ, трудно себѣ представить. Туземцы, населяющіе Ташкентъ, въ числѣ около двухсотъ тысячъ душъ, живутъ въ невообразимой грязи и въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ. Они не имѣютъ представленія о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ чистоты и гигіены. Я не боюсь впасть въ преувеличеніе, если скажу, что знаменитыя Авгіевы конюшни олицетворены въ Ташкентѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ. Домъ сарта представляетъ собою отвратительную грязную саклю, безъ печей, безъ оконъ, еле сбитую изъ комковъ глины и покрытую плоскою крышей, смазанной той же глиной съ рубленой соломой. Конечно, богатые сарты живутъ лучше, но едва ли чище, а вся огромная масса населенія живетъ въ этихъ ужасныхъ конурахъ. Дворы представляютъ собою нѣчто ужасное. Навозъ и человѣческіе отбросы гниютъ во дворахъ. Улицы и проулки во время дождей представляютъ собою непроходимыя болота, а лѣтомъ, въ зной, буквально душатъ ужасной пылью. Пищу туземцевъ лѣтомъ составляютъ главнѣйшимъ образомъ дыни и прочіе фрукты и ячменныя лепешки. Все это поѣдается въ огромномъ количествѣ и запивается отвратительной водой изъ уличныхъ каналовъ, проходящихъ по зараженной всякими отбросами почвѣ. Можете судить, какую обильную жатву нашла себѣ холера въ этой огромной, смрадной клоакѣ. Чтобы оздоровить Ташкентъ, нужно затратить миллионы, но и тутъ самыя благія намѣренія разобьются о косность и неряшливость неразвитого туземнаго населенія.

Холера появилась какъ разъ въ очень неблагоприятное время, т.-е. въ самый жаркій періодъ, и въ то время, когда поспѣли дыни. Эпидемія приняла угрожающіе размѣры. Начальникомъ Ташкента былъ въ это время полковникъ П—въ, честный, умный и энергичный человѣкъ. Роль его въ борьбѣ съ эпидеміей, конечно, сводилась къ нулю, и ему пришлось направить всѣ заботы къ рекомендуемымъ наукой мѣрамъ предупрежденія развитія холеры. Но мѣры эти очень ограничены и даже ничтожны на ряду съ классическою грязью города. Было, между прочимъ, сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы покойниковъ засыпали известью. Этимъ распоряженіемъ воспользовались нѣкоторые фанатики мусульмане и стали волновать чернь, проповѣдуя въ мечетяхъ, что правовѣрный мусульманинъ, похороненный не по магометанскому обряду, никогда не попадетъ въ рай Магомета. Чернь, какъ и всюду, жадная ко всякимъ уличнымъ демонстраціямъ, заволнова-

лась. Въ толпахъ слышались угрозы по адресу полковника П—ва, и вотъ однажды рано утромъ изъ туземнаго города двинулась въ русскую часть города огромная толпа рвани, предводительствуемая нѣсколькими агитаторами. Не предполагая ничего угрожающаго, всѣ мы съ любопытствомъ смотрѣли на эту толпу, шумливо, но безъ безпорядковъ двигавшуюся по улицамъ по направленію къ дому начальника города, по адресу котораго изъ толпы раздавались угрозы. На Соборной улицѣ толпа встрѣтила самого полковника П—ва, ѣхавшаго верхомъ въ свою канцелярію. Толпа его окружила, но онъ заявилъ, что разговаривать на улицѣ съ толпой онъ не будетъ, а приглашаетъ всѣхъ въ канцелярію. Толпа послушалась и двинулась обратно, имѣя во главѣ начальника города. У воротъ канцеляріи П—въ слѣзъ съ коня, но тутъ внезапно на него набросилось нѣсколько оборванцевъ. Съ него сорвали шапку и нанесли нѣсколько ударовъ, а затѣмъ бросились въ канцелярію, перебили стекла и чернильницы, изорвали дѣла и вообще учинили полный разгромъ.

Всѣхъ въ Ташкентѣ поразило это нападеніе. Полковника П—ва всѣ, какъ русскіе, такъ и туземцы, искренно любили и уважали. Это былъ безукоризненно честный человѣкъ, энергичный и справедливый градоначальникъ и очень полезный городской голова (въ Ташкентѣ должности градоначальника и головы могутъ быть по закону соединены въ одномъ лицѣ). Буйство толпы и насиліе надъ П—вымъ слѣдуетъ приписать нѣсколькимъ фанатикамъ-мусульманамъ, которые воспользовались холерой, чтобы подбить на буйство толпу грязныхъ уличныхъ оборванцевъ.

Барона Вревскаго въ это время въ Ташкентѣ не было; онъ жилъ на дачѣ въ Чимганѣ (горная мѣстность въ девяноста верстахъ отъ Ташкента). Губернаторъ Гродековъ, жившій въ пригородной дачѣ, узнавъ о безпорядкахъ, немедленно по тревогѣ вызвалъ изъ лагеря войска и, самъ ставъ во главѣ ихъ, двинулся къ туземной части города. Но еще до прибытія войскъ писаря штаба, жившіе недалеко отъ канцеляріи начальника города, разобрали заборъ и съ дрекольемъ двинулись противъ бунтовщиковъ. Говорятъ, что писаря избили очень многихъ. Толпа съ угрожающими криками двинулась въ туземный городъ, гдѣ, благодаря кривымъ и узкимъ улицамъ, движеніе и маневрированіе войскъ должно быть чрезвычайно затруднительно. Тѣмъ не менѣе Гродековъ быстро направилъ войска вслѣдъ за толпой. Раздались залпы, и все моментально затихло.

Между тѣмъ русское населеніе, особенно женское, испытывало паническій страхъ. И дѣйствительно, при малочисленности русскихъ, двухсоттысячное нафанатизированное населеніе могло въ любую ночь перерѣзать всѣхъ насъ, какъ цыплятъ. Барону Вревскому дали знать по гелиографу, и онъ пріѣхалъ на другой

день утромъ. Собравъ всѣхъ начальствующихъ лицъ и выслушавъ всѣ донесенія, онъ очень спокойно высказалъ, что распоряженія Гродекова онъ одобряетъ, что главные виновные въ безпорядкахъ будутъ преданы военному суду. Что же касается паники русскаго населенія, то онъ заявилъ намъ, что рѣшительно отказывается понять ее, признаетъ ее малодушіемъ, не имѣющимъ никакого основанія. «Я убѣжденъ,—сказалъ онъ,—что безпорядки больше не возобновятся, и ручаюсь за безопасность русскаго населенія, о чемъ прошу васъ, господа, объявить повсемѣстно».

Затѣмъ, раскланявшись съ нами, онъ сѣлъ въ коляску и... уѣхалъ обратно въ Чимганъ.

Такая увѣренность и такое хладнокровіе во время всеобщаго страха, а главное отъѣздъ изъ *мятежнаго* города на дачу какъ-то сразу подѣйствовали успокоительно на всѣхъ. Паника прекратилась, и, дѣйствительно, безпорядки не возобновлялись. Баронъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, прожилъ установленный срокъ въ Чимганъ и вернулся въ успокоенный Ташкентъ.

XVI.

Поѣздка эмира бухарскаго Сеидъ-Абдуль-Ахада въ Петербургъ.—Остановка въ Асхабадѣ, Тифлисѣ и Москвѣ.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Обратный выѣздъ черезъ Кіевъ, Одессу, Ялту и Батумъ.

Въ 1893 году въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III пригласилъ къ себѣ въ Петербургъ эмира бухарскаго Сеидъ-Абдуль-Ахадъ-хана. Сопровождать его высочество въ пути и состоять при немъ въ Петербургѣ баронъ Вревскій назначилъ меня. Но, кромѣ меня, въ свиту эмира были назначены переводчики Султанъ-Асфендіаровъ и Заманбекъ-Шихали-бековъ и врачи—Писаренко и Казанскій. Въ ноябрѣ 1893 года я съ моими спутниками отправился въ Бухару, гдѣ эмиръ принялъ насъ въ торжественной аудіенціи. Онъ былъ съ нами чрезвычайно любезенъ, одарилъ насъ щедрыми подарками и старался сдѣлать все, чтобы мы остались довольны нашимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ столицѣ ханства. Проживъ въ Бухарѣ около недѣли, мы выѣхали съ эмиромъ, окруженнымъ блестящею свитой своихъ сановниковъ, по Среднеазиатской желѣзной дорогѣ въ Красноводскъ. По дорогѣ эмиръ, по приглашенію начальника Закаспійской области генерала Куропаткина, заѣхалъ въ Асхабадъ, гдѣ ему устроена была блестящая встрѣча. Ему были представлены всѣ войска, всѣ служащіе, и передъ отъѣздомъ генералъ Куропаткинъ далъ у себя въ честь эмира парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ главныя власти. Для переѣзда черезъ Каспійское море эмиру предоставленъ былъ военный пароходъ «Баку». Море во время нашего переѣзда было по обыкновенію очень бурное; всѣ мы страшно страдали отъ качки,

и, кажется, одинъ только эмиръ былъ здоровъ. Въ Баку на пристани насъ встрѣтила громадная толпа народа во главѣ съ городскими властями и съ прибывшимъ изъ Петербурга отъ военнаго министра полковникомъ генеральнаго штаба Д. В. Путятой. Вечеромъ въ тотъ же день мы выѣхали по Закавказской желѣзной дорогѣ въ Тифлисъ, гдѣ насъ опять ожидала очень торжественная встрѣча. Въ Тифлисъ мы прожили, кажется, три дня. Главноначальствующій устроилъ для эмира блестящій раутъ, на которомъ мы встрѣтили весь цвѣтъ Тифлиса. Между прочимъ, на раутѣ одна великосвѣтская красавица, княжна грузинка (кажется, Чавчавадзе) въ роскошномъ бальномъ костюмѣ декольте протанцовала съ какимъ-то красивымъ конвойнымъ офицеромъ лезгинку. Танцевали они великолѣпно и эмиру, повидимому, доставили большое удовольствіе. Между прочимъ эмиръ осматривалъ учебныя заведенія и всюду щедро одаривалъ дѣтей конфетами и болѣе цѣнными подарками. За эмиромъ, а по отраженію и за всѣми его сопровождающими, сильно всѣ ухаживали. Главная причина, конечно, желаніе каждаго получить орденъ бухарской золотой или серебряной звѣзды. Эмиръ, щедрый по натурѣ и тронутый гостепріимствомъ, оказаннымъ ему въ Тифлисѣ, щедрой рукой раздавалъ звѣзды, но чѣмъ больше раздавалось орденовъ, тѣмъ аппетиты все увеличивались. Начались выпрашиванія звѣздъ, подношенія эмиру самыхъ ненужныхъ и неинтересныхъ для него вещей, съ цѣлью въ возвратъ подношенія получить звѣзду. Мы были очень рады, когда наконецъ избавились отъ этой назойливости, усѣвшись въ коляски, чтобы ѣхать по Военно-Грузинской дорогѣ во Владикавказъ. На станціи Гадауръ мы увидѣли уже огромные снѣга и пересѣли въ сани, а во Владикавказѣ встрѣтили настоящую зиму. 27-го декабря мы пріѣхали въ Москву, гдѣ эмира опять ждала почетная встрѣча. Для ознакомленія съ Москвой эмиръ былъ приглашенъ прожить тамъ два-три дня. Помѣшеніе всѣмъ намъ было отведено въ Кремлевскомъ дворцѣ. Московскій генераль-губернаторъ великій князь Сергѣй Александровичъ устроилъ для эмира раутъ. Въ назначенный часъ въ домъ генераль-губернатора собралась вся Москва. Эмиръ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ, послѣ чего гости перешли въ большой бѣлый залъ, гдѣ капелла Славянскаго дала концертъ. Блескъ мундировъ, красота и изящество августѣйшей хозяйки дома, изысканные туалеты дамъ, роскошь убранства комнатъ, все это произвело на эмира сильное впечатлѣніе, и онъ уѣхалъ домой, видимо, очарованный. На другой день эмиръ былъ на раутѣ въ офицерскомъ собраніи Сумскаго драгунскаго полка, гдѣ служилъ его двоюродный братъ поручикъ Миръ-Сеидъ-Мансуръ. Затѣмъ его высочество осматривалъ всѣ достопримѣчательности столицы. Конечно, здѣсь ордена раздавались еще щедрѣй, чѣмъ въ Тифлисѣ, а на ряду съ

этимъ еще больше было желающихъ украсить себя этимъ орденомъ.

Подъ утро съ 31-го декабря 1893 г. на 1-ое января 1894 г. мы выѣхали въ Петербургъ, куда и прибыли 1-го января въ девять часовъ вечера. На вокзалѣ эмира встрѣтило много властей и, кромѣ того, въ полномъ составѣ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и азіатское отдѣленіе главнаго штаба.

Съ вокзала эмиръ проѣхалъ въ запасную половину Зимняго дворца (окнами на Неву, рядомъ съ Эрмитажнымъ театромъ), гдѣ его встрѣтилъ и привѣтствовалъ отъ имени Государя министръ императорскаго двора графъ Воронцовъ-Дашковъ и гофмаршалъ двора князь Голенищевъ-Кутузовъ. Для свиты эмира и для сопровождающихъ были наняты рядъ номеровъ въ гостиницѣ «Grand Hôtel» на улицѣ Гоголя.

Описывать всѣ дни пребыванія эмира въ Петербургъ невозможно. Скажу только, что это былъ цѣлый рядъ самыхъ блестящихъ пріемовъ. Особенно памятны мнѣ роскошный и блестящій раутъ у извѣстнаго богача Нечаева-Мальцева, спектакль на персидскомъ языкѣ у Приселкова, спектакль *galà* въ Маріинскомъ театрѣ, нѣсколько баловъ и обѣдовъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ теченіе мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ эмиръ едва ли имѣлъ хотя одинъ свободный день для отдыха. Я забылъ сказать, что съ эмиромъ пріѣхалъ его старшій сынъ Сеидъ-Миръ-Алимъ, нѣнѣшній эмиръ, мальчикъ одиннадцати-двѣнадцати лѣтъ, который по желанію эмира былъ опредѣленъ въ Николаевскій кадетскій корпусъ. Однажды во время разговора съ эмиромъ государь Александръ III разсказалъ ему, что въ Крыму у него есть очень хорошая дача Ливадія, и что, вѣроятно, эмиръ съ удовольствіемъ полюбовался бы прекрасной природой Крыма и Ливадіи. Эмиръ выразилъ согласіе, и вслѣдствіе этого пришлось измѣнить обратный маршрутъ. Вмѣсто Москвы, Рязани и Владикавказа мы были направлены на Кіевъ, Одессу, Севастополь, Ялту, Батумъ и Тифлисъ.

Въ Кіевъ мы пріѣхали въ началѣ февраля и прожили тамъ около трехъ дней. Кіевскимъ генераль-губернаторомъ былъ тогда графъ А. П. Игнатьевъ (убитый въ Твери) и командующимъ войсками М. И. Драгомировъ. Здѣсь опять повторились блестящіе встрѣчи, обѣдъ у графа Игнатьева (съ дамами), торжественный обѣдъ въ дворянскомъ собраніи, обильная раздача орденовъ (про раздачу звѣздъ въ Петербургѣ я не упомянулъ, но это былъ уже какой-то звѣздный дождь).

Въ Одессу мы пріѣхали во время масленицы. Генераль-губернаторъ былъ въ отсутствіи, и за него оставался генераль Рербергъ, который и изображалъ хозяина при пріемахъ эмира. Градоначальникомъ былъ извѣстный всему Югу ругатель адмиралъ Зеленой. Я лично видѣлъ въ немъ очень милаго и любезнаго человѣка, и

Эмиръ бухарскій Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ и его свита.
(Въ серединѣ авторъ воспоминаній).

лишь благодаря ему я избавленъ былъ отъ необходимости платить по чудовищнымъ счетамъ, которые мнѣ представили за два дня пребыванія въ Одессѣ.

Городскимъ головою Одессы былъ извѣстный богачъ и меценатъ Маразли. Онъ пригласилъ эмира на русскіе блины въ свой роскошный домъ, украшенный рѣдкими картинами, статуями и художественными бездѣлушками. Когда эмиръ пріѣхалъ, то Маразли поднесъ ему вмѣсто хлѣба-соли чудной работы серебряную чернильницу, по срединѣ которой былъ помѣщенъ глобусъ, въ которомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть городъ Бухара, вставленъ былъ прекрасный брильянтъ. Только такой художественно-развитый человѣкъ, какъ Маразли, могъ додуматься до такой остроумной выдумки, и эмиръ, очень польщенный, конечно, остался въ восторгѣ отъ такого подарка.

Изъ Одессы мы поѣхали обратно по желѣзной дорогѣ на Симферополь въ Севастополь, гдѣ эмиръ осматривалъ суда военного флота, пловучій докъ, посѣтилъ балъ, устроенный въ честь его въ морскомъ собраніи, и на другой день мы перешли на огромный океанскій пароходъ Добровольнаго флота «Саратовъ» и направились въ Ялгу. Въ Ялтѣ мы пересѣли въ экипажи и поѣхали въ Ливадію, осмотрѣли ее и затѣмъ тотчасъ же вернулись на пароходъ, который направился прямымъ рейсомъ въ Батумъ. Въ Тифлисѣ эмиръ остановился на нѣсколько дней отдохнуть, такъ что никакихъ празднествъ въ честь его не дѣлалось, и затѣмъ мы всѣ векомъ вернулись въ Бухару. Здѣсь мы прожили больше недѣли, причемъ эмиръ на каждомъ шагѣ показывалъ намъ свое вниманіе и любезность.

XVII.

Крупная территоріальная реформа Туркестанскаго края.—Присоединеніе Семирѣченской и Закаспійской областей.—Неожиданное назначеніе генерала Куропаткина военнымъ министромъ.—Остановка намѣченной реформы Туркестана.

Вступленіе на престолъ Императора Николая II вызвало необходимость поѣздки барона Вревскаго въ Петербургъ для представленія Его Величеству, такъ какъ баронъ былъ назначенъ въ Туркестанъ еще при почившемъ императорѣ Александрѣ III. Наступающія съ воцареніемъ новаго монарха перемѣны въ личномъ составѣ чиновъ высшей администраціи вызвали упорные слухи о томъ, что баронъ въ край болѣе не вернется. Изъ Петербурга сообщали даже фамиліи кандидатовъ, но мѣсяца черезъ два баронъ вернулся въ Ташкентъ, и управленіе краемъ потекло по старому руслу. Мы всѣ привыкли къ барону, искренно любили и уважали его, и, благодаря его всегдашней корректности и выдержкѣ, всякій могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Въ это время Закаспійская область, тянущаяся узкою полосой отъ южной границы Бухарскаго

данства до берега Каспійскаго моря, составляла совершенно самостоятельную административную единицу. Область находилась въ вѣдѣніи военнаго министерства, которому былъ непосредственно подчиненъ начальникъ области. Областью уже нѣсколько лѣтъ управлялъ генералъ Куропаткинъ, пользовавшійся огромнымъ довѣріемъ военнаго министра Ванновскаго. Благодаря этому довѣрію, генералъ Куропаткинъ распоряжался въ области совершенно самостоятельно и дѣлалъ тамъ все, что хотѣлъ. Слѣдуетъ по справедливости признать, что свою почти неограниченную власть А. Н. Куропаткинъ всецѣло использовалъ на благо и процвѣтаніе области и ея населенія. Я видѣлъ область при предмѣстникѣ Куропаткина Комаровѣ (герой Кушки) и не разъ видѣлъ ее во время Куропаткина и послѣ него. Не было той отрасли управленія, которой не коснулся бы А. Н. Куропаткинъ. Онъ входилъ рѣшительно во все, давая щедро средства на образованіе школъ, на лѣсоразведеніе, на устройство русскихъ поселковъ, на развитіе орошенія, на улучшеніе коневодства и т. п. Закаспійская область по своему географическому положенію имѣетъ серьезное государственное значеніе, такъ какъ съ востока она граничитъ съ Афганистаномъ, этимъ англійскимъ буферомъ, а съ юга съ Персіей. Понимая хорошо всю важность близкаго сосѣдства Афганистана и одного изъ главныхъ стратегическихъ афганскихъ пунктовъ Герата, генералъ Куропаткинъ, благодаря близости своей къ Ванновскому, добился отпуска крупнаго кредита на постройку желѣзнодорожной вѣтки отъ города Мерва до самаго южнаго пункта нашей границы съ Афганистаномъ, и на этомъ пунктѣ построена имъ довольно сильная крѣпость Кушка въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Герата. Благодаря этому, мы имѣемъ на самой границѣ Афганистана твердый опорный пунктъ и въ случаѣ надобности можемъ перебросить туда значительный вспомогательный отрядъ. Большимъ минусомъ въ этомъ дѣлѣ служить Среднеазиатская желѣзная дорога, отличающаяся самой грустной провозоспособностью, но и этотъ недостатокъ отчасти покрывается проведеніемъ Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, соединившей Кушку непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ Европейской Россіей.

Я не считаю себя компетентнымъ судить генерала Куропаткина, какъ главнокомандующаго въ несчастной для насъ японской войнѣ, но признаю себя въ правѣ считать его талантливымъ гражданскимъ администраторомъ, и констатирую, что всѣмъ, что есть въ Закаспійской области хорошаго, мы всецѣло обязаны ему. Въ 1897 году къ намъ начали проникать слухи, что Куропаткинъ долженъ вскорѣ получить должность главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Такой крупный прыжокъ былъ весьма возможенъ при поддержкѣ Ванновскаго, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Петербургѣ. Слухи эти начали принимать столь реальное значеніе,

что въ Асхабадѣ уже, кажется, поздравляли А. Н. Куропаткина съ столь блестящимъ повышеніемъ. Онъ не подтверждалъ слуховъ, но и не отрицалъ. Ждали со дня на день приказа о назначеніи Алексѣя Николаевича на Кавказъ. Но неожиданно кандидатура генерала Куропаткина не прошла. Говорятъ, что Ванновскій былъ страшно взбѣшенъ своею неудачей и, желая хоть чѣмъ-нибудь вознаградить Куропаткина, рѣшилъ переорганизовать всѣ области Средней Азіи, создавъ изъ нихъ одно громадное генераль-губернаторство, не уступающее Кавказу, и во главѣ его поставить Алексѣя Николаевича. По мановенію ока Ванновскаго, азіатская часть главнаго штаба сфабриковала всеподданнѣйшій докладъ о неотложной необходимости присоединить къ Туркестанскому краю области Семирѣченскую (перешедшую изъ вѣдѣнія туркестанскаго генераль-губернатора еще въ 1882 г. въ составъ Степного генераль-губернаторства) и Закаспійскую. Докладъ этотъ былъ тотчасъ же утвержденъ государемъ, и ни въ военномъ, ни въ государственномъ совѣтѣ даже не подозрѣвали о состоявшейся весьма крупной реформѣ на нашей средне-азіатской окраинѣ. А. Н. Куропаткинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и работа по учрежденію въ Средней Азіи чуть не намѣстничества закипѣла. Отъ барона Вревскаго не спрашивали никакихъ мнѣній о томъ, насколько эта важная реформа вызывается необходимостью, а лишь предложили представить соображенія о расходахъ, необходимыхъ для увеличенія штата главнаго управленія края въ виду несомнѣннаго усиленія работы съ присоединеніемъ двухъ новыхъ огромныхъ областей. Баронъ точно исполнилъ приказаніе изъ Петербурга и, одобривъ соображенія канцеляріи генераль-губернатора о необходимыхъ новыхъ расходахъ, командировалъ меня въ Петербургъ для доклада своихъ соображеній и для дачи нужныхъ разъясненій. Начальникомъ азіатской части главнаго штаба только что былъ назначенъ полковникъ Путята, но авторомъ всеподданнѣйшаго доклада былъ его предмѣстникъ генераль Проценко. Путята сказалъ мнѣ, что съ реорганизаціей управленія Туркестанскаго края приказано поспѣшить, чтобы вся реформа могла пройти законодательнымъ порядкомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Перья въ азіатской части скрипѣли во всю. Очевидно, желали какъ можно скорѣй вознаградить А. Н. Куропаткина.

Но вдругъ случилось неожиданное происшествіе. Однажды я просыпаюсь у себя въ меблированныхъ комнатахъ Мухина на Мойкѣ, беру въ руки газету, и глазамъ своимъ не вѣрю. Генераль Куропаткинъ назначенъ военнымъ министромъ вмѣсто Ванновскаго, отказавшагося отъ этой должности.

Вѣту въ азіатскую часть и узнаю, что Ванновскій уже давно просилъ государя уволить его, но Его Величество все не соглашался. Наконецъ, познакомившись съ молодымъ, талантливымъ, энергич-

нымъ генераломъ Куропаткинымъ, онъ сразу согласился на отставку престарѣлаго Ванновскаго, когда послѣдній предложилъ ему своимъ замѣстителемъ Алексѣя Николаевича. Насколько вѣренъ этотъ рассказъ, я не берусь судить, но во всякомъ случаѣ Ванновскій блестяще сумѣлъ вознаградить Алексѣя Николаевича.

На другой день назначено было въ азіатской части засѣданіе по разсмотрѣнію туркестанской реформы, но когда я явился туда, то на меня даже замахали руками.

«Это вы что съ туркестанскими дѣлами? Бросьте, батенька, эти пустяки и уѣзжайте въ Ташкентъ. Станемъ мы заниматься такими глупостями. Новый министръ, вѣроятно, задушитъ насъ новыми проектами поважнѣй вашего Туркестана».

Я признаюсь, нѣсколько усомнился въ искренности этихъ словъ. Вѣдь реформа въ Средней Азіи тѣмъ же азіатскимъ отдѣленіемъ была признана неотложной. Почему же теперь ее забрасываютъ? Раздумывая объ этомъ, я рѣшилъ, что, вѣроятно, новому министру первые дни нѣкогда будетъ заниматься этимъ дѣломъ, и что мнѣ придется прожить въ Петербургѣ лишнихъ два-три мѣсяца, до осуществленія предположеній военнаго министерства.

Увы! Я былъ очень наивенъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, а положеніе объ управленіи новымъ краемъ не утверждено. Въ силу высочайше утвержденного доклада главнаго штаба Семирѣченскую и Закаспійскую области все-таки должны были примазать къ Туркестану, но каждая изъ нихъ управляется своими законоположеніями. Такимъ образомъ генераль-губернатору приходится при управленіи краемъ руководствоваться тремя различными и часто противорѣчащими одинъ другому законами: положеніемъ объ управленіи въ Туркестанскомъ краѣ 1887 года, положеніемъ объ управленіи степными областями 1892 года и положеніемъ объ управленіи Закаспійской областью. Можете представить, въ какомъ затрудненіи находится главное управленіе въ продолженіе многихъ лѣтъ и какой иногда сумбуръ выходитъ изъ всего этого.

Г. Федоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.
Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

(1870—1910 г.г.).

XVII.

Уходъ изъ края барона Вревскаго.—Назначеніе генерала Духовскаго.—Моя первая съ нимъ встрѣча.—Возстаніе туземцевъ въ Андижанѣ и преждевременный выѣздъ Духовскаго въ Ташкентъ.

ВЪ НАЗНАЧЕНІЕМЪ А. Н. Куропаткина военнымъ министромъ, всѣмъ стало ясно, что дни барона Вревскаго въ Туркестанѣ сочтены. И, дѣйствительно, вскорѣ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и послѣ перваго же пріема у Куропаткина объявилъ мнѣ, что въ край болѣе не вернется.

Очень тяжело было мнѣ разставаться съ этимъ благороднѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Я предчувствовалъ, что въ замѣститель барона не найду такого хорошаго человѣка. Дѣйствительность превзошла мои предчувствія. Вскорѣ состоялся приказъ о назначеніи на постъ генераль-губернатора генерала Духовскаго, бывшаго въ то время пріамурскимъ генераль-губернаторомъ и находившагося по дѣламъ службы въ Петербургѣ. Генераль Духовской жилъ въ гостиницѣ «Грандъ Отель», и на другой день послѣ его назначенія я поѣхалъ къ нему представляться. вмѣстѣ со мною поѣхали прибывшіе съ барономъ изъ Ташкента начальникъ окружнаго штаба генераль Бѣлявскій и дѣлопроизводитель канцеляріи генераль-губернатора Стеткевичъ (нынѣшній петербургскій почтъ-директоръ). Генераль Духовской

принялъ насъ довольно сухо и сразу повелъ такую рѣчь, обращенную специально ко мнѣ:

— Мнѣ предстоитъ прежде всего заняться разработкой реформы Туркестана, а потому мнѣ сейчасъ же нужны всевозможныя справки. Вы, г. Федоровъ, живете здѣсь уже два мѣсяца, и, конечно, смѣю думать, имѣете всѣ необходимыя мнѣ данныя.

— Имѣю,—отвѣтилъ я.

— Отлично. Потрудитесь же мнѣ сейчасъ же дать справку о численности и дислокаціи войскъ Закаспійской области.

Удивленный такимъ страннымъ вопросомъ, я отвѣтилъ, что такихъ свѣдѣній у меня нѣтъ да и не можетъ быть.

— Странно,—прогнусавилъ Духовской:—васъ на казенныя деньги послали въ Петербургъ, а вы черезъ два мѣсяца не имѣете самыхъ важныхъ свѣдѣній. Это, милостивый государь, непростительное ротоуѣйство съ вашей стороны...

Я былъ до такой степени оскорбленъ этимъ выраженіемъ, что со мной сдѣлался тутъ же нервный припадокъ. Мнѣ дали холодной воды, и я скоро пришелъ въ себя. Духовской, видимо, сконфузился за свою грубость и уже болѣе мягкимъ тономъ началъ говорить, что я неправъ, не исполнивъ возложеннаго на меня Вревскимъ порученія. Тутъ вмѣшался генералъ Бѣлявскій, который сказалъ, что численность и дислокація войскъ—совсѣмъ не мое дѣло, что я командированъ по гражданскому управленію и что всѣ военныя справки можетъ представить онъ, какъ начальникъ штаба.

— Но вѣдь и г. Федоровъ служить въ штабѣ, потому что у него на плечахъ погоны...

— Да вѣдь все гражданское управленіе находится въ вѣдѣніи военнаго министерства,—отвѣтилъ Бѣлявскій.

— Ну, я этого не зналъ,—отвѣтилъ Духовской, и даже не извинился за дерзость.

Духовской былъ человѣкъ не глупый и, быть можетъ, въ свое время очень полезный, но когда онъ былъ назначенъ въ Туркестанъ, то это была уже развалина и въ умственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ. Непонятно, какъ могли назначить такую руину начальникомъ огромнаго края, къ которому только что присоединили еще двѣ области. Онъ былъ неспособенъ ни къ какому труду и, сваливъ все бремя управленія на вновь назначеннаго на только что учрежденную должность помощника генералъ-губернатора генерала Иванова, самъ буквально ничего не дѣлалъ, и или разѣзжалъ съ большою помпой по краю, или проживалъ въ Петербургѣ, куда неоднократно выѣзжалъ, будто бы по дѣламъ службы.

Духовской предполагалъ прожить въ Петербургѣ до начала іюня, но неожиданно ему А. Н. Куропаткинъ предложилъ выѣхать немедленно въ край. Случилось это по слѣдующей причинѣ.

Близъ горъ Андижана Ферганской области проживалъ одинъ туземецъ—мулла Магометъ-Хальфа, пользовавшійся между своими репутаціей святого. Онъ жилъ въ одной деревушкѣ, и къ нему стекались большія массы народа послушать его проповѣдей. Магометъ-Хальфа былъ фанатикъ въ полномъ смыслѣ этого слова и, конечно, ненавидѣлъ «проклятыхъ кяфіровъ»—русскихъ, завладѣвшихъ мусульманской страной. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ разжигалъ въ массѣ туземцевъ самый крайній фанатизмъ и ненависть къ русскимъ. Продолжалось это, вѣроятно, много времени, но уѣздный начальникъ, заваленный всегда массой непосильной работы и не имѣвшій достаточнаго числа приставовъ, которые могли бы слѣдить за населеніемъ на мѣстѣ, ничего не подозрѣвалъ, такъ какъ Хальфа считался вполне мирнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ по аттестаціямъ мѣстнаго волостного управителя-мусульманина. Но вотъ однажды на разсвѣтѣ, кажется, 24-го мая 1898 года огромная толпа туземцевъ подъ предводительствомъ Хальфы ворвалась въ лагерный баракъ мѣстнаго батальона и, пользуясь сномъ солдатъ, звѣрски перерѣзала больше двадцати человѣкъ. Крики несчастныхъ разбудили остальныхъ солдатъ, которые, не растерявшись, схватили ружья и открыли огонь по убійцамъ. Толпа моментально, какъ бараны, бросилась бѣжать, и порядокъ былъ восстановленъ. О намѣреніи буйной толпы двинуться на Андижанъ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ случайно узналъ наканунѣ отъ своего переводчика и немедленно телеграфировалъ военному губернатору области генералу Повало-Швейковскому. Послѣдній собирался на какой-то вечеръ, когда пришла эта телеграмма. Онъ, не прочитавъ, сунулъ ее въ карманъ и забылъ про нее, а прочитавъ, уже когда злодѣйское нападеніе состоялось. За такую непростительную небрежность Повало-Швейковскій былъ немедленно уволенъ отъ службы, но, къ сожалѣнію, пострадали ни въ чемъ неповинные два уѣздныхъ начальника, безспорно самые выдающіеся въ краѣ по своимъ блестящимъ способностямъ и безукоризненной репутаціи: это полковники Коишевскій и Бряновъ. Ихъ А. Н. Куропаткинъ отчислилъ обоихъ въ запасъ. Впослѣдствіи, когда слѣдствіе выяснило во всѣхъ деталяхъ это ужасное дѣло, Коишевскій и Бряновъ были восстановлены въ должностяхъ, но тѣмъ не менѣе оба они болѣе года переносили несправедливое лишеніе.

Вслѣдствіе этого событія Духовской долженъ былъ немедленно выѣхать въ край и предложилъ мнѣ сопутствовать ему. Въ Петровскѣ, гдѣ мы пересаживались изъ вагоновъ на морской пароходъ, Духовскій отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вы, конечно, не помните зла за неосторожное слово, вырвавшееся у меня во время вашего представленія. Я очень доволенъ вашими работами въ Петербургѣ, а потому рассчитываю, что и

въ Ташкентѣ буду вами доволенъ. Теперь же я хочу просить васъ описывать все наше путешествіе, а главное—тщательно записывать мои рѣчи, которыя я буду говорить въ краѣ.

Такимъ образомъ, позднее раскаяніе обусловливалось желаніемъ имѣть меня репортеромъ. Все послѣдующее пребываніе Духовского въ краѣ доказало, что это былъ исключительно человѣкъ рекламы, и только одной рекламы.

Слѣдствіе объ андижанскихъ событіяхъ по Высочайшему повелѣнію было возложено на сыръ-дарьинскаго военнаго губернатора генерала Королькова, и по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла всѣ главные виновные съ Хальфой во главѣ были казнены, а болѣе ста человѣкъ сосланы на каторжныя работы и на поселеніе. Кишлакъ (селеніе), въ которомъ жилъ Хальфа, и гдѣ было главное ядро заговорщиковъ, приказано было разрушить, сравнять съ землей, всѣхъ жителей, знавшихъ о задуманномъ злодѣйствѣ, выселить и всю полосу земли, по которой двигалась въ Андижанъ толпа бунтовщиковъ, отчудить въ пользу казны и отдать подъ устройство русскаго поселенія. Кромѣ этого, на все населеніе Ферганской области, которому также было извѣстно о замыслахъ Хальфы свергнуть русское правительство, была наложена контрибуція, кажется, въ триста тысячъ рублей, и деньги эти большей частью пошли на устройство русскаго поселенія, которое получило названіе «Русское Село».

Репрессія была, конечно, крута, но иначе нельзя было поступить, ибо мусульмане всякую снисходительность и милость трактуютъ, какъ слабость и трусость правительства. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, а въ Ферганской области, бывшей раньше очагомъ многихъ волненій и беспорядковъ, порядокъ ни разу не нарушался, и даже ужасное землетрясеніе, разрушившее весь Андижанъ, не вызвало никакихъ волненій въ населеніи.

XIX.

Характеристика генерала Духовского.—Его жена.—Назначеніе меня помощникомъ правителя канцеляріи.—Уходъ К. А. Несторовскаго.—Мой докладъ Духовскому о закрытіи кабаковъ.—Уходъ Духовского изъ края.

Какъ я уже упомянулъ выше, Духовской назначенъ былъ къ намъ совѣтъ большимъ. Руки его дрожали въ такой степени, что онъ долженъ былъ брать стаканъ съ водою обѣими руками. Онъ не способенъ былъ уже ни къ какому серьезному умственному труду. Съ нимъ пріѣхала его жена, еще довольно молодая и красивая женщина, но ее почти никто и никогда не видѣлъ, такъ какъ она вела уединенный образъ жизни и не выходила почти изъ своего будуара, гдѣ находилась въ обществѣ своей компаньонки, очень милой дѣвушки, и даже рѣдко показывалась за завтракомъ

и за объѣдомъ. Въ Ташкентѣ, конечно, такой образъ жизни вызвалъ много толковъ, но я думаю, что всѣ эти толки имѣли характеръ праздно болтовни. Мнѣ кажется, что она просто не любила общества вообще, а ташкентское общество могло только усилить ея нелюбимость. Я о ней сохранилъ хорошую память уже по одному тому, что она не вмѣшивалась въ дѣла. Для глухой провинціи это огромная заслуга со стороны жены начальника края. Она, кажется, очень любила музыку и имѣла претензію на званіе писательницы. Имѣется изданная на ея счетъ толстая книга ея путешествій. Книга издана въ типографскомъ отношеніи превосходно. Относительно же внутреннихъ достоинствъ могу только пожелать, чтобы она больше не писала и не тратила денегъ на изданіе произведеній, напоминающихъ дневники институтокъ, лишеныя интереса, таланта и какихъ-либо литературныхъ достоинствъ.

Съ присоединеніемъ къ краю двухъ новыхъ областей военное министерство увеличило кредитъ на содержаніе главнаго управленія на десять тысячъ рублей. Благодаря этому, была сейчасъ же учреждена должность помощника управляющаго канцеляріей, на которую баронъ Вревскій назначилъ меня. Съ назначеніемъ Духовскаго управляющій канцеляріей Несторовскій заявилъ ему, что не желаетъ больше оставаться въ этой должности вслѣдствіе усталости и разстроеннаго здоровья. Заслуги Несторовскаго и его превосходное знакомство съ краемъ были хорошо извѣстны А. Н. Куропаткину, а потому онъ не далъ хода отставкѣ Несторовскаго, и прикомандировалъ его къ главному штабу, кажется, на три года съ сохраненіемъ всего содержанія.

Какъ прослужившій въ канцеляріи двадцать семь лѣтъ и занимавшій должность помощника управляющаго, я имѣлъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на назначеніе на должность управляющаго. Несторовскій указывалъ Духовскому на меня, какъ на самаго подходящаго кандидата, но тутъ взяли верхъ какія-то постороннія вліянія, и управляющимъ канцеляріей былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій Бродовскій, человекъ очень умный, образованный, хорошо знакомый съ краемъ, но совершенно незнакомый съ сложною машиной канцелярскаго дѣлопроизводства. Способный разработать какой угодно серьезный проектъ, написать прекрасную статью, Бродовскій рѣшительно не въ силахъ былъ разобраться въ сложныхъ и, главное, разнообразныхъ дѣлахъ главнаго управленія, ибо управляющій канцеляріей, какъ докладчикъ, долженъ быть всегда въ курсѣ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ. Онъ долженъ быть энциклопедистомъ по дѣламъ края, а это достигается только долготѣею практикой, каковой Бродовскій не имѣлъ. По этимъ причинамъ, Бродовскій, занятый всегда какимъ-нибудь однимъ серьезнымъ дѣломъ, передалъ мнѣ почти всецѣло управленіе канцеляріей и доклады Духовскому.

Эти доклады представляли для меня истинное Божеское наказаніе, потому что Духовской иногда не могъ понять самыхъ простыхъ вещей, и для его вразумленія ко мнѣ приходилъ на помощь помощникъ генераль-губернатора генераль Ивановъ, всегда присутствовавшій при докладахъ.

Чтобы не быть голословнымъ, опишу одну сцену, разыгравшуюся при моемъ докладѣ.

Военный губернаторъ Ферганской области, озабочиваясь ограниченіемъ пьянства, вошелъ къ генераль-губернатору съ представленіемъ о разрѣшеніи закрывать по праздникамъ кабаки. Такъ какъ мѣра эта могла быть признана полезною для всего края, то предварительно доклада генераль-губернатору этого ходатайства канцелярія снеслась съ прочими губернаторами края о томъ, не признаютъ ли и они цѣлесообразнымъ примѣнить это распоряженіе у себя. Отвѣты получились не одинаковые, и канцелярія составила сводъ мнѣній за и противъ. Оставалось доложить все дѣло генераль-губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ, закрывать кабаки, или нѣтъ.

Все это я подробно доложилъ Духовскому въ присутствіи генерала Иванова.

Духовской терпѣливо выслушалъ меня, и вдругъ раздраженнымъ тономъ повелѣлъ такую рѣчь:

— Меня удивляетъ, что вы такъ давно служите и не хотите понять, какую роль играетъ въ краѣ генераль-губернаторъ. Я присланъ сюда государемъ императоромъ въ качествѣ его представителя, для верховнаго управленія, а вы... заставляете меня закрывать кабаки...

— Виноватъ, ваше превосходительство, вы, вѣроятно, не такъ поняли меня. Я докладывалъ вамъ...—и я снова повторилъ, что отъ генерала-губернатора требуется лишь указаніе, мнѣніе какого губернатора онъ признаетъ цѣлесообразнымъ.

— Я васъ очень хорошо понялъ и не нуждаюсь въ повтореніи; вторично заявляю вамъ, что я ставленникъ русскаго монарха, а не цѣловальникъ... Николай Александровичъ,—обратился онъ къ Иванову:—будьте хоть вы судьей въ этомъ дѣлѣ...

Генераль Ивановъ, всегда непоколебимо спокойный и ровный, тихимъ голосомъ проговорилъ:

— Конечно, странно было бы возлагать на генераль-губернатора обязанности цѣловальника, и ваше превосходительство были совершенно правы, высказавъ эту мысль, но въ данномъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, разрѣшите вы ли закрывать кабаки; или нѣтъ...

— Я это прекрасно понимаю, Николай Александровичъ, но повторю, что цѣловальникомъ никогда не былъ и не буду. Прошу васъ, Георгій Павловичъ, перейти къ другому дѣлу, а съ этимъ страннымъ вопросомъ болѣе меня не беспокоить.

Можете судить положеніе докладчика у такого господина!

«Истор. вѣстн.», декабрь 1913 г., т. сxxxiv.

5

Вскорѣ Духовской уѣхалъ въ Петербургъ, его мѣсто временно занялъ генералъ Ивановъ. Отправляясь къ нему съ докладомъ, я вынулъ изъ портфеля прежде всего злополучное дѣло о кабакахъ; Николай Александровичъ расхохотался, вспоминая сцену о цѣловальникѣ, и однимъ почеркомъ пера рѣшилъ дѣло.

Все недолговременное управленіе Духовского прошло въ его безпрестанныхъ поѣздкахъ по краю, причемъ мѣстная официальная газета была всегда заполнена описаніемъ этихъ поѣздокъ. Въ антрактахъ онъ уѣзжалъ въ Петербургъ и, возвращаясь, опять ѣхалъ по краю, и опять столбцы газеты наполнялись хвалебными описаніями встрѣчъ и радости населенія по поводу лицезрѣнія начальства. Болѣе безцвѣтнаго генераль-губернатора трудно было себѣ представить.

Въ одно изъ своихъ кратковременныхъ пребываній въ Ташкентѣ Духовской поѣхалъ кататься по городу. На улицѣ, противъ тюрьмы экипажъ его опрокинулся, Духовской вывалился и сильно ушибъ себѣ ногу. Послѣ этого онъ уже окончательно былъ потерянъ для власти и вскорѣ оставилъ службу въ краѣ.

Повторяю, что Духовской былъ очень умный человѣкъ, и когда былъ здоровъ и не дряхлѣлъ, то былъ очень виднымъ дѣятелемъ. Известно, что, будучи пріамурскимъ генераль-губернаторомъ, онъ былъ очень энергиченъ и своею дѣятельностью принесъ краю много пользы. Когда въ комитетѣ Сибирской желѣзной дороги обсуждалось направленіе этой линіи отъ восточнаго берега Байкальскаго озера, то С. Ю. Витте, бывшій тогда министромъ финансовъ, настаивалъ на направленіи линіи черезъ китайскіе предѣлы. Никто не противорѣчилъ всесильному въ то время министру, и лишь Духовской энергично высказался противъ Витте, предсказавъ, что проведенная по проекту министра линія, при малѣйшемъ желаніи Китая, будетъ подвержена риску полнаго уничтоженія, и что въ устраненіе этого придется тратить громадныя суммы на охрану дороги. Витте возражалъ Духовскому, и большинство, конечно, комитета присоединилось къ мнѣнію Витте, а Духовскому осталось единственное утѣшеніе, что его протестъ былъ занесенъ въ журналъ комитета въ назиданіе потомству.

Китайская война доказала, какъ правъ былъ Духовской.

Свою карьеру Духовской долженъ былъ бы закончить въ 1898 г., когда онъ вернулся изъ Хабаровска; это было самое время надѣть халатъ, туфли и засѣсть въ вольтеровское кресло съ «Московскими Вѣдомостями» или «Русскимъ Инвалидомъ» въ рукахъ. Но вмѣсто почетной богадѣльни его послали управлять огромнымъ и совершенно незнакомымъ ему краемъ. У него не хватило гражданскаго мужества сознать, что его пѣсенка уже спѣта. Въ результатѣ—двухлѣтнее опереточное управленіе окраиной, надъ которымъ всѣ въ краѣ потѣшались.

XX.

Назначеніе на постъ генераль-губернатора генерала Н. А. Иванова.—Характеристика его.—Пріѣздъ въ Ташкентъ его съ женой.—Назначеніемъ меня управляющимъ канцеляріей генераль-губернатора.

Никто не сомнѣвался, что замѣстителемъ Духовского будетъ назначенъ генераль Н. А. Ивановъ. Чтобы было понятно, какую роль игралъ этотъ человѣкъ въ исторіи Туркестана, я позволю себѣ привести въ самыхъ краткихъ чертахъ его послужной списокъ.

Молодымъ офицеромъ оренбургской казачьей артиллеріи Ивановъ попалъ въ отрядъ генерала Черняева, съ которымъ и продѣлалъ всю экспедицію, закончившуюся взятіемъ Ташкента. Въ этомъ дѣлѣ Ивановъ выказалъ такіе подвиги личнаго мужества и храбрости, что по приговору кавалерской думы награжденъ былъ орденъ св. Георгія четвертаго класса. Во время походной жизни онъ близко сошелся съ Абрамовымъ, составившимъ себѣ блестящую военную карьеру въ Средней Азіи, и когда послѣ занятія въ 1868 г. Самарканда Абрамовъ былъ назначенъ начальникомъ Зеравшанскаго округа, то онъ прежде всего пригласилъ къ себѣ правителемъ канцеляріи Н. А. Иванова.

Первые шаги Н. А. Иванова на гражданской службѣ убѣдили Кауфмана, обладавшаго способностью быстро распознавать людей, что офицеръ этотъ принадлежитъ къ безспорно выдающимся личностямъ. Когда вопросъ о хивинской экспедиціи былъ рѣшенъ, то Кауфманъ, формируя свой штабъ, прежде всего зачислилъ въ него Н. А. Иванова. Появленіе бѣлыхъ рубашекъ на берегу рѣки Аму-Дарьи безповоротнo рѣшило судьбу Хивинскаго ханства. На правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи образовалась новая русская область, Аму-Дарьинскій отдѣлъ, и Кауфманъ, уходя съ войсками обратно, ввѣрилъ интересы Россіи въ отдѣленной отъ насъ огромными степными пространствами области—Н. А. Иванову. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Новая область была совершенно изолирована; не было не только телеграфа, но даже почтоваго сообщенія. Всѣ сношенія производились черезъ конныхъ джигитовъ, которые разъ въ мѣсяцъ перевозили съ большимъ рискомъ казенные и частные пакеты.

При такихъ условіяхъ генералу Иванову предстояло организовать отдѣлъ въ гражданскомъ отношеніи, устраивать войска, поддерживать порядокъ и спокойствіе въ населеніи, и, держа въ сжовыхъ рукавицахъ хивинскаго хана, въ то же время не дать ему замѣтить, что онъ изъ гордаго, заносчиваго, самостоятельнаго владѣтеля понемногу превращается въ самаго зауряднаго уѣзднаго начальника.

Чтобы успѣшно выполнить эту трудную задачу, нужно было быть человѣкомъ выдающихся способностей и таланта. Такимъ дѣйствительно былъ Н. А. Ивановъ. Это былъ человѣкъ огромнаго ума (говорю это безъ всякаго преувеличенія), сильной воли, энергичный, съ большою иниціативой, осторожный при выполненіи какихъ-либо реформъ, но смѣлый и рѣшительный, когда въ интересахъ дѣла нужно было проявить эти качества. Это былъ самый выдающійся сотрудникъ незабвеннаго К. П. Кауфмана; это былъ истинно русскій человѣкъ, вѣрный слуга Россіи и Государю, и послѣ Кауфмана имя его ярче всѣхъ блеститъ въ исторіи Туркестана.

Когда М. Д. Скобелевъ, бывшій военнымъ губернаторомъ Ферганской области, уѣхалъ въ дѣйствующую армію, то на его мѣсто былъ назначенъ изъ Самарканда генераль Абрамовъ, а вмѣсто послѣдняго Кауфманъ назначилъ начальникомъ Зеравшанскаго округа Н. А. Иванова. Здѣсь, какъ и на Аму-Дарьѣ, Ивановъ съ первыхъ же шаговъ выказалъ во всемъ блескъ свои административные таланты, и въ округѣ до сихъ поръ можно видѣть на каждомъ шагѣ результаты плодотворной дѣятельности этого выдающагося человѣка. Послѣ кончины К. П. Кауфмана, когда управлявшій канцеляріей генераль-губернатора камергеръ Каблуковъ уѣхалъ надолго изъ Ташкента, то управлявшій краемъ генераль Колпаковскій пригласилъ генерала Иванова временно управлять канцеляріей. Здѣсь уже я лично имѣлъ неоднократно возможность убѣдиться, какими блестящими способностями обладалъ этотъ человѣкъ.

Появленіе въ край въ должности генераль-губернатора М. Г. Черняева, начавшаго громить все кауфманское и разрушать все, что было создано первымъ генераль-губернаторомъ, отшатнуло отъ него прежде всего генерала Абрамова, глубоко уважавшаго покойнаго Константина Петровича, и онъ вскорѣ уѣхалъ изъ края, принявъ въ Европейской Россіи дивизію. На освободившуюся вакансію ферганскаго губернатора Черняевъ, хорошо знавшій Н. А. Иванова, назначилъ его, и это было единственное распоряженіе Черняева, за которое ему можно простить многое.

Съ обычною энергіей Ивановъ приступилъ къ организаціи Ферганы, въ которой такъ нуждалась эта молодая область, еще недавно бывшая подъ управленіемъ деспота кокандскаго хана. Черняева замѣнилъ Розенбахъ, который по своему развитію стоялъ неизмѣримо ниже Иванова. Всегда прямолинейный, скорѣе образцовый полковой командиръ, чѣмъ генераль-губернаторъ, Розенбахъ не сумѣлъ оцѣнить талантовъ Иванова, не могъ понять, какого выдающагося дѣятеля онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и не додумался, что такіе люди, какъ Ивановъ, должны быть цѣнны. Розенбахъ не могъ понять, что Ивановъ, безпредѣльно преданный интересамъ Россіи на Востокъ и хорошо знающій себѣ цѣну, не пойдетъ на компромиссы, разъ это идетъ въ разрѣзъ дѣлу, имъ отстаивае-

мому. Между обоими этими лицами образовались натянутыя отношенія, и когда Н. А. Ивановъ убѣдился, что генераль-губернаторъ вмѣсто ожидаемаго отъ него содѣйствія суетъ ему палки въ колеса, то онъ, не долго размышляя, бросилъ все и ушелъ въ отставку, еще

Николай Александровичъ Ивановъ. 1901—1903.

полный силъ и энергіи. Ровно десять лѣтъ прожилъ онъ въ отставкѣ въ Кіевѣ. Но вотъ насталь 1898 годъ, когда край увеличился двумя огромными областями. Баронъ Вревскій долженъ былъ уйти на покой. Для управленія краемъ слѣдовало избрать человѣка энергичнаго, способнаго, нестараго, но Петербургъ остался вѣренъ

самому себѣ. Благодаря какимъ-то вліяніямъ, на постъ генераль-губернатора попалъ дряхлый и больной Духовской. Новый военный министръ А. Н. Куропаткинъ, помимо котораго состоялось, по слухамъ, это назначеніе, очевидно, хорошо понималъ, что Духовской не въ силахъ справиться съ возложеннымъ на него бременемъ. Служа въ Туркестанѣ при Кауфманѣ, Куропаткинъ хорошо зналъ Н. А. Иванова и, какъ очень умный человѣкъ, умѣлъ тогда еще оцѣнить выдающіяся способности Николая Александровича. Вслѣдъ за назначеніемъ Духовского онъ вызвалъ Иванова изъ Кіева и предложилъ ему должность помощника генераль-губернатора съ тѣмъ, что, несомнѣнно, послѣ Духовского онъ займетъ его мѣсто. Ивановъ согласился. Вскорѣ онъ былъ вновь опредѣленъ на службу и прибылъ въ Ташкентъ въ качествѣ помощника генераль-губернатора. Съ первыхъ же его шаговъ всѣ убѣдились, что фактическимъ начальникомъ края былъ Ивановъ, а не Духовской. Послѣдній, передавъ своему помощнику почти всѣ дѣла, оставилъ себѣ представительность, помпу, торжества и путешествія съ рекламами. Такъ продолжалось болѣе двухъ лѣтъ, пока Духовской самъ не убѣдился, что ему слѣдуетъ уйти, если онъ не хочетъ, чтобы ему дали объ этомъ понять изъ Петербурга. Наконецъ онъ ушелъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Н. А. Ивановъ.

Какъ видите, Ивановъ прежде, чѣмъ стать главнымъ начальникомъ края, изучилъ до тонкости всю территорію Туркестана. Не было такого самаго захолустнаго угла, который не посѣтилъ бы Ивановъ, будучи начальникомъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, начальникомъ Зеравшанскаго округа и военнымъ губернаторомъ Ферганской области. Его хорошо знало все туземное населеніе отъ дельты Аму-Дарьи до самыхъ крайнихъ предѣловъ Алая, Памира и зеравшанскихъ ледниковъ, и онъ хорошо зналъ всѣхъ и все. Ставъ во главѣ управленія, онъ сразу сдѣлался компетентнымъ руководителемъ по всѣмъ вопросамъ. Ему не нужно было ничему учиться, ни съ чѣмъ знакомиться. Это былъ вполне подготовленный крупный государственный дѣятель. Ни одинъ изъ докладчиковъ не могъ сдѣлать ему неправильнаго доклада, потому что онъ самъ хорошо зналъ правду и рѣзко обрывалъ зарпортовавшагося чиновника.

Но онъ пріѣхалъ въ край уже съ надломленнымъ здоровьемъ. Какой-то невидимый внутренній недугъ подтачивалъ его силы. Тѣмъ не менѣе, вступивъ въ самостоятельное управленіе краемъ, онъ энергично принялся за дѣло. Съ нимъ пріѣхала его жена Лидія Ивановна, которая всецѣло отдалась дѣлу благотворенія. Это была рѣдкая въ наше время супружеская пара. Они искренно обожали другъ друга. Она ни на минуту не оставляла своего мужа, охраняя его отъ всего, что могло разстроить его здоровье. Она сопровождала его во всѣхъ поѣздкахъ по краю и, никогда и нигдѣ не вмѣшиваясь

въ дѣла, играла скромную роль любящей жены, заботящейся о спокойствіи и комфортѣ мужа. Всегда привѣтливая, со всѣми одинаково ровная, радушная, внимательная, она пользовалась общою любовью и уваженіемъ. Всегда одинаково веселая и жизнерадостная, она часто незамѣтно сглаживала нѣкоторыя шероховатости въ обращеніи своего мужа, происходившія отъ болѣзненной нервности. Они оба были до такой степени просты въ обращеніи, что всякій бывавшій у нихъ забывалъ, что онъ въ домѣ могущественнаго генераль-губернатора. Дѣятельность его по управленію краемъ, помимо его собственныхъ заслугъ, находилась въ особенно благопріятныхъ условіяхъ потому, что онъ всегда находилъ полную поддержку въ военномъ министрѣ А. Н. Куропаткинѣ, который высоко цѣнилъ блестящія способности Иванова и всѣми силами содѣйствовалъ проведенію въ законодательномъ порядкѣ различныхъ мѣръ къ развитію благосостоянія края.

Однимъ словомъ, все указывало, что для Туркестана насталъ золотой вѣкъ. Вскорѣ послѣ ухода Духовского ушелъ въ отставку и управляющій канцеляріей Бродовскій, и Ивановъ предложилъ это мѣсто мнѣ. Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе, хотя сознавалъ, что съ такимъ генераль-губернаторомъ, какъ Ивановъ, придется много и серьезно работать для того, чтобы оправдать его довѣріе. Назначеніе это, конечно, должно было вполнѣ удовлетворить меня, ибо, поступивъ изъ строя на самую маленькую должность, безъ всякихъ связей и протекцій, я добился выдающагося положенія и въ краѣ и въ главномъ управленіи.

Помощникомъ генераль-губернатора Куропаткинъ избралъ почему-то совершенно незнакомаго Иванову генерала Маціевскаго. Это былъ совершенно неразвитой, хитрый, двуличный человѣкъ. Почему на немъ остановился выборъ Куропаткина—непонятно. Маціевскаго сразу не взлюбилъ Ивановъ, и сразу же не взлюбило и все общество. Неспособный ни къ чему, онъ всегда стремился лишь къ дешевой популярности. Но не могу не отдать ему справедливости, что впослѣдствіи, во время революціи и всеобщей правительственной растерянности, когда въ Ташкентѣ всѣ потеряли головы, а губернаторъ даже перешелъ жить въ военное собраніе подъ охрану войскъ, два человѣка остались на высотѣ своего положенія и выказали истинное гражданское мужество, это Маціевскій, командовавшій въ то время первымъ туркестанскимъ корпусомъ, и генералъ Сахаровъ, замѣстившій послѣ Маціевскаго должность помощника генераль-губернатора.

XXI.

Издание новаго положенія объ управленіи пятью областями края.—Пріѣздъ въ край военнаго министра А. Н. Куропаткина.—Моя поѣздка съ бухарскимъ эмиромъ въ Крымъ и на Кавказъ.—Переводчикъ Замапъ-бекъ-Шихалибековъ.—Охота за бухарскими орденами.—Изобрѣтатель мази для сапогъ.—Коробка отъ сардинокъ.

Первымъ актомъ дѣятельности Н. А. Иванова, какъ генераль-губернатора, былъ пересмотръ всѣхъ трехъ положеній, которыми управлялись области края: туркестанскаго, степного и закаспійскаго. Назначенный въ распоряженіе начальника главнаго штаба тайный совѣтникъ Несторовскій былъ по просьбѣ Иванова командированъ въ Ташкентъ, и ему генераль-губернаторъ ввѣрилъ предсѣдательствованіе въ комиссіи по пересмотру положеній и согласованію ихъ въ связи съ мѣстными условіями въ одинъ для всего края коренной законъ. Болѣе удачнаго выбора нельзя было сдѣлать, ибо Несторовскій былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ края. Ближайшими сотрудниками Несторовскаго были назначены: выдающійся по своимъ блестящимъ способностямъ мой помощникъ по канцеляріи полковникъ Коишевскій и въ качествѣ редактора кодификаціонныхъ трудовъ комиссіи подполковникъ Гешпенеръ, владѣвшій прекраснымъ литературнымъ стилемъ. Комиссія энергично принялась за дѣло, и черезъ восемь-девять мѣсяцевъ представила Иванову огромный печатный трудъ, состоящій изъ новаго положенія, объяснительной къ нему записки и сравнительнаго указателя всѣхъ статей положеній туркестанскаго и степного. Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, Ивановъ внесъ этотъ трудъ на разсмотрѣніе совѣта, который въ три мѣсяца закончилъ свою работу, и выработанный проектъ былъ представленъ военному министру въ 1902 году и, конечно, благополучно погребенъ въ какой-нибудь комиссіи, если не въ архивѣ.

При составленіи новаго положенія пришлось оставить *in statu quo* Закаспійскую область, ибо А. Н. Куропаткинъ, создавшій существующее положеніе объ управленіи этою областью, настоялъ, чтобы она сохранила свой режимъ еще по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ. Зачѣмъ это потребовалось—не знаю, но требованіе военнаго министра должно было быть исполнено. Вообще въ дѣйствіяхъ А. Н. Куропаткина, какъ военнаго министра, по отношенію Закаспійской области замѣчалось много непонятнаго. Ставъ министромъ, онъ какъ будто сохранилъ за собою постъ начальника этой области. Имѣя въ рукахъ огромную армію съ многомилліоннымъ бюджетомъ, призванный государемъ, въ качествѣ молодого, энергичнаго и умнаго человѣка, оздоровить, освѣжить боевые элементы Россіи, Куропаткинъ долженъ былъ отдать всѣ свои силы на порученное ему великое дѣло. Между тѣмъ, начальники Закаспійской области, Боголю-

бовъ, а затѣмъ Субботичъ, подчиненные съ 1898 года непосредственно туркестанскому генераль-губернатору, видимо, игнорировали послѣдняго и со всѣми своими представленіями, касающимися интересовъ области, входили непосредственно къ военному министру. Трудно повѣрить, что военный министръ лично вмѣшивался даже въ такія ничтожныя дѣла, какъ перемѣщеніе уѣздныхъ начальниковъ и даже приставовъ. Такой ненормальный порядокъ, конечно, порождалъ массу недоразумѣній, но Ивановъ, при всей своей самостоятельности, не въ силахъ былъ сломить упрямство своего непосредственнаго начальника—военнаго министра, вслѣдствіе чего отношенія его къ Закаспійской области въ то время было чрезвычайно странныя. Ненормальность эта доходила до того, что, напримѣръ, когда Ивановъ поѣхалъ изъ Ташкента осмотрѣть крѣпость Кушку, расположенную въ Закаспійской области, то начальникъ послѣдней Боголюбовъ даже не выѣхалъ встрѣтить генераль-губернатора ни въ Чарджуй, ни въ Мервъ, ни въ Кушку. Но помимо, такъ сказать, административнаго вмѣшательства въ дѣла области, А. Н. Куропаткинъ проявлялъ оригинальную щедрость на потребности области. Въ распоряженіи военнаго министра имѣется особый фондъ для чрезвычайныхъ нуждъ арміи. Я не помню, какъ назывался этотъ фондъ, но знаю, что при Ванновскомъ этотъ фондъ очень оберегался и понемногу нарасталъ. Куропаткинъ сталъ довольно щедро расходовать средства этого фонда, и я ничего не считалъ бы себя въ правѣ возразить, если бы деньги расходовались по прямому назначенію. Но А. Н. Куропаткинъ разрѣшалъ, напримѣръ, суммы на учрежденіе лишнихъ классовъ при асхабадской классической гимназіи.

Когда А. Н. Куропаткинъ покинулъ постъ военнаго министра, и на его мѣсто былъ назначенъ генераль Сахаровъ, то немедленно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, всѣ порядки въ Закаспійской области измѣнились, и генераль-губернаторъ сталъ въ ней полнымъ хозяиномъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Иванова получено было извѣстіе о пріѣздѣ къ намъ А. Н. Куропаткина, командированнаго Государемъ для осмотра края. Для чего потребовался этотъ осмотръ,—никто не могъ дать отвѣта, тѣмъ болѣе, что военный министръ и безъ того хорошо зналъ край и безусловно довѣрялъ Иванову. Поѣздка А. Н. Куропаткина по краю съ блестящею свитой была, конечно, триумфальнымъ шествіемъ Цезаря. Чествовали его всюду до умопомраченія; объ его удобствахъ заботились до такой степени, что въ Ташкентѣ въ его помѣщеніе перенесенъ былъ изъ военнаго собранія великолѣпный бильярдъ только потому, что Алексѣй Николаевичъ любилъ послѣ обѣда сыграть партію. И казнѣ, и населенію поѣздка Куропаткина стоила большихъ денегъ, а результатовъ отъ посѣщенія военнаго министра

край не увидѣлъ рѣшительно никакихъ. Проводивъ военнаго министра, Н. А. Ивановъ засѣлъ за работу, приостановившуюся почти на два мѣсяца пребыванія въ краѣ военнаго министра. Работалъ онъ, буквально не покладая рукъ, а въ связи съ этимъ пришлось сильно работать и мнѣ. Ивановъ не понималъ, а поэтому не признавалъ никакой канцелярской волокиты. Ему не нужны были большіе письменные доклады съ массой справокъ изъ дѣлъ и изъ законовъ. Онъ самъ зналъ и то и другое лучше любого докладчика. По всякому вопросу онъ требовалъ быстрого, но продуктивнаго исполненія. Онъ работалъ цѣлые дни, но заставлялъ работать и другихъ. Единственная странность, которая непріятно поражала всѣхъ служившихъ подъ его начальствомъ, это его удивительная непріязнь къ отпускамъ служащихъ. Онъ самъ не пользовался отдыхомъ, но и не признавалъ, что кто-либо изъ его подчиненныхъ можетъ переутомиться, и всякое ходатайство объ отпускѣ встрѣчалъ враждебно.

Между тѣмъ непосильные труды по управленію канцеляріей совсѣмъ подломили мое здоровье, и это стало очевиднымъ даже для Иванова, но онъ все-таки и слышать не хотѣлъ объ увольненіи меня въ отпускъ, но въ то же время, сознавая, что я дѣйствительно нуждаюсь въ передышкѣ, онъ сдѣлалъ для меня гораздо больше, пославъ сопровождать эмира бухарскаго на Кавказъ и въ Крымъ. Это было, безспорно, самое пріятное изъ всѣхъ порученій, какія я получалъ въ теченіе моей службы. Я уже не говорю про удобства переѣздовъ въ прекрасныхъ вагонахъ экстренныхъ поѣздовъ и жизнь въ роскошныхъ помѣщеніяхъ въ Пятигорскѣ и Ялтѣ, но постоянное въ теченіе трехъ мѣсяцевъ близкое общество эмира доставляло мнѣ большое удовольствіе. Его высочество былъ всегда такъ внимательно любезенъ и предупредителенъ, что служба при немъ была однимъ наслажденіемъ. Въ Пятигорскѣ онъ нанималъ на бульварѣ отдѣльный двухъэтажный домъ, и почти все время безвыѣздно проводилъ въ своемъ кабинетѣ, изрѣдка выѣзжая на прогулку на водопадъ или къ Баталинскому источнику. При эмирѣ, кромѣ меня, состояли постоянный его придворный врачъ Писаренко и переводчикъ Заманъ-бекъ-Шихалибековъ. Послѣдній настолько интересный человѣкъ, что о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Уроженецъ Нухи, Заманъ-бекъ во время турецкой войны 1876 года, будучи совсѣмъ юнымъ, эмигрировалъ въ числѣ очень многихъ кавказцевъ въ Турцію. Возвратиться обратно онъ боялся, ожидая репрессій русскихъ властей, и остался въ Константинополѣ со своими братьями. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на востокъ отъ Кокандскаго ханства существовало самостоятельное ханство Кашгарское. Эта была раньше провинція Китая, но одинъ смѣлый авантюристъ изъ туземцевъ Средней Азіи, по

имени Якубъ-бекъ, захватилъ въ свои руки власть въ Кашгаріи и провозгласилъ себя независимымъ владѣтелемъ (Бадаулетъ). Съ этимъ Якубъ-бекомъ Кауфманъ заключилъ даже при посредствѣ генеральнаго штаба капитана Куропаткина (впослѣдствіи военный министръ) договоръ о дружбѣ. Этотъ владѣтель, желая ввести у себя нѣкоторыя реформы, просилъ турецкаго султана прислать ему нѣсколько образованныхъ мусульманъ. Султанъ исполнилъ эту просьбу, и въ числѣ четырехъ-пяти человѣкъ, отправленныхъ въ Кашгаръ, былъ и Заманъ-бекъ. Когда Куропаткинъ былъ въ Кашгарѣ, то Заманъ-бекъ оказалъ ему очень много услугъ. Вскорѣ

Дворецъ эмира бухарскаго въ Ялтѣ.

(кажется, послѣ смерти Якубъ-бека) Заманъ-бекъ прибылъ въ Ташкентъ, и по ходатайству Кауфмана, въ благодарность за услуги Куропаткину, государь простилъ Заманъ-беку грѣхъ молодости и разрѣшилъ принять его на службу. Онъ до конца жизни служилъ переводчикомъ въ канцеляріи генераль-губернатора, и я сохранилъ о немъ самую лучшую память. Это былъ очень умный человѣкъ, самой прекрасной души, добрый, отзывчивый и, несмотря на то, что онъ былъ истинный мусульманинъ, онъ относился съ симпатіей къ христіанамъ. Эмиръ умѣлъ оцѣнить прекрасныя качества этого человѣка и до конца его жизни дарилъ его своею

дружбой и довѣріемъ. Во время пребыванія въ Пятигорскѣ и Ялтѣ эмиръ почти ни на минуту не разлучался съ Заманъ-бекомъ, и цѣлыми часами они играли вдвоемъ въ пикетъ по самой маленькой. Эмиръ прекрасно изучилъ эту игру, и смѣшно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ его высочество клалъ въ особый кошелекъ десять-пятнадцать копеекъ, выигранныя съ Заманъ-бека, а послѣдній, въ свою очередь, въ счастливыя минуты пряталъ въ свой кошелекъ такую же сумму. На обратномъ пути Заманъ-бекъ съ гордостью сознался мнѣ, что въ общемъ онъ выигралъ съ эмира что-то около четырехъ рублей семидесяти пяти копеекъ.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Пятигорскѣ эмиръ переѣхалъ въ Ялту. Здѣсь онъ велъ уже нѣсколько иной образъ жизни. Ежедневно послѣ завтрака снѣ отправлялся кататься по окрестностямъ Ялты: въ Ливадію, Оріанду, Массандру, Гурзуфъ. Прогулки эти, въ которыхъ непремѣнно принимали участіе я и Заманъ-бекъ, доставляли большое наслажденіе. Эмиръ держалъ прекрасную коляску съ парой сѣрыхъ рысаковъ, и ѣзда въ такомъ выѣздѣ по образцовымъ шоссе доставляла истинное удовольствіе. Одно, что отравляло пріятную жизнь въ Ялтѣ, это постоянная назойливость посѣтителей, добывающихъ представиться эмиру, конечно, для полученія ордена. Такъ какъ эмиръ пріѣзжалъ на югъ Россіи для леченія и отдыха, то онъ разъ навсегда выразилъ желаніе, чтобы его не беспокоили. Но назойливые посѣтители не вѣрили, когда я имъ говорилъ о нежеланіи эмира видѣть кого-либо, и приписывали мнѣ нежеланіе доложить о нихъ. Изобрѣтательность этихъ господъ доходила до виртуозности. Никогда не забуду, напримѣръ, одного господина, который заявилъ мнѣ, что желаетъ преподнести эмиру изобрѣтенную имъ мазь для сапогъ. На мой вопросъ, зачѣмъ эмиру можетъ потребоваться эта мазь, онъ отвѣтилъ, что его высочество числится въ Терскомъ казачьемъ войскѣ, въ которомъ у каждаго казака есть сѣдло. Вотъ мазь-то и пригодится... Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ сплавить горе-изобрѣтателя.

Въ другой разъ ко мнѣ пріѣхала богато одѣтая очень красивая дама и начала умолять устроить представленіе у эмира ея двумъ сыновьямъ-кавалеристамъ. Я убѣждалъ ее, что эмиръ не совѣмъ здоровъ и никого не принимаетъ. Въ отвѣтъ на это она молящимъ тономъ сказала:

— Ну, если нельзя представиться, то не выхлопочете ли вы имъ хоть самыя-самыя маленькія звѣзды. Они спятъ и видятъ украсить себя. Они очень добрые мальчики, но глупы. Они рады, если имъ хоть коробку отъ сардинокъ повѣсятъ на грудь. Имъ не нужно даже звѣздъ, а лишь бы эмиръ далъ фирманъ. Они очень богаты и сами закажутъ себѣ у ювелира.

Дама осталась на меня очень обижена, когда я все-таки отказался докладывать эмиру объ ея сыновьяхъ-сардиночникахъ...

Въ Ялтѣ эмиръ нанималъ прекрасную дачу, обставленную съ большимъ комфортомъ, но въ послѣдствіи онъ выстроилъ себѣ тамъ чудную виллу въ мавританскомъ стилѣ. Вилла эта расположена между Ялтой и Ливадіей, и ее можно назвать самымъ красивымъ и изящнымъ зданіемъ на южномъ берегу Крыма.

XXII.

Поѣздка вдоль сѣверной и восточной границы Афганистана.—Смерть Н. А. Иванова.

Возвратясь въ Ташкентъ, я вновь засѣлъ за усиленную работу. Хотя подчасъ тяжело приходилось отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, но въ то же время пріятно было работать подъ начальствомъ и руководствомъ такого умнаго и просвѣщеннаго знатока края, какимъ былъ Н. А. Ивановъ. Я самъ десятки лѣтъ уже служилъ въ краѣ, но моя служба проходила за письменныхъ столомъ; я имѣлъ дѣло только съ бумагой. Ивановъ же былъ самый крупный общественный дѣятель, знавшій всю Среднюю Азію, какъ свой собственный хуторъ подъ Кіевомъ. Не было такого самаго сложнаго вопроса, касающагося мѣстныхъ нуждъ, который Ивановъ не разрѣшалъ бы тотчасъ же своимъ компетентнымъ словомъ. Резолюціи его были замѣчательны. По вопросамъ, требующимъ серьезной разработки или мотивированнаго представленія въ Петербургъ, онъ писалъ огромныя резолюціи, которыя были такъ обстоятельны и такъ литературно изложены, что канцеляріи не приходилось почти ничего измышлять. Достаточно было ограничиться почти перепиской резолюціи, и представленіе готово. Ивановъ, конечно, понималъ, что вся заслуга за нимъ, но тѣмъ не менѣе всегда благодарилъ меня за удачное исполненіе его указаній.

Осенью этого года Ивановъ пригласилъ меня сопутствовать ему въ поѣздкѣ на югъ, т.-е. въ крѣпость Кушку, а затѣмъ на пароходѣ по Аму-Дарѣ въверхъ отъ Чарджуя въ укрѣпленія Керки и Термезъ.

Поѣздка эта была очень интересная. Крѣпость Кушка сама по себѣ не представляетъ ничего особенно грознаго, но окружающіе ее по сосѣднимъ высотамъ отдѣльные форты довольно внушительны. Крѣпость эта имѣетъ очень серьезное значеніе, какъ нашъ опорный пунктъ на самой границѣ съ Афганистаномъ и въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ чрезвычайно важнаго въ стратегическомъ отношеніи афганскаго города Герата. Около Кушки расположены два русскихъ селенія—Полтавское и, кажется, Алексѣевское. Одно изъ нихъ, близъ самой крѣпости, производитъ очень пріятное впечатлѣніе своими чистыми домиками, массой зелени и прекрасной школой.

Пріѣхавъ въ Чарджуй, мы пересѣли изъ вагона на военный па-

роходъ и медленно противъ теченія поплыли вверхъ. Кромѣ меня, Иванова сопровождали начальникъ штаба генералъ Сахаровъ и начальникъ инженеровъ генералъ Янушковскій. Она они были премилые люди, интересные компаньоны и прекрасные партнеры въ винтъ. Много оживляла нашу каютъ-компанію Лидія Ивановна Иванова, по обыкновенію сопровождавшая мужа.

Какъ Кушка на восточной границѣ, такъ Керки и Термезъ на сѣверной границѣ Афганистана представляютъ собою серьезные стратегическіе пункты. Керки изъ недавняго укрѣпленія превратился въ очень симпатичный городокъ, но Термезъ не имѣлъ въ то время никакого гражданскаго характера. Это было въ строгомъ смыслѣ слова военное поселеніе. Множество превосходно выстроенныхъ казармъ и отсутствіе зелени придавали этому мѣсту какой-то унылый, пасмурный видъ, и только расположенный рядомъ Патта-Гисаръ (мѣстопробываніе пограничной стражи) веселилъ взоры массой зелени и хорошенькою церковью.

Возвратясь въ Ташкентъ, Ивановъ съ обычною энергіей принялся за работу, но я сталъ замѣчать, что часто онъ сталъ глубоко задумываться, что работа, видимо, его начала утомлять. Лидія Ивановна также говорила мнѣ, что въ своемъ мужѣ она замѣчаетъ какую-то перемѣну, и что онъ имѣетъ болѣзненный видъ. Мы убѣдили его посоветоваться съ врачами, но послѣдніе рекомендовали лишь отдыхъ отъ трудовъ, т.-е. поѣздку въ отпускъ. Послѣ долгихъ упрасиваній Лидіи Ивановны Ивановъ, очевидно, самъ признававшій, что не можетъ съ должною энергіей работать, выпросилъ себѣ у Куропаткина отпускъ, но, получивъ разрѣшеніе, отпускомъ все-таки не воспользовался и остался въ Ташкентѣ.

Вскорѣ послѣ этого Ивановъ былъ вызванъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, и Лидія Ивановна говорила мнѣ, что, покончивъ въ столицѣ съ дѣлами, онъ воспользуется разрѣшеннымъ ему отпускомъ. Въ Петербургѣ Ивановъ совѣтовался съ лучшими врачами, которые настоятельно потребовали, чтобы онъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ извѣстный хирургъ Дуаенъ сдѣлаетъ ему операцію, послѣ которой онъ будетъ попрежнему здоровъ. Ивановъ согласился, но въ это время японцы объявили намъ войну, и государь, пригласивъ къ себѣ Иванова, просилъ его немедленно ѣхать обратно въ край, гдѣ присутствіе его въ виду тревожнаго времени необходимо. Итакъ, вмѣсто Парижа Ивановъ вернулся въ Ташкентъ, и это имѣло для него гибельныя послѣдствія.

На обратномъ пути Ивановъ получилъ телеграмму о назначеніи Куропаткина командующимъ арміей. Уходъ Алексѣя Николаевича съ поста военнаго министра, конечно, долженъ былъ принести много огорченій Иванову, котораго съ Куропаткинымъ связывали самыя тѣсныя дружескія отношенія. Ивановъ былъ уже избалованъ отношеніями къ нему военнаго министра и главнаго штаба. Съ по-

вымъ министромъ придется устанавливать новыя отношенія, и весьма возможно, что отношенія эти будутъ неблагопріятны.

Разстроенный этимъ, Ивановъ вернулся въ Ташкентъ совсѣмъ больнымъ. Вскорѣ онъ слегъ въ постель, съ которой уже болѣе не вставалъ. Физическихъ страданій онъ, къ счастью, не испыталъ. Онъ лежалъ все время молча, устремивъ глаза въ одну точку. Къ дѣламъ онъ сразу охладѣлъ и только выказывалъ интересъ къ агентскимъ телеграммамъ о войнѣ, которыя я ежедневно ему прочитывалъ.

Онъ скончался тихо, безъ страданій, потерявъ сознание лишь за двѣ-три минуты до смерти.

Ивановъ похороненъ въ соборѣ, рядомъ съ К. П. Кауфманомъ. Никто больше (кромѣ одного священника) не удостоился этой чести, да и дѣйствительно во всей сорокалѣтней исторіи Туркестана только эти два человѣка сыграли выдающуюся роль и оказали краю огромныя услуги. Эти двѣ могилы всегда будутъ напоминать потомству о двухъ людяхъ, всѣмъ сердцемъ любившихъ нашу средне-азіатскую колонію, много для нея потрудившихся и бывшихъ главными, если не единственными, виновниками того, что Туркестанъ дѣйствительно если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ сдѣлается лучшимъ брильянтомъ въ коронѣ російскаго монарха.

XXIII.

Назначеніе новаго генераль-губернатора Н. Н. Тевяшова.—Кратковременное пребываніе его съ женой въ Ташкентѣ.—Краткая его характеристика.—Столкновеніе ферганскаго губернатора съ помощникомъ губернатора.—Замѣна трехъ губернаторовъ новыми лицами.—Кончина Н. Н. Тевяшова.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ кончины Иванова, какъ состоялось назначеніе на должность генераль-губернатора члена военнаго совѣта генерала-отъ-кавалеріи Н. Н. Тевяшова.

Про Николая Николаевича я слышалъ только, что онъ былъ прежде астраханскимъ губернаторомъ, гдѣ заслужилъ общую любовь и уваженіе, а затѣмъ былъ назначенъ главнымъ интендантомъ во время министерства Ванновскаго. Нѣкоторые изъ служившихъ въ туркестанскомъ интендантствѣ рассказывали, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ стоялъ во главѣ этого вѣдомства, онъ успѣлъ сдѣлать очень многое, что значительно повысило интендантство въ глазахъ общественнаго мнѣнія, и дѣйствительно, сколько мнѣ извѣстно, японская война доказала, что полевые интендантскіе органы на театрѣ военныхъ дѣйствій оказались въ большинствѣ случаевъ на высотѣ своего положенія, и о дѣятельности ихъ войска вспоминаютъ съ уваженіемъ. Немаловажною заслугою въ дѣятельности Н. Н. Тевяшова было учрежденіе въ

Петербургѣ интендантскихъ курсовъ (нынѣ интендантская академія), гдѣ будущіе интендантскіе дѣятели получаютъ превосходную подготовку для своей службы.

Лично знавшіе Николая Николаевича рассказывали, что это человѣкъ очень добрый, отзывчивый, но непоколебимый въ преслѣдованіи всякаго злоупотребленія. Такія свѣдѣнія давали надежду, что край будетъ въ хорошихъ рукахъ.

Однажды я получилъ телеграмму, въ которой генераль Тевяшовъ вызывалъ меня въ Петербургъ по дѣламъ службы. Въ три дня я собрался въ дорогу, и въ началѣ іюля 1904 года прибылъ уже въ столицу. Генераль Тевяшовъ жилъ въ своемъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, и я на другой же день пріѣзда явился къ нему. Онъ принялъ меня не только любезно, но даже радушно, и сталъ подробно расспрашивать про край. Меня поразило, что онъ интересовался не только кардинальными вопросами, но и самыми второстепенными мелочами. Для меня стало ясно, что онъ успѣлъ уже много прочесть, со многимъ ознакомиться. Въ немъ я увидѣлъ не новичка, какими пріѣзжали въ край Розенбахъ, Духовской и баронъ Вревскій, а въ высшей степени серьезнаго человѣка, вдумчиваго и всѣми силами желающаго послужить краю, которымъ онъ призванъ былъ управлять.

Непродолжительное, къ несчастью, пребываніе его въ Ташкентѣ доказало, что Туркестанскій край получилъ начальника работоспособнаго, энергичнаго, съ самостоятельными просвѣщенными взглядами.

Я прожилъ въ Петербургѣ два мѣсяца. Пришлось порядочно поработать, и вотъ здѣсь-то я убѣдился, до чего Н. Н. Тевяшовъ былъ деликатный человѣкъ. Живя въ Царскомъ Селѣ, онъ не хотѣлъ стѣснять меня постоянными поѣздками туда, и ежедневно пріѣзжалъ въ Петербургъ ко мнѣ въ «Hôtel de Paris», гдѣ и принималъ отъ меня доклады. Онъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ относился къ каждому чужому мнѣнію. Внимательно выслушивая меня, онъ подчасъ долго спорилъ со мною, и если мнѣ не удавалось убѣдить его въ правотѣ моего взгляда, то онъ деликатно отвѣчалъ мнѣ, что, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ моему мнѣнію, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ со мною согласиться и считаетъ нужнымъ сдѣлать такъ, какъ онъ рѣшилъ. Но когда у него являлась увѣренность, что я правъ, онъ съ доброю улыбкой благодарилъ меня и присоединялся къ моему взгляду. Съ такимъ человѣкомъ пріятно было работать.

Это былъ настоящій русскій дворянинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣ свои молодые годы онъ прослужилъ въ строю и считался однимъ изъ выдающихся полковыхъ командировъ, когда сдѣлалъ всю турецкую кампанію во главѣ славнаго Ахтырскаго гусарскаго полка.

Одинъ изъ участниковъ этой войны рассказывалъ мнѣ, что, когда большая часть кавалеріи страдала отъ недостатковъ фуража и провіанта вслѣдствіе огромныхъ злоупотребленій чиновъ всѣхъ ранговъ и положеній, Ахтырскій полкъ благоденствовалъ, лошади были въ прекрасномъ тѣлѣ, благодаря Н. Н. Тевяшову, который не только оберегалъ интересы казны и полка, но, будучи человекомъ съ большими средствами, затрачивалъ собственные деньги на полковыя потребности.

Ванновскій, человекъ, безусловно, очень умный, не могъ не замѣтить среди общаго хищенія въ арміи такого человека и при первой возможности поставилъ его во главѣ интендантскаго вѣдомства всей русской арміи.

Позволяю себѣ нѣсколькими строчками вспомнить жену Николая Николаевича. Выйдя замужъ, когда Николай Николаевичъ былъ молодымъ офицеромъ, она въ теченіе сорока лѣтъ дѣлила съ нимъ и горе и радость. Верхомъ она сопровождала его съ полкомъ во все время турецкой войны, поддерживала его энергію въ Астрахани, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, охраняла его покой и комфортъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ главнымъ интендантомъ, и сопровождала его въ Ташкентѣ, гдѣ ни на минуту не отошла отъ его постели, которая сдѣлалась его смертнымъ одромъ. Это была женщина прекрасно образованная и блестяще воспитанная. Обладая замѣчательно добрымъ сердцемъ, она дѣлала много добра, много помогала. Не имѣя никакихъ личныхъ претензій, она посвятила всю свою жизнь своимъ двумъ внучатамъ (сыновья ея единственной дочери). Я съ увѣренностью скажу, что рѣдкая мать можетъ такъ относиться къ своимъ дѣтямъ, какъ она относилась къ внукамъ. Трудно представить себѣ, сколько сердечной доброты, ласки и заботы отдавала она этимъ двумъ славнымъ мальчикамъ.

Въ Ташкентѣ она стала во главѣ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій и за ея недолгое пребываніе тамъ успѣла сдѣлать для бѣдныхъ и больныхъ столько, сколько не было сдѣлано за всѣ годы до ея пріѣзда въ край.

По прибытіи въ Ташкентъ Н. Н. Тевяшову пришлось прежде всего обратить самое серьезное вниманіе на крайне враждебныя отношенія, установившіяся между военнымъ губернаторомъ Ферганской области генераломъ Арендаренкомъ и его помощникомъ Наливкинымъ.

Генераль Арендаренко былъ товарищъ по туркестанскому стрѣлковому батальону съ Куропаткинымъ. Ихъ связывала серьезная дружба. Еще очень давно, во времена Кауфмана Арендаренко вышелъ изъ строя и поступилъ на службу по гражданскому управленію въ Зеравшанскій округъ (нынѣ Самаркандская область). Занимая видную и весьма самостоятельную должность начальника отдѣла, Арендаренко вышелъ въ отставку тотчасъ по введеніи поло-

женія 1887 года, кажется, потому, что не могъ примириться съ тѣмъ, что изъ почти самостоятельнаго управляющаго райономъ долженъ былъ превратиться въ обыкновеннаго уѣзднаго начальника. Когда Куропаткинъ былъ назначенъ начальникомъ Закаспійской области, то онъ немедленно пригласилъ Арендаренко на службу и поручилъ ему управленіе очень серьезнымъ пограничнымъ съ Афганистаномъ Мервскимъ уѣздомъ.

Назначеніе Куропаткина военнымъ министромъ отразилось сейчасъ же и на карьерѣ Арендаренка, который получилъ мѣсто военнаго губернатора Ферганской области.

Арендаренко по природѣ очень неглупый человѣкъ, энергичный, опытный, прекрасно знакомый съ Средней Азіей, но у него былъ одинъ крупный недостатокъ: онъ былъ сильно влюбленъ въ самого себя. Не признавая ничьего мнѣнія, онъ считалъ свой авторитетъ непогрѣшимымъ. Будучи самъ безупречно честнымъ человѣкомъ, онъ считалъ, что всякій чиновникъ прежде всего взяточникъ, и сообразно этому велъ всю свою внутреннюю политику.

Онъ былъ положительно нестерпимъ въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, и вся область, за исключеніемъ двухъ-трехъ любимчиковъ, его ненавидѣла. Ближайшимъ его сотрудникомъ оказался В. П. Наливкинъ, о прошломъ котораго нельзя умолчать.

Служа офицеромъ въ оренбургской казачьей артиллеріи, онъ въ 1878 году неожиданно для всѣхъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Ташкента въ Ферганскую область; снявъ съ себя европейское платье, онъ поселился вмѣстѣ съ женой и дѣтьми въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Наманганскаго уѣзда, гдѣ и зажилъ жизнью самаго простаго туземца. Чѣмъ онъ руководствовался, опростившись такимъ образомъ, я не знаю, но, проживши въ видѣ зауряднаго сарта нѣсколько лѣтъ, онъ и его жена великолѣпно изучили туземный языкъ, нравы и обычаи туземцевъ. Перевоспитавъ себя, Наливкинъ сбросилъ туземный халатъ и чалму и явился лучшимъ и почти единственнымъ дѣйствительнымъ знатокомъ мѣстнаго края. Баронъ Вревскій хорошо понималъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ такого энергичнаго человѣка, и пригласилъ его на должность инспектора народныхъ училищъ. Назначенный послѣ барона Вревскаго Духовской еще въ Петербургѣ много слышалъ о Наливкинѣ и, пріѣхавъ въ край, назначилъ его чиновникомъ особыхъ порученій. И по учебному, и по административному вѣдомствамъ Наливкинъ выказалъ одинаково блестящія способности. Генералъ Ивановъ призналъ полезнымъ и справедливымъ повысить Наливкина при первой возможности и назначилъ его помощникомъ ферганскаго губернатора. Вновь назначенному губернатору Арендаренку оставалось только отнестись къ Наливкину съ тѣмъ довѣріемъ, котораго послѣдній вполне заслуживалъ. Но Арендаренко слишкомъ высоко цѣнилъ самого себя. Онъ желалъ видѣть въ своемъ

помощникъ слѣпому исполнителя своихъ распоряженій. На такую роль Наливкинъ не могъ, очевидно, согласиться тѣмъ болѣе, что и законъ предоставляетъ вице-губернатору извѣстную самостоятельность. Послѣдовалъ цѣлый рядъ конфликтовъ; отношенія между

Николай Николаевичъ Тевяшовъ. 1903—1905 г.

этими двумя главными чиновниками обострились до невозможной степени къ великому соблазну всей области. Оба противника стали засыпать жалобами генераль-губернатора. Генераль Ивановъ послалъ меня въ Новый-Маргеланъ лично удостовѣриться, нельзя ли найти какую-нибудь почву для примиренія. Въ теченіе трехъ дней

6*

я зорко слѣдилъ за отношеніями между врагами и пришелъ къ убѣжденію, что никакіе компромиссы невозможны. Арендаренко почти всегда былъ неправъ, но старался поставить на своемъ, а Наливкинъ въ своихъ отношеніяхъ къ губернатору былъ очень несдержанъ и иногда даже грубъ, чего нельзя было допустить въ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальнику вообще, а въ военномъ вѣдомствѣ тѣмъ болѣе.

Генераль Тевяшовъ, не желая на первыхъ же порахъ входить въ личное разбирательство этихъ дразгъ, но не признавая возможнымъ терпѣть такой ненормальный порядокъ, просилъ военного министра командировать кого-нибудь изъ главнаго штаба для разслѣдованія всѣхъ столкновеній между Арендаренкомъ и Наливкинымъ. Командированъ былъ начальникъ азіатскаго отдѣла главнаго штаба генераль Васильевъ, бывший раньше помощникомъ ферганскаго губернатора. Генераль Васильевъ пользовался и въ краѣ и въ главномъ штабѣ такою безупречною репутаціей, что лучшаго выбора для такого щекотливаго порученія нельзя было сдѣлать. Результатомъ разслѣдованія было увольненіе отъ должностей и Арендаренка и Наливкина.

Наливкинъ вышелъ въ отставку и поселился въ Ташкентѣ. Казалось бы, что карьера его была покончена. Между тѣмъ неожиданно онъ оказался выбраннымъ отъ Ташкента членомъ второй государственной думы. Я лично радовался, узнавъ, какого депутата послалъ въ думу Ташкентъ. Лучшаго защитника интересовъ края нельзя было себѣ представить. Вотъ гдѣ открывался ему широкій путь послужить интересамъ Туркестана, ставшаго его второй родиной!

Судите мое удивленіе, когда этотъ добродушный, благожелательный человѣкъ, этотъ всегда аккуратный и исполнительный чиновникъ, этотъ лояльный гражданинъ вдругъ съ трибуны заявилъ народнымъ представителямъ, что онъ «имѣетъ честь принадлежать къ соціально-демократической фракціи» и что онъ считаетъ себя въ правѣ заявить, что Россійская юстиція это есть дама, у которой на лбу роковыя слова: «продается съ публичнаго торга»...

Больше за всю сессію Наливкинъ, кажется, ни слова не сказалъ въ думѣ.

Боже меня сохрани ставить въ упрекъ г. Наливкину его принадлежность къ той или иной политической фракціи, хотя я могъ бы его спросить: какъ онъ могъ оставаться вице-губернаторомъ, будучи соціалистомъ, или по какимъ соображеніямъ онъ могъ промѣнять красную подкладку на красную гвоздику?

Но меня интересуетъ другой вопросъ: какія вѣскія данныя имѣлъ Наливкинъ, чтобы публично забросать грязью все судебное вѣдомство. Вѣдь служба исключительно въ Туркестанѣ, онъ зналъ только тѣ органы юстиціи, которые функціонировали въ краѣ. Но

я, навѣрное, лучше его знаю дѣятельность всѣхъ чиновъ министерства юстиціи, служившихъ въ краѣ съ 1886 года, и смѣю утверждать, что всегда и во всемъ краѣ лица эти пользовались общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Можетъ быть, были и исключенія; можетъ быть, гдѣ-нибудь въ провинціи Туркестана попадались люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія; но если это было, то это слѣдуетъ назвать исключеніемъ. Въ общемъ же русская юстиція въ Туркестанѣ заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія. Зачѣмъ понадобилось г. Наливкину забрасывать ее грязью,—не понимаю. Если для краснаго словца, то это уже совсѣмъ непростительно для такого серьезнаго человѣка, и мнѣ кажется, что многіе избиратели гор. Ташкента должны были сконфузиться за своего избранника, когда прочитали его «единственную» въ думѣ рѣчь.

Н. Н. Тевяшовъ признавалъ, что для энергичной и вполнѣ плодотворной дѣятельности въ краѣ нужны люди нестарые, а потому вмѣсто генерала Арендаренка онъ выбралъ молодого генерала генеральнаго шгаба Покотилло. Почти одновременно съ этимъ заявили желаніе объ уходѣ съ должностей военные губернаторы Сырь-Дарьинской области генераль Корольковъ и Самаркандской генераль Мѣдинскій. Оба эти генерала всю свою жизнь посвятили службѣ въ Туркестанѣ и пользовались всеобщимъ заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ. Корольковъ былъ прекрасно образованный, мягкій и сердечный человѣкъ. Онъ считался выдающимся ботаникомъ, и имя его на этомъ поприщѣ извѣстно было въ Европѣ. Но продолжительная служба утомила его, а преклонные годы надорвали его силы и энергію. Послѣдніе годы онъ почти не интересовался дѣлами своей области, что не могло не отразиться неблагоприятно на управленіи. Но многое ему прощалось потому, что онъ пользовался всегда общими симпатіями и любовью. Онъ наконецъ самъ догадался, что ему пора уступить свое мѣсто другому, и ушелъ, сохранивъ общее уваженіе. Вмѣсто него былъ назначенъ молодой генераль Ѳедотовъ.

Самаркандскій губернаторъ генераль Мѣдинскій прибылъ въ край вмѣстѣ съ Черняевымъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Пройдя послѣдовательно всѣ административныя должности, онъ достигъ мѣста губернатора безъ всякихъ связей и протекціи, благодаря своимъ выдающимся административнымъ талантамъ. Служа долго подъ начальствомъ генерала Абрамова, генераль Мѣдинскій прошелъ хорошую административную школу. Чувствуя, что его годы начинаютъ неблагоприятно вліять на его работоспособность, Мѣдинскій сразу безъ колебаній рѣшилъ выйти въ отставку, хотя могъ еще нѣсколько лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ управлять областью. Еще при жизни генерала Иванова онъ заявлялъ желаніе уйти на покой, но Ивановъ энергично протестовалъ противъ такого рѣшенія и упросилъ его продолжать службу. Съ

пріѣздомъ Н. Н. Тевяшова Мѣдинскій снова подалъ прошеніе объ отставкѣ, и Тевяшовъ, не знавшій прошлой службы этого почтеннаго дѣятеля, не протестовалъ. Въмѣсто Мѣдинскаго Н. Н. Тевяшовъ предложилъ должность самаркандскаго губернатора молодому полковнику генеральнаго штаба Гескету, который раньше служилъ въ Самаркандѣ и въ Ташкентѣ. Зная хорошо Гескету, я долженъ сказать, что выборъ этотъ былъ очень удачный.

Генераль Тевяшовъ пробылъ въ Туркестанѣ нѣсколько болѣе года. Обѣхавъ край и лично ознакомившись съ служебнымъ персоналомъ, онъ только что приступилъ къ серьезной работѣ, какъ болѣзнь свалила его въ постель, съ которой онъ уже не всталъ. Съ перваго дня вступленія въ должность онъ просыпался около четырехъ часовъ утра, послѣ небольшой прогулки садился за письменный столъ и работалъ, буквально не разгибаясь, цѣлый день. Онъ интересовался всѣмъ, знакомился съ самыми ничтожными мелочами. Онъ обладалъ рѣдкою способностью сразу схватывать суть дѣла. Не довольствуясь официальными докладами, онъ приглашалъ къ себѣ многихъ частныхъ лицъ, коммерсантовъ и т. п. и подолгу разговаривалъ съ ними. Какъ будто предчувствуя свой близкій конецъ, онъ надрывалъ себя работой, и, несмотря на очень кратковременное пребываніе его въ Ташкентѣ, послѣ его кончины у него на письменномъ столѣ найдено было множество различныхъ записокъ составленныхъ разными лицами, иснещенныхъ его замѣтками, доказывающими, что онъ дѣйствительно и серьезно занимался со всѣми дѣлами. При его работоспособности, край могъ бы ожидать много хорошихъ реформъ, но Господь призвалъ его къ себѣ, къ огорченію лицъ, успѣвшихъ близко ознакомиться съ этимъ превосходнымъ человекомъ.

Ознакомившись вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ съ личностью своего помощника генерала Маціевскаго, Н. Н. Тевяшовъ, не раздумывая долго, замѣнилъ его начальникомъ своего штаба генераломъ Сахаровымъ. И этотъ выборъ нельзя было не привѣтствовать, ибо Сахаровъ былъ, безспорно, однимъ изъ выдающихся въ краѣ генераловъ въ эту эпоху.

XXIV.

Революція въ Туркестанскомъ краѣ.—Генераль Прасоловъ.—Назначеніе на должность генераль-губернатора генерала Субботича.—Быстрый уходъ его изъ края.—Мой выходъ въ отставку.

Манифестъ 17-го октября былъ для Ташкента такой же неожиданностью, какъ и для всей Россіи. Н. Н. Тевяшовъ былъ уже въ это время тяжело боленъ, и краемъ управлялъ генераль Сахаровъ. Въ тотъ же день появилась на улицахъ процессія съ красными флагами, которая съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ направи-

лась къ тюрьмѣ требовать освобожденія политическихъ арестантовъ. Власти, какъ и всюду въ Россіи, растерялись. Не растерялись только генераль Сахаровъ и генераль Маціевскій, и, благодаря ихъ твердымъ распоряженіямъ, требованія толпы манифестантовъ не были удовлетворены. Вечеромъ толпа снова собралась на перекресткѣ Воронцовской и Романовской улицъ. Появились ораторы, которые начали говорить зажигательныя рѣчи, но толпа держала себя гораздо спокойнѣе, чѣмъ утромъ. Если бы оставить манифестантовъ въ покоѣ, то, вѣроятно, черезъ часъ или два они разошлись бы по домамъ. Между тѣмъ губернаторъ на этотъ разъ потребовалъ войска, и когда они прибыли, то онъ предложилъ толпѣ разойтись. Толпа не послушалась, и онъ неожиданно для всѣхъ передалъ власть въ руки военного начальника, который приказалъ открыть огонь. Въ результатъ трое ничѣмъ неповинныхъ людей, простыхъ любопытныхъ зѣвакъ, были убиты. На слѣдующій день революція охватила весь городъ. Главари ея рѣшили особенно торжественно похоронить убитыхъ. Было объявлено, что полиція устраняется отъ исполненія своихъ обязанностей, что революціонеры учреждаютъ свою охрану, которая будетъ поддерживать порядокъ во время похоронъ. Губернаторъ допустилъ это. Начальникомъ самозванной полиціи оказался неизвѣстно кѣмъ выбранный или назначенный управляющій однимъ торговымъ домомъ С—въ, очень добродушный малый и большой кутила. Имъ былъ организованъ отрядъ конныхъ стражниковъ, очень комичныхъ по внѣшности, но преисполненныхъ важности возложеннаго на нихъ порученія. Съ большимъ трудомъ держась на извозчичьихъ клячахъ, они съ серьезными лицами поддерживали порядокъ. Картина была изумительная по своему комизму.

Власти безмолвствовали...

Наконецъ появилась огромная процессія съ тремя гробами. Члены городской управы несли вѣнки. Гимназисты и гимназистки съ красными тряпками пѣли «Со святыми упокой». На мѣстѣ вчерашней катастрофы толпа остановилась. На табуретку вскочилъ одинъ изъ главарей-революціонеровъ и очень долго и краснорѣчиво призывалъ народъ къ возстанію и мести за убитыхъ.

Власти безмолвствовали...

Съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ толпа двинулась на кладбище, конвоируемая новоявленными полицейскими въ пиджакахъ и котелкахъ. На кладбищѣ снова рядъ зажигательныхъ рѣчей, снова призывъ къ возстанію и мести, снова публичное шельмованіе существующаго правительства, и толпа съ сознаниемъ исполненнаго долга двинулась обратно подъ аккомпанементъ: «Вставай, подымайся, рабочій народъ»...

А власть попрежнему безмолвствовала...

Затѣмъ начался цѣлый рядъ зажигательныхъ митинговъ. Сразу

народился цѣлый легіонъ революціонныхъ ораторовъ, громившихъ правительство передъ учащеюся молодежью. Началась почтово-телеграфная забастовка. Край былъ отрѣзанъ отъ всего міра. Революція охватила весь край. Власти во всѣхъ областяхъ потеряли почву. Изъ Петербурга не получалось никакихъ директивъ. Намъ, несчастнымъ бюрократамъ, особенно излюбленнымъ ораторами-революціонерами, уже мерещилась пріятная перспектива болтаться на фонаряхъ по приговору ташкентскихъ Робеспьеровъ. Начались беспорядки въ войскахъ, и въ Ташкентѣ формально взбунтовался резервный батальонъ, расположенный въ крѣпости. Благодаря энергіи и твердости Сахарова, къ крѣпости были стянуты войска. Среди ночной тишины раздалась пальба пачками, и бунтовщики сразу смирились. Твердость и энергія другого генерала, коменданта крѣпости Кушка Прасолова, предотвратили еще болѣе серьезное возстаніе на нашей границѣ съ Афганистаномъ.

Прасолова много обвиняли въ рѣзкихъ его рѣшеніяхъ по этому дѣлу. Я увѣренъ, что впослѣдствіи роль этого генерала будетъ освѣщена вполне безпристрастно. Я не знаю подробностей кушкинской революціи, но не могу не признать, что комендантъ пограничной крѣпости долженъ былъ принять всякія дозволенные и недозволенные средства къ прекращенію измѣны и бунта въ составѣ гарнизона. Сколько мнѣ извѣстно, Прасоловъ никого не казнилъ, и тѣмъ не менѣе спокойствіе и порядокъ какъ въ крѣпости, такъ и на желѣзнодорожной вѣткѣ Мервъ—Кушка были восстановлены. Революціонеры кричали, что Прасоловъ злодѣй, убійца, но мнѣніе это несправедливо. Прасоловъ одинъ, среди огромнаго большинства генераловъ, показалъ примѣръ твердости, военной доблести, и исполненія долга. Исторія русской революціи, несомнѣнно, отмѣтитъ Прасолова, какъ одного изъ вѣрныхъ сыновъ Россіи.

У насъ бунтовали цѣлые полки, бунтовали броненосцы, бунтовали крѣпостные гарнизоны. Во всѣхъ этихъ случаяхъ репрессіи были кровавы. Иначе и не могло быть, какъ это ни грустно. Кушка, нашъ крайній оплотъ на афганской границѣ, также была на шагъ отъ открытаго бунта (къ великому, вѣроятно, удовольствію англичанъ), но Прасоловъ безъ пролитія крови восстановилъ порядокъ и вѣрность долгу въ гарнизонѣ. Развѣ это не заслуга передъ Россіей?

Если онъ и прибѣгалъ къ незаконнымъ мѣрамъ (такъ, по крайней мѣрѣ, говорили тогда), то его слѣдовало наградить за это, потому что, борясь съ революціей путемъ мирныхъ реформъ и уничтоженія злоупотребленій, вкоренившихся въ плоть и кровь Россіи, правительство не должно останавливаться ни передъ какими самыми рѣзкими, самыми крайними мѣрами, дабы не допустить революціи проникнуть въ армію.

Прасоловъ, Сахаровъ и Маціевскій—единственные въ Туркестанѣ три человѣка, которые это хорошо понимали и твердо выполнили свой долгъ передъ отечествомъ и арміей.

Н. Н. Тевяшовъ, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни скончался и былъ временно погребенъ въ соборѣ, впредь до возстановленія желѣзнодорожныхъ сообщеній, когда вдова предполагала перевезти его прахъ въ ихъ родовое имѣніе Воронежской губерніи.

Настало опять переходное время въ ожиданіи новаго генераль-губернатора, восьмого по счету за время моей службы въ Туркестанѣ. Всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали, кто будетъ назначенъ въ такое тревожное время. Всѣ мы сознавали, что выборъ долженъ былъ пасть на человѣка выдающагося. Правительство должно было понимать, что если революція страшна въ коренной Россіи, то она можетъ быть прямо ужасна въ Средней Азіи, гдѣ миллионы мусульманъ, убѣдившись въ безсиліи русской власти покончить съ беспорядками, чинимыми горсточкой русскихъ, могли поднять знамя возстанія. Нужно было показать населенію, что если беспорядки и имѣли мѣсто въ Туркестанѣ, то главная власть, снабженная большими полномочіями, твердая, энергичная, не допуститъ повторенія пережитыхъ всѣми революціонныхъ ужасовъ. Во главѣ края долженъ былъ стать человѣкъ съ русскою душой, съ русскимъ сердцемъ, человѣкъ, любящій свою родину, дорожащій ея интересами, однимъ словомъ—настоящій русскій человѣкъ. Не понимать этого было невозможно, а отрицать это было преступно. И вотъ среди русскихъ людей военный министръ не нашелъ никого достойнаго занять постъ генераль-губернатора. Въ Ташкентѣ былъ налицо генераль Сахаровъ, превосходно знавшій край и въ военномъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, доказавшій свои способности и твердые принципы въ самое тяжелое, самое тревожное время. Да и, кромѣ Сахарова, развѣ въ Россіи совсѣмъ исчезли достойные русскіе люди?

Увы! Тогдашній военный министръ генераль Редигеръ не нашелъ во всей Россіи достойнаго русскаго человѣка, и провелъ въ туркестанскіе генераль-губернаторы серба по происхожденію генерала Субботича.

Я не буду говорить отъ себя ничего о кратковременной дѣятельности генерала Субботича въ Ташкентѣ. Свидѣтелей сыгранной имъ въ Туркестанѣ роли еще много налицо, и, несомнѣнно, въ свое время роль эта будетъ всесторонне описана. Скажу лишь, что, не пробывъ въ краѣ и года, онъ успѣвшилъ уѣхать въ Петербургъ, гдѣ и назначенъ былъ по его просьбѣ въ военный совѣтъ. Меня въ это время уже не было въ краѣ, но я помню циркулировавшій въ то время рассказъ о таинственномъ отъѣздѣ его изъ края въ поѣздѣ, который поданъ былъ не въ Ташкентѣ, а на ближайшемъ полустанкѣ.

Живя уже въ Петербургѣ, я узналъ, что въ Ташкентъ послана была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ пользовавшагося особымъ довѣріемъ Государя лица. По возвращеніи этой комиссіи, членъ военнаго совѣта генераль Субботичъ былъ уволенъ въ отставку.

Съ генераломъ Субботичемъ я прослужилъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Онъ такъ недвухсмысленно далъ мнѣ понять, что имѣетъ на мое мѣсто другого человѣка, что мнѣ, конечно, не оставалось ничего больше, какъ подать въ отставку, что я и сдѣлалъ въ маѣ или іюнѣ 1906 года.

XXV.

Общія воспоминанія о наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ въ Туркестанѣ за тридцать шесть лѣтъ.—Нѣсколько заключительныхъ словъ по адресу канцеляріи генераль-губернатора.

Заканчивая этимъ фактомъ мои воспоминанія, обязываюсь вспомнить рядъ лицъ, прошедшихъ передо мною въ теченіе тридцати шести лѣтъ моей службы въ Туркестанѣ.

Прежде всего возвращаясь къ блестящей эпохѣ кауфманскаго времени, я вспоминаю, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ умѣлъ привлечь въ край выдающихся ученыхъ и людей науки, посвятившихъ годы на изученіе и описаніе края во всѣхъ отношеніяхъ. Передъ моими глазами проходятъ такія выдающіяся личности, какъ Сѣверцевъ, Барбо-де-Морни, Федченко, Миддендорфъ, Романовскій, Мушкетовъ. Кауфманъ щедрой рукой давалъ средства на снаряженіе ученыхъ экспедицій и на изданіе ихъ трудовъ. Литература о Средней Азіи обогатилась многими шедеврами, исключительно благодаря симпатіямъ и поддержкѣ Кауфмана. Не было того уголка, начиная съ болотныхъ низинъ дельты Аму-Дарьи и кончая горными ледниками и вѣчными снѣгами, которые остались бы не изслѣдованными и не описанными. Это былъ поистинѣ Перикловъ вѣкъ Туркестанскаго края.

Вспоминаю Н. В. Чарыкова, молодого еще тогда дипломата, первымъ назначеннаго на должность нашего дипломатическаго представителя въ Бухарѣ. Молодой годами, Чарыковъ былъ строго выдержанный, всегда чрезвычайно корректный и тактичный человѣкъ. Врагъ черствой канцелярщины, прекрасно образованный, благовоспитанный и съ большимъ состояніемъ, онъ сразу установилъ прекрасныя отношенія съ эмиромъ и его главными сотрудниками. Настойчивый въ своихъ требованіяхъ, Чарыковъ умѣлъ добиться всегда ихъ осуществленія, не оскорбляя самолюбія бухарскихъ сановниковъ и оставаясь съ ними въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Это былъ, дѣйствительно, дипломатъ въ лучшемъ значеніи

этого слова. Дальнѣйшая его карьера въ Европѣ лишь подтверждаетъ это о немъ мнѣніе.

Замѣстителемъ Чарыкова былъ назначенъ П. М. Лессаръ. Инженеръ путей сообщенія по образованію, онъ сразу выдвинулся, принимая участіе въ комиссіи по разграниченію Россіи и Афганистана. Переведенный въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ вскорѣ былъ назначенъ вмѣсто Чарыкова въ Бухару. Это былъ человекъ большого ума и серьезной начитанности. Онъ высоко держалъ русское знамя въ мусульманской Бухарѣ, но, страдая уже тогда почти неизлечимымъ недугомъ, онъ вслѣдствіе болѣзненности былъ крайне несдержанъ и раздражителенъ. Эмиръ и его сановники уважали его какъ разумнаго и твердаго представителя русскаго монарха, но не любили его и страшно боялись, и я думаю, что многіе при дворѣ эмира въ душѣ радовались, когда Лессаръ назначенъ былъ нашимъ консуломъ въ Ливерпуль и оставилъ навсегда Бухару.

Вспоминаю незабвеннаго М. М. Шарыгина, много лѣтъ служившаго въ краѣ по судебному вѣдомству. Это былъ человекъ самаго добраго сердца, мягкій, отзывчивый, кристально-чистый. Прекрасный юристъ, безпристрастный прокуроръ сначала окружнаго суда, а затѣмъ судебной палаты, онъ былъ самымъ виднымъ представителемъ въ краѣ судебного вѣдомства, такъ несправедливо оклеветаннаго съ думской трибуны Наливкинымъ. Домъ Шарыгина былъ самымъ гостепріимнымъ въ Ташкентѣ. Тамъ были рады всякому гостю, всѣхъ одинаково радушно встрѣчала милая, гостепріимная хозяйка. Все общество единодушно любило и уважало Шарыгина; онъ не имѣлъ враговъ. И вотъ Шарыгинъ былъ убитъ однимъ изъ революціонеровъ, только что накануне выпущеннымъ изъ тюрьмы. По чьему распоряженію? Для меня это осталось неизвѣстнымъ. Быть можетъ, это темное дѣло будетъ выяснено кѣмъ-либо изъ современниковъ кроваваго событія въ Ташкентѣ.

Вспоминаю Н. А. Дедюлина, сначала прокурора, а затѣмъ старшаго предсѣдателя судебной палаты. Пользуясь большимъ авторитетомъ среди всѣхъ чиновъ судебного вѣдомства, онъ всегда вліялъ на нихъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Собственнымъ примѣромъ онъ всегда старался достичь, чтобы судебное вѣдомство шло рука объ руку съ администраціей, и дѣйствительно, за его время никто ни изъ старшихъ, ни изъ младшихъ агентовъ администраціи не могъ сдѣлать никакого упрека судебнымъ чинамъ, и отношенія между администраціей и юстиціей всегда были самыя лучшія. Отъ этого только выигрывало дѣло, и въ этомъ отношеніи за Н. А. Дедюлинымъ нужно считать главную заслугу.

Вспоминаю В. П. Череванскаго, перваго предсѣдателя контрольной палаты. Человекъ рѣдкихъ способностей, Владимиръ Павловичъ смотрѣлъ на обязанности контролера вполне разумно. Не оста-

вляя безъ преслѣдованія ни одного неправильнаго расхода, а тѣмъ болѣе если въ основѣ его усматривалось злоупотребленіе, Череванскій избѣгалъ въ своей дѣятельности ничтожныхъ и подчасъ вздорныхъ начетовъ, которые, къ сожалѣнію, составляютъ понинѣ главную суть дѣятельности контрольных палатъ. Онъ былъ дѣйствительно охранителемъ серьезныхъ государственныхъ интересовъ, а не членомъ сыскаго отдѣленія. Конечно, и у него были недоброжелатели, которыхъ онъ заставлялъ возвращать въ казенный сундукъ неправильно полученныя денежныя суммы, но общество его цѣнило и уважало, какъ честнаго и безпристрастнаго труженика.

Вспоминаю Н. О. Ульянова. Это былъ человѣкъ съ большимъ сценическимъ талантомъ серьезнаго комика. Благодаря его стараніямъ, въ Ташкентѣ съ самыхъ давнихъ поръ образовался кружокъ любителей драматическаго искусства, который давалъ постоянные спектакли съ благотворительной цѣлью. Въ тѣ времена не было еще въ Ташкентѣ никакихъ благотворительныхъ обществъ, а бѣдныхъ, больныхъ и нуждающихся было уже много. Благодаря крупному таланту Ульянова и его энергіи, кружокъ любителей сдѣлалъ въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ много добра, и не одинъ бѣднякъ вспоминалъ съ благодарностью отзывчиваго Николая Оедоровича. Помимо сцены, онъ былъ очень хорошій гражданскій инженеръ и притомъ безупречно честный человѣкъ, и Кауфманъ очень цѣнилъ и уважалъ его.

Проходятъ передо мною тѣни многихъ сотенъ скромныхъ тружениковъ, которые не отличались ни громкимъ именемъ, ни славными подвигами, ни выдающеюся дѣятельностью, но которые честно вносили свою лепту въ великое дѣло русской гражданственности въ далекой мусульманской окраинѣ. Всѣ они жили скромно, служили безъ рекламы и также скромно сходили со сцены, уступая мѣсто другимъ труженикамъ. Были между ними и дурные и безнравственные люди, но гдѣ же ихъ не бываетъ? Но en masse контингентъ служащихъ лицъ всегда былъ выше всякой похвалы. Мѣнялись генераль-губернаторы, мѣнялись взгляды на управленіе, мѣнялись даже принципы, но эти сотни неизвѣстныхъ тружениковъ несли безропотно свою службу, плохо оплачиваемую и скупо награждаемую. Въ настоящее время принято считать главнымъ зломъ въ Россіи бюрократію, т. е. чиновничество. Я не знаю чиновничества Европейской Россіи, а потому не могу оспаривать по отношенію къ нему этого взгляда, но, оглядываясь на мою тридцатишестилѣтнюю службу въ Туркестанѣ, я съ увѣренностью и гордостью считаю себя въ правѣ заявить, что чиновничество въ Туркестанскомъ краѣ съ честью служило русскому дѣлу всегда и на всѣхъ поприщахъ, начиная съ перваго дня существованія генераль-губернаторства и до момента моего выѣзда изъ края.

Что дѣлается въ краѣ теперь—я не знаю, но убѣжденъ, что масса скромныхъ тружениковъ такъ же безупречна, какъ и прежде.

Въ заключеніе считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сказать нѣсколько искренне-теплыхъ словъ по адресу канцеляріи генераль-губернатора, въ стѣнахъ которой я прослужилъ безъ перерыва тридцать шесть лѣтъ съ чина подпоручика до тайнаго совѣтника.

При томъ огромномъ значеніи, при той власти, которыми обладалъ, особенно первые годы, генераль-губернаторъ, канцелярія, какъ его единственный въ краѣ органъ, всегда имѣла очень большое значеніе. Черезъ канцелярію проходили всѣ предначертанія начальниковъ края; въ ней разрабатывались всѣ законодательные проекты; черезъ нее проходили огромныя денежные суммы. Однимъ словомъ, работа канцеляріи была гигантская, особенно во время одиннадцатилѣтняго управленія краемъ К. П. Кауфмана. Такіе управляющіе, какъ Несторовскій и Щербинскій, сдѣлають честь любому министерству. Никогда за всѣ тридцать шесть лѣтъ моей службы ни одинъ упрекъ не раздавался по адресу канцеляріи. Даже такой предубѣжденный человѣкъ, какъ ревизовавшій въ 1882 г. край Ф. К. Гирсъ, который всѣми силами стремился докопаться въ дѣлахъ канцеляріи до какихъ-либо признаковъ незаконныхъ дѣйствій, въ концѣ концовъ долженъ былъ сложить оружіе и даже пригласилъ начальниковъ отдѣленій въ помощь ревизіи. Даже столь предубѣжденный противъ Кауфмана и его сподвижниковъ человѣкъ, какъ М. Г. Черняевъ, ознакомившись съ чинами канцеляріи и ихъ дѣятельностью, рѣзко измѣнилъ свои непріязненные къ нимъ отношенія и до конца своего управленія краемъ выказывалъ чинамъ канцеляріи довѣріе и уваженіе.

За тридцать шесть лѣтъ службы я сроднился съ канцеляріей, чины которой всегда составляли тѣсную семью дружно и честно трудившихся людей. Мнѣ было больно и тяжело разставаться съ этими тружениками, и теперь, на склонѣ моихъ дней, я часто мысленно переживаю долгій періодъ моей службы среди этихъ истинно-хорошихъ людей.

Г. П. Федоровъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1914 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

санъ (31 октября 1893 г.), онъ состоялъ епископомъ глазовскимъ и викаріемъ вятской епархіи (1893—1894 гг.), епископомъ екатеринбургскимъ и ирбитскимъ (1894—1896 гг.), епископомъ екатеринославскимъ (1896—1911 гг.) и, наконецъ, епископомъ самарскимъ (съ 4 октября 1911 года до дня своей кончины). Епископу Симеону принадлежали: «Слово при нареченіи во епископа» («Церковныя Вѣдомости» 1893 года, № 45) и проповѣди, помѣщенные въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ губерній, гдѣ онъ проходилъ свое святительское служеніе. Любопытныя же свѣдѣнія о немъ находятся въ «Автобіографическихъ запискахъ» тверскаго архіепископа Саввы (т. VI, стр. 518, и т. VIII, стр. 628). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г. № 270).

† **Тарскій, А. І.** 29-го ноябрю скончался бывшій артистъ театра А. С. Суворина А. І. Тарскій (Стойкинъ). Покойный началъ служить въ Петербургѣ съ 1904 года, сперва въ театрѣ Пеметти, а затѣмъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества, гдѣ онъ пробылъ около пяти лѣтъ. За годы службы въ Петербургѣ онъ успѣлъ переиграть массу ролей, изъ которыхъ многія запоминались. Тарскій, бросившій ради сцены военную карьеру, нашелъ здѣсь себя и пользовался у петербургской публики неизмѣннымъ успѣхомъ. Однако кичущая натура покойнаго не давала ему покоя, и сценическіе успѣхи за послѣднее время стали его не удовлетворять. Онъ сталъ себя пробовать на поприщѣ драматурга, и два года назадъ написалъ свою первую пьесу «Боевые товарищи», поставленную въ театрѣ А. С. Суворина. «Боевые товарищи» были хорошо приняты публикой, и А. І. Тарскій предпринялъ со своей пьесой большую поѣздку по провинціи. Въ прошломъ году въ томъ же театрѣ шла его пьеса «Прапорщикъ запаса». А. І. говорилъ, что эта пьеса должна была рѣшить его судьбу: или онъ долженъ стать драматургомъ, или же остаться актеромъ. Въ концѣ прошлаго сезона Тарскій уѣхалъ изъ Петербурга и перешелъ въ харьковскій театръ Синельникова, гдѣ онъ исполнялъ также обязанности режиссера. А. І. Тарскій въ ноябрѣ сильно простудился и вскорѣ захворалъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. За нѣсколько дней до смерти, какъ говорятъ, А. І. лишился разсудка и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. А. І. Тарскій, будучи офицеромъ, участвовалъ въ русско-японской войнѣ, а въ прошломъ году въ качествѣ корреспондента с.-петербургскаго телеграфнаго агентства провелъ кампанію на Ближнемъ Востокѣ. Корреспонденціи А. І. Тарскаго съ театра военныхъ дѣйствій между прочимъ печатались и въ «Вечернемъ Времени». Послѣ покойнаго осталась очень интересная коллекція театральныхъ рисунковъ, фотографій и карикатуръ, исполненныхъ имъ самимъ. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1913 г., № 627).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отвѣтъ А. Черняевой.

Въ № 13546 «Новаго Времени» помѣщена замѣтка А. Черняевой по поводу моихъ воспоминаній о М. Г. Черняевѣ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Оставляя на отвѣтственности г-жи Черняевой ничѣмъ не обоснованное

обвиненіе меня въ «веселомъ легкомысліи», я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу ея замѣтки по существу.

Я склоненъ вѣрить А. Черняевой, что Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ быта выработана система управленія Туркестанскимъ краемъ, но знаю и утверждаю, что никто изъ служившихъ тогда въ край не подозрѣвалъ о какихъ-либо административныхъ планахъ новаго генераль-губернатора, ибо послѣдній ни съ кѣмъ не дѣлился своими предположеніями.

Я не буду оспаривать преимуществъ воднаго экспортнаго пути передъ сухопутнымъ, но не могу не замѣтить, что продолжительная поѣздка генераль-губернатора (на заботахъ и отвѣтственности котораго была огромная азіатская окраина) для *личнаго* ¹⁾ обследованія новаго торговаго пути, пролегающаго *внѣ предѣловъ управляемаго имъ края* ¹⁾, не могла не вызвать общаго недоумѣнія и изумленія.

Я не оспариваю заявленій А. Черняевой, что эта поѣздка удостоилась высочайшей благодарности, но позволяю себѣ увѣрить г-жу Черняеву, что плаваніе на рыбацкѣй лодкѣ по заливу Мертвый Култукъ и затѣмъ на крошечномъ пароходѣ «Водолей» по Каспійскому морю до Астрахани ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано фактомъ открытія новаго торговаго пути, такъ какъ Каспійское море испоконъ вѣка было судоходнымъ, а безусловная негодность къ судоходству залива Мертвый Култукъ какъ тогда, такъ и нынѣ, никѣмъ не оспаривается. Говорить же о торговомъ значеніи караваннаго пути между Аральскимъ и Каспійскимъ морями едва ли нужно, ибо во время поѣздки М. Г. Черняева уже была отстроена нѣсколько южнѣй часть Среднеазиатской желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря (заливъ Узунъ-Ада) до Кизыль Арвата.

А, Черняева говорить о великихъ заслугахъ М. Г. Черняева передъ отечествомъ. Позволю себѣ спросить, какое это имѣетъ отношеніе къ моимъ воспоминаніямъ? Я самъ чту Черняева, какъ народнаго героя, какъ блестящаго полководца въ Средней Азіи и въ Сербіи. Ни однимъ словомъ я не позволилъ себѣ опорочить блестящее прошлое Михаила Григорьевича, но въ моихъ воспоминаніяхъ я не могъ не указать на то, что, будучи уже больнымъ и разбитымъ старикомъ, назначенный на отвѣтственный постъ генераль-губернатора, онъ оказался не на высотѣ своего положенія.

Позволю себѣ привести слова г. Карцева, который въ своемъ очеркѣ «За кулисами дипломатіи» («Русская Старина») говорить, между прочимъ, о М. Г. Черняевѣ: «Непонятно, какъ могли люди, близко его знавшіе, поставить его на высокій административный постъ, гдѣ практическій смыслъ и выдержка необходимы, и удивляться, что онъ попадѣлъ въ промаховъ».

А, впрочемъ, можетъ быть, А. Черняева обвинить и г. Карцева въ «веселомъ легкомысліи»?

Г. П. Федоровъ.

¹⁾ Курсивъ мой.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

† Эсадзе, Б. С. 31-го января въ два часа дня скончался штабъ-офицеръ для порученій при военномъ губернаторѣ Карсской области подполковникъ Борисъ Спиридоновичъ Эсадзе, въ послѣднее время, помимо исполненія порученій губернатора, занимавшій должность секретаря статистическаго комитета Карсской области. Покойный отличался рѣдкою трудоспособностью, поразительной энергіей, безграничной преданностью къ литературѣ и печати и искреннею неподдѣльною любовью къ своей маленькой родинѣ—Грузіи и къ великому отечеству—Россіи. Эту любовь онъ унаслѣдовалъ отъ отца, генерала Эсадзе (родомъ изъ гор. Озургеты), игравшаго въ Тифлисѣ въ свое время видную роль, и еще болѣе развилъ, благодаря вліянію братьевъ, лицъ талантливыхъ, посвятившихъ себя служенію наукъ и литературѣ. Будучи отъ природы способнымъ человѣкомъ, онъ рано привязался къ литературнымъ занятіямъ. Можно сказать, не возникало ни одного важнаго въ краѣ вопроса, который бы его не волновалъ и которому онъ не посвятилъ статьи, замѣтки или цѣлаго очерка. И военный мундиръ вовсе не мѣшалъ ему заниматься любимымъ дѣломъ. Онъ сотрудничалъ во многихъ тифлисскихъ изданіяхъ, выходящихъ на русскомъ языкѣ, и одно время самъ редактировалъ газеты: «Карсъ», «Кавказскій Край» и «Кавказскую Армію»; на изданіе двухъ послѣднихъ онъ положилъ все свое состояніе. Онъ составилъ и издалъ рядъ солидныхъ трудовъ и сборниковъ по кавказовѣдѣнію, какъ, напр., «Весь Кавказъ», «Лѣтопись Грузіи», а другимъ маленькимъ очеркамъ его нѣтъ числа. Онъ помѣщалъ цѣнныя статьи также и въ «Закавказской Рѣчи», постояннымъ сотрудникомъ которой онъ былъ съ начала основанія этого изданія. Его послѣдніе очерки, подъ общимъ названіемъ «Край св. Нины», привлекли всеобщее вниманіе и заинтересовали широкіе слои населенія. Покойный принималъ живое участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ и страстно, со всей пылкостью своей живой натуры предавался искреннему служенію на пользу общества. Онъ состоялъ также одно четырехлѣтіе и гласнымъ тифлиской городской думы. (Некрологъ его: «Закавказская Рѣчь», 1914, № 27).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

До меня дошли слухи, что близкія къ покойному генералу Духовскому лица высказываютъ неудовольствіе по поводу того, что въ моихъ воспоминаніяхъ о С. М. Духовскомъ («Истор. Вѣстн.» 1913 г., кн. № 12) я будто бы былъ при-
страстно-одностороненъ, коснувшись лишь отрицательной стороны дѣятельности этого генералъ-губернатора.

Не могу, по чувству справедливости, не признать подобное неудовольствіе до извѣстной степени уважительнымъ. Я говорю «до извѣстной степени» потому,

что если въ моихъ воспоминаніяхъ можно найти признаки односторонности, то ни въ какомъ случаѣ не пристрастной.

Если въ моихъ воспоминаніяхъ я подчеркнулъ и благотворную дѣятельность генерала Духовского въ бытность его приамурскимъ генераль-губернаторомъ, то тѣмъ болѣе мнѣ досадно, что я не указалъ положительной стороны его въ должности туркестанскаго генераль-губернатора, а потому по долгу безпристрастія обязываюсь добавить, что по общему мнѣнію лицъ, служившихъ въ Туркестанѣ при генералѣ Духовскомъ, онъ пользовался въ краѣ репутаціей безусловно честнаго и справедливаго человѣка, не причинившаго никому зла.

Г. Федоровъ.

II.

Для реабилитаціи имени моего покойнаго брата генерала Маціевскаго прошу помѣстить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нижеслѣдующую замѣтку на статью Г. П. Федорова «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ», помѣщенную въ декабрьской книжкѣ журнала за 1913 годъ.

Если бы Г. П. Федоровъ былъ знакомъ съ послужнымъ спискомъ генерала Маціевскаго, то не написалъ бы того, что у него написано на стр. 871 по поводу назначенія генерала Маціевскаго помощникомъ Иванова. Генераль Маціевскій былъ сподвижникомъ генераловъ Черняева и Романовскаго въ Туркестанскомъ краѣ и товарищемъ генераловъ Абрамова и Иванова на службѣ въ пѣшей артиллеріи, въ это время въ чинѣ подпоручика и, говоря словами Г. П. Федоровъ по поводу службы Иванова, продѣлалъ всю экспедицію, закончившуюся взятіемъ Ташкента. Генераль Ивановъ при назначеніи Маціевскаго прислалъ ему самую любезную телеграмму, вспомнивъ о прежней со-вмѣстной службѣ.

Но могло быть также неизвѣстно Г. П. Федорову, что ген. Маціевскій до назначенія на службу въ Туркестанскій край находился на посту губернатора Забайкальской области въ теченіе восьми лѣтъ и высочайше утвержденъ въ званіи почетнаго гражданина города Читы почетнымъ казакомъ и почетнымъ старикомъ двухъ станицъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Также долженъ быть извѣстенъ и его образовательный цензъ, такъ какъ онъ числится по генеральному штабу.

Мнѣ извѣстно, что генераль Маціевскій передъ смертью, въ городѣ Кіевѣ, въ 1910 году, передалъ свои записки полковнику генеральнаго штаба Гаврилову. Надѣюсь, что онъ вскорѣ увидать свѣтъ, а Г. П. Федоровъ, можетъ быть, ихъ и прочтетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пріятно было прочесть благопріятные отзывы о моемъ братѣ такого недоброжелателя генерала Маціевскаго, какъ Г. П. Федоровъ, помѣщенные на стр. 887 и 889 и свидѣтельствующіе о томъ, что мой братъ въ трудные дни, пережитые Ташкентомъ въ 1905 г., оставался на высотѣ своего при-

званія и наравѣ съ генераломъ Сахаровымъ не растерялся. Кто твердо выполнилъ долгъ передъ отечествомъ и арміей, явилъ гражданскіе подвиги, тотъ не можетъ обладать тѣми отрицательными свойствами, каковыми наградить г. Федоровъ моего брата.

И. И. Маціевскій.

III.

Къ статьѣ г. И. Г. «Послѣдній изъ стаи славной».

Въ статьѣ г. И. Г. («Истор. Вѣстн.», 1913 г., № 3), посвященной графу А. А. Голенищеву-Кутузову, на стр. 917, между прочимъ, говорится: «...Въ качествѣ члена-корреспондента (академіи наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности) онъ (графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ) памятенъ тѣмъ, что, благодаря исключительно его отзыву, была присуждена Пушкинская премія Надсону».

Между тѣмъ, въ «Отчетѣ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году», составленномъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академикомъ Я. К. Гротомъ (т. 41—1887 г. Сборника отдѣленія, стр. 2) сказано слѣдующее: «Разборъ представленныхъ на соисканіе преміи стихотвореній С. Я. Надсона принялъ на себя одинъ изъ нашихъ поэтовъ, но за недоставленіемъ имъ отзыва въ назначенный срокъ разборъ этотъ написанъ составителемъ настоящаго отчета» (т.-е. Я. К. Гротомъ).

Правда, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ представилъ въ отдѣленіе русскаго языка и словесности порученный ему онымъ разборъ стихотвореній С. Я. Надсона, но уже послѣ присужденія премій и напечатанія рецензій, а посему отзывъ графа никакого вліянія на присужденіе Надсону преміи имѣть не могъ.

Тѣмъ не менѣе отдѣленіе признало полезнымъ приложить его разборъ къ отчету,—и это обстоятельство, по всей вѣроятности, и ввело въ заблужденіе составителя статьи «Послѣдній изъ стаи славной»—г-на И. Г.

И. О. Иванайнень.

О П Е Ч А Т К А.

Въ февральской книжкѣ, на стр. 456 (въ восьмой строкъ примѣчанія) вмѣсто: «въ *Либавѣ*»—слѣдуетъ: «въ *Ливадіи*».